

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

3
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: novikova.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерении.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: novikova.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., associate professor, University Paris VIII, France

D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University, USA

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D., professor of Communication, Eastern Washington University, USA

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, USA

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz–Vienna, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- B. Stelzl-Marx*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz–Vienna, Austria, vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria
- A.D. Voskressenskii*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

- N.A. Medushevskii*, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH
A.A. Novikova, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, США

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет, США

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., доцент, Университет Париж VIII, Франция

Д. Фоглесонг, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс, США

Т.А. Шаكليина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

А.А. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, РГГУ

А.А. Новикова, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки: история России и постсоветского пространства

Андрей В. Дахин

Региональная стратификация политического пространства
в ситуации распада СССР: концептуальные парадоксы и решения 12

Никита А. Краснощеков

Роль письма Л.Ф. Ильичева в организации
внешнеполитической пропаганды
накануне выставки США в Москве (1959 г.) 23

Николай А. Медушевский

Политика памяти в Словакии на современном историческом этапе 36

Исторические науки. Всеобщая история

Дмитрий Д. Беляев

Концепция трибутарного способа производства в Мезоамерике
в мексиканской историографии второй половины XX в. 52

Елизавета И. Новикова

Отражение советско-польской войны в контексте
формирования польской государственности в трудах
Ю. Мархлевского и Ю. Пилсудского 68

Общественно-политические науки

Анна В. Бояркина

Осмысление «дипломатии великой державы
с китайской спецификой»: общее и особенное 79

Владимир С. Авдонин

«Проектирование» советского политического прошлого
во властном дискурсе РФ 98

Екатерина С. Высочина

Роль ислама в политическом курсе М. Кадафи 111

<i>Сергей П. Донцев</i>	
Институциональный аспект государственно-конфессиональных отношений современной Украины	121
<i>Кирилл А. Зверев</i>	
Политика Латвии в отношении образования на русском языке	134
<i>Елена С. Мелкумян</i>	
«Мягкая сила» во внешней политике Султаната Оман	147

CONTENTS

Historical Sciences. History of Russia and Post-Soviet Space

Andrei V. Dakhin

The regional stratification of political space in the context of the USSR's collapse. Conceptual paradoxes and conceptual decisions 12

Nikita A. Krasnoshchekov

The role of L.F. Ilyichev's letter in the organization of foreign policy propaganda on the eve of the U.S. exhibition in Moscow in 1959 23

Nikolai A. Medushevskii

Memory policy in Slovakia at the present historical stage 36

Historical Sciences. World History

Dmitri D. Beliaev

Tributary mode of production in Mesoamerica in Mexican historiography of the second half of the 20th century 52

Elizaveta I. Novikova

The reflection of the Polish-Soviet War in the context of the formation of Polish statehood in the works of Yulian Marchlewski and Józef Piłsudski 68

Socio-Political Sciences

Anna V. Boyarkina

Comprehension of "great power diplomacy with Chinese characteristics". Similarities and differences 79

Vladimir S. Avdonin

"Designing" the Soviet political past in the authoritative discourse of the Russian Federation 98

Ekaterina S. Vysochina

The role of Islam in the political course of M. Gaddafi 111

<i>Sergei P. Dontsev</i>	
Institutional aspect of state-religious relations in modern Ukraine	121
<i>Kirill A. Zverev</i>	
Latvian policy regarding Russian-language education	134
<i>Elena S. Melkumian</i>	
“Soft Power” in Sultanate of Oman’s foreign policy	147

Исторические науки: история России и постсоветского пространства

УДК 327.2(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-12-22

Региональная стратификация политического пространства в ситуации распада СССР: концептуальные парадоксы и решения

Андрей В. Дахин

*Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Нижний Новгород, Россия, nn9222@rambler.ru*

Аннотация. Автор статьи рассматривает ситуацию распада СССР в аспекте анализа теоретико-методологических ресурсов, которые используются для исследования этих процессов. При этом происходит парадоксальное смешение теоретических подходов внутриполитической политической регионалистики и концепций, характерных для теории международных отношений. Отмечая достаточно глубокое концептуальное различие между теориями внутриполитической регионалистики и теориями международных отношений, автор показывает, что в ситуации исследований распада СССР, когда внутриполитические отношения между союзными республиками преобразуются в международные отношения постсоветских государств, концептуальные ресурсы этих субдисциплин политической науки обнаруживают признаки теоретико-методологического сближения. В частности, изучение текста советолога Г. Зимона показывает, что можно выявить концептуальное сходство двух названных субдисциплин. К числу общих подходов относится многоуровневая системность, когда предмет исследования рассматривается как система, находящаяся внутри некоторой метасистемы и включающая в себе некоторые подсистемы; концепты «вертикальных» и «горизонтальных» политических измерений политического пространства, концепты «жесткой силы» и «мягкой силы». Автор делает вывод: дальнейшая проработка этих вопросов позволит продвинуться в сторону создания цельной политологической теории региональной стратификации политического пространства в современном обществе.

© Дахин А.В., 2021

Ключевые слова: региональная стратификация, политическое пространство, внутривнутриполитическая регионалистика, международные отношения, республика СССР, постсоветское независимое государство

Для цитирования: Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства в ситуации распада СССР: концептуальные парадоксы и решения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 12–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-12-22

The regional stratification of political space in the context of the USSR's collapse. Conceptual paradoxes and conceptual decisions

Andrei V. Dakhin

*Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia,
nn9222@rambler.ru*

Abstract. Author of the article has studied the situation with the USSR collapse in the aspect of analysing theoretical and methodological sources that were applied for these particular studies. There is a paradoxical mix of theoretical approaches from domestic regional political studies and concepts from typical international political studies. Noting a rather deep conceptual difference between the theories of domestic political regionalism and the theories of international relations the author shows that in the context of the USSR breakup, when domestic political relations between republics of the USSR were changed to international political relations between post-Soviet independent states, conceptual sources of those both sub-disciplines of political science reveal signs of theoretical and methodological convergence. In particular, the study of the text of the Sovietologist G. Zimon shows that it is possible to identify the conceptual similarity of the two mentioned sub-disciplines. Common approaches include multilevel consistency, when the object of research is considered as a system staying within a meta-system and including some sub-systems: the concepts of “vertical” and “horizontal” dimensions of political space; as well as concepts of “hard power” and “soft power”. The author concludes that the future elaboration on these aspects can give a roadmap toward a more complete politological theory of regional stratification of the political space in the modern society.

Keywords: regional stratification, political space, domestic regional political studies, international relations, republic of the USSR, post-Soviet independent state

For citation: Dakhin, A.V. (2021), "The regional stratification of political space in the context of the USSR's collapse. Conceptual paradoxes and conceptual decisions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 12–22, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-12-22

Анализ ситуации распада СССР интересен тем, что позволяет проследить, высветить парадоксальные отношения субдисциплин политической науки, которые, несмотря на известные тенденции «междисциплинарного синтеза», «междисциплинарного анализа» и пр., остаются в состоянии некоторого отчуждения и почти непрозрачны для взаимного теоретико-методологического обмена. Особенность контекста распада СССР состоит в том, что союзные республики, изучение которых в тот период было предметом советологической внутривнутриполитической регионалистики, после 1991 г. переходят в ведение субдисциплины «международные отношения». Внимание привлекает то, что на теоретическом уровне (советологической регионалистики) речь велась о новых концепциях для создания свободного союза суверенных государств на месте единого Советского государства, в которых предполагалась «передача компетенций нижестоящим организациям», «самоуправление народов и республик» [Zimon 1991, p. 9]. Понятия «нижестоящие организации» и «самоуправление» явно взяты из глоссария внутривнутриполитической регионалистики (советологической), хотя речь идет о начальном этапе в процессе становления международных отношений в постсоветском пространстве. «Достижение независимости» прибалтийских народов соотносится с провозглашенным М.С. Горбачевым намерением создания «гражданского общества» и утверждается: «На самом деле создание гражданского общества исключало сохранение... централизованного государства», где «мощное централизованное государство» видится «единственным гарантом» «порядка» и «дисциплины» [Zimon 1991, p. 11]. Понятие «гражданское общество» относится к методологической повестке внутривнутриполитической регионалистики, характеризует участников внутренних политических отношений в государстве, которое может быть более или менее централизованным. Переложенная в русло идеи распада СССР, внутривнутриполитическая эпистема «гражданское общество – государство» выворачивается наизнанку, чтобы вывести повествование из «регионалистики» в «международку»: «гражданское общество» представляется как нечто несовместимое с «централизованным государством», поэтому делается вывод о неизбежности

преобразования прибалтийских республик в самостоятельные государства. Отмечалось и то, что вместо централизованных коммуникаций возникает тенденция формирования «горизонтальных структур» для укрепления политических и экономических связей [Zimon 1991, pp. 23–24]. Из контекста видно, что понятие «централизованные отношения» (вертикальные структуры) относится к повестке внутривнутриполитической регионалистики, а рассказ о становлении «горизонтальных структур» – к повестке «международных отношений». Можно заметить также и то, что советологическая внутривнутриполитическая регионалистика, делая акцент на жесткости централизованного управления (распад государства определяется как «деколонизация» [Zimon 1991, p. 38]), заметно дискриминировала понятия, указывавшие на существование и состояние горизонтальных экономических связей между республиками СССР (система «совнархозов», экономических административных районов и пр.). С другой стороны, переводя повествование в контекст отношений постсоветских независимых государств, акцент делается на «горизонтальных структурах», а тема «вертикальных отношений» дискриминируется, будто в мире отношений независимых государств не существует систем вертикального подчинения.

Во всех приведенных примерах речь идет о механизме превращения внутривнутриполитических отношений республик СССР во внешнеполитические отношения независимых государств. История показала, что одни и те же политические регионы с их акторами и коммуникациями сохраняются в своем непрерывном существовании, но при этом переходят из одного состояния в другое. На уровне взаимоотношений субдисциплин «внутриполитическая регионалистика» и «международные отношения» непрерывное наблюдение за этим предметом трансформации не получается: объект наблюдения «союзная республика» просто исчезает с радаров «регионалистики», а на радарах «международных отношений» просто появляется некий новый объект «независимое государство». Для современников этих преобразований совершенно ясно, что исчезнувшая из контента «регионалистики» республика СССР реинкарнирует в «международку» в облике независимого государства. Однако для поколения, которое узнает об этом из книжек, связь между исчезнувшей республикой и появившимся в списке независимых государств новым названием далеко не очевидна, особенно если мы говорим о методологическом познании того и другого объекта.

Концептуально-понятийный строй субдисциплин «внутриполитическая регионалистика» и «международные отношения»

различается достаточно радикально, между их списками ключевых понятий почти отсутствует механизм конвертации смыслов, за исключением ядра общих для политической науки понятий, таких как «политический актор», «политический институт» и пр. Ситуация распада СССР и процесс преобразования внутривнутриполитических отношений между республиками СССР в международные отношения независимых государств высвечивают эту парадоксальную взаимную теоретико-методологическую непрозрачность двух субдисциплин политической науки. А между тем здесь же высвечиваются и некоторые основания для теоретико-методологической переключки, диалога, сближения.

Первое, что позволяет выявить некоторую общую методологическую основу, это принцип системности, в свете которого объект исследования (обобщенно политический регион) рассматривается как «система», имеющая в своем внутреннем строении «подсистемы», а сама она встроена в «метасистему», т. е. в систему более широкую. Отечественная внутривнутриполитическая регионалистика традиционно рассматривает в качестве «системы» субъект федерации, в качестве «подсистемы» – муниципальное самоуправление, а в качестве «метасистемы» – Российское государство. Теория международных отношений рассматривает в качестве «системы» конкретную страну, в качестве «подсистем» – различные внутренние акторы, определяющие поведение страны на международной арене, а в качестве «метасистемы» – совокупность международных отношений или, в частности, союзы дружественных государств и т. п. Ситуация распада СССР ставит в этом плане триединую исследовательскую задачу: при изучении процесса трансформации «республики СССР» в «независимое государство»:

- а) на уровне «системы» в поле зрения попадает процесс преобразования межрегиональных отношений «республик СССР» в международные отношения «независимых государств»;
- б) на уровне «подсистем» необходимо исследовать процесс внутривнутриполитической регионализации новой «системы» (независимого государства) и процесс выявления внутренних акторов, влияющих на поведение страны на международной арене;
- в) на уровне метасистемы предметом исследования становится процесс превращения внутривнутриполитических отношений «союзная республика – союзная власть» в международные отношения «независимое государство – Россия», а также процесс встраивания новой «системы» (независимого государства) в метасистему международных отношений, в частности в объединения государств (НАТО, ОДКБ или др.).

Второе, что можно отметить в приведенных выше примерах, – это анализ вертикальных и горизонтальных структур коммуникаций, в которых находится политический регион. В теоретико-методологической повестке внутривнутриполитической регионалистики к вертикальным структурам относятся коммуникации субъекта федерации с федеральным центром политического влияния и с муниципальными объектами собственного влияния. В системе международных отношений, где политический регион – это страна, к вертикальным структурам коммуникаций относятся ее связи с внешними глобальными центрами влияния, а также ее собственные объекты влияния в мире, на которые она транслирует влияние глобальных центров силы или свои собственные. Применительно к ситуации распада СССР речь идет о том, что в свете советологической внутривнутриполитической регионалистики республика СССР исследуется как в структуре вертикальных отношений «союзный центр – союзная республика – области союзной республики», так и в структуре горизонтальных отношений «союзная республика – союзная республика». В свете международных отношений новое независимое государство также рассматривается в структуре вертикальных и горизонтальных отношений, где вертикальные коммуникации – это механизмы, проводящие влияние внешних глобальных (или региональных) центров силы на политику страны и требующие от нее трансляции определенных воздействий на третьи внешние территории. Например, если взять Грузию, то после распада СССР она встраивается в поле вертикальных коммуникаций с США и транслирует их влияние на территорию Абхазии в форме попытки военного захвата. А механизмы горизонтальных коммуникаций новых государств могут строиться либо с участием России, либо в обход нее. Анализ процесса распада СССР в этом аспекте позволяет высветить целый ряд переключек теоретико-методологических повесток внутривнутриполитической регионалистики и теории международных отношений.

1. Преобразования вертикальных отношений «союзный центр – союзная республика», которые могут идти как по пути становления горизонтальной структуры «независимое государство – Россия» (Содружество независимых государств), так и по пути становления вертикальной структуры «Россия как центр глобальной силы – независимое государство».

Данная дилемма является одной из актуальных, в том числе для России: какой тип отношений с постсоветскими независимыми государствами Россия стремится сформировать в стратегической перспективе? Если только горизонтальные связи, то это значит, что вопрос о структуре вертикальных коммуникаций отдается на

попечение иных глобальных центров силы (например, США). Не менее острая дилемма России касается и ее самой. Внутриполитическая вертикальная структура «союзный центр – РСФСР» уходит в небытие. Возникает вопрос, в какую вертикальную систему коммуникаций встраивается государство Россия: в имеющуюся и созданную под политическое доминирование США, или Россия сама формируется в качестве глобального центра силы, конкурирует с США и строит собственные новые структуры вертикальных коммуникаций в постсоветском пространстве?

2. Преобразование горизонтальных внутриполитических отношений «союзная республика – союзная республика», в частности «РСФСР – иные республики», также может рассматриваться в нескольких концептуальных сценариях:

- а) они трансформируются в горизонтальные коммуникации России с постсоветскими независимыми государствами;
- б) они прекращаются, так как Россия строит свои горизонтальные связи в отношении иных стран;
- в) они прекращаются, так как постсоветские независимые государства строят свои горизонтальные связи в обход России;
- г) они трансформируются в структуры вертикальных коммуникаций постсоветских государств с Россией как с геополитическим центром силы.

Таким образом, эпистемы «системности» и «вертикально-горизонтальных коммуникаций», которые в равной степени работают как в концептуально-методологической рамке внутриполитической регионалистики, так и в концептуально-методологической рамке международных отношений, могут рассматриваться в качестве узлов своеобразной взаимной конвертации ноосфер названных субдисциплин политической науки и оснований для концептуально-методологических сопоставлений.

В настоящее время многое в этих субдисциплинах выглядит несопоставимым. Например, в поле международных отношений есть понятия “soft and hard power”, которыми не пользуется отечественная политическая регионалистика. Однако их анализ в рамках эпистемы «вертикально-горизонтальных коммуникаций» позволяет заключить, что эти понятия характеризуют механизмы вертикальных коммуникаций, которые используют центры глобальной силы для влияния на политику иного независимого государства. Речь идет об арсенале силовых методов принуждения объекта вертикального влияния к ведению необходимой политики (hard power) и об арсенале методов «незаметного» приучения объекта влияния к ведению этой же политики (soft power). По-

скольку в структуре внутривластной регионалистики также присутствуют представления о вертикали власти, постольку можно выявить и переключку концептов. Исследования инструментов построения вертикали власти в СССР отмечают арсенал жестких методов принуждения союзных республик к централизации (попытки сдерживания военными средствами движения «прибалтийских народов в направлении достижения независимости» в конце 1980-х гг. [Zimon 1991, р. 11]; «Чем дальше на юг и юго-восток, тем больше проявляется склонность к насилию в ходе межэтнических конфликтов и тем больше жертв, связанных с участием в этих конфликтах советских вооруженных сил» [Zimon 1991, р. 30] и т. п.), а также арсенал методов приучения союзных республик к нормам порядка централизованной федерации (идеология «социализма с человеческим лицом» и «демократизации партии»¹, «национальная идея» [Zimon 1991, р. 11], переговоры по созданию идейного консенсуса в рамках нового союзного договора [Zimon 1991, р. 9] и пр.). Взаимосвязь «жестких» и «мягких» методов влияния в рамках вертикальных политических коммуникаций действует как в рамках внутривластной регионалистики, так и в рамках международных отношений. При этом, безусловно, содержательное наполнение «жесткой» и «мягкой» политики построения вертикали власти внутри суверенного государства будет существенно отличаться от содержания «жестких» и «мягких» влияний при строительстве или функционировании вертикальных коммуникаций в поле международных отношений. Если рассматривать ситуацию распада СССР в этом аспекте, то можно выделить следующие переделы соотношения «жесткого» и «мягкого» политических влияний:

- а) попытка ГКЧП резко форсировать «жесткий» механизм сохранения централизованного СССР столь же резко обнулила весь потенциал «мягкого» удерживания (идеологического, политико-переговорного), что привело к распаду СССР;
- б) ослабление как «жестких», так и «мягких» механизмов централизованной федерации в РСФСР привело к тому, что инерция дезинтеграции СССР продолжилась в Российской Федерации [Zimon 1991, pp. 22–23] и появился «парад суверенитетов»;

¹ О демократизации советского общества и реформе политической системы: Резолюция // XIX Всесоюзная конференция КПСС, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стеногр. отчет: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во полит. лит., 1988. С. 135–145.

- в) в 1990-е гг. в отношениях «Россия – постсоветские независимые государства» как механизмы «жесткого», так и механизмы «мягкого» влияния почти исчезли;
- г) одновременно заработали механизмы как «жесткого», так и «мягкого» влияния США на постсоветские независимые государства. Таким образом, при преобразовании внутриполитических отношений «союзный центр – союзные республики» произошла радикальная смена структуры «жестких» и «мягких» механизмов влияния, связанных с этим классом политических регионов: во-первых, само присутствие «жестких» и «мягких» механизмов сохранилось; во-вторых, после распада СССР центром силы, использующим по отношению к бывшим советским республикам «жесткие» и «мягкие» механизмы влияния нового формата (формат международных отношений), стали США.

Разметка проблемного поля ситуации распада СССР в свете отнесения подходов, характерных для внутривнутриполитической регионалистики, и подходов, типичных для международных отношений, позволяет заострить внимание на таких вопросах, как:

- 1) стремится ли Россия конкурировать с США за строительство вертикальных коммуникаций с постсоветскими независимыми государствами?
- 2) если да, то как видится стратегическое соотношение роли «жестких» и «мягких» механизмов влияния по линии «Россия – постсоветские независимые государства»? Что доминирует, «жесткая» или «мягкая» сила?
- 3) на каком сочетании «жестких» и «мягких» механизмов влияния (внутриполитический формат) в отношениях «федеральная власть – региональная власть» строится стратегия внутренней устойчивости Российской Федерации – на доминировании «жестких» механизмов или на доминировании «мягких»?

Несмотря на то что п. 1 и 2 относятся к полю международных отношений, а п. 3 – к полю внутривнутриполитической регионалистики, между ними существует содержательная перекличка. Например, для реализации механизмов «мягкой» силы в том и другом формате требуется работа собственной идеологической индустрии, которая способна обеспечивать как нужды внешнеполитической «мягкой» силы, так и нужды внутривнутриполитической. Отсутствие в РФ сколько-нибудь ясной общей идеологии [Аржаных 2017] ослабляет оба контура политики «мягкой» силы.

В заключение можно сделать вывод, что возвращение к анализу ситуации распада СССР с позиций современной отечествен-

ной внутривнутриполитической регионалистики и современной теории международных отношений вскрывает запрос на теоретико-методологический диалог, теоретико-методологическое сближение этих двух субдисциплин политической науки. Перспектива сближения видится возможной в совместной, междисциплинарной проработке концепции региональной стратификации политического пространства [Дахин 2015], в рамках которой могут быть сформированы контуры перекликающихся концептов и ключевых понятий, характеризующих политические регионы разного калибра (объединение стран, отдельная страна, регион в составе страны, муниципалитет в составе региона) во всем многообразии их актуальных и динамично меняющихся отношений. Дальнейшая проработка этих вопросов позволит подойти к созданию более цельной, общей политологической теории региональной стратификации политического пространства в современном обществе.

Литература

- Аржаных 2017 – Аржаных Т.Ф. Идеологический дискурс в современной России: перспективы формирования российской идентичности // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия «История и политические науки». 2017. № 5. С. 216–225.
- Дахин 2015 – Дахин А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике и политике. Ч. 1 // Власть. 2015. № 10. С. 5–15.
- Zimon 1991 – Zimon G. Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Koln, 1991. 47 S.

References

- Arzhanykh, T.F. (2017), “Ideological discourse in contemporary Russia. Prospective for Russia identity forming”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria «Istoria i politicheskie nauki»*, no. 5, pp. 216–225.
- Dakhin, A.V. (2015), “The regional stratification of society. Global and local dimensions in culture, economics and politics. Part 1”, *Vlast'*, no. 10, pp. 5–15.
- Zimon, G. (1991), *Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken*. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, Koln, Germany.

Информация об авторе

Андрей В. Дахин, доктор философских наук, профессор, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Россия; 603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46; nn9222@rambler.ru

Information about the author

Andrei V. Dakhin, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia; bld. 46, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603950; nn9222@rambler.ru

Роль письма Л.Ф. Ильичева в организации внешнеполитической пропаганды накануне выставки США в Москве (1959 г.)

Никита А. Краснощеков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, nickrasoft@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается один из ключевых документов по подготовке советской внешнеполитической пропаганды к освещению Американской национальной выставки в Москве в 1959 г. – письмо заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС по союзным республикам Л.Ф. Ильичева, направленное в ЦК КПСС. Автор вводит в научный оборот ранее неопубликованный полный текст архивного документа из фонда № 5 РГАНИ, а также внесенные позднее рукописные правки с соответствующими комментариями и наблюдениями. В работе анализируются цели и задачи документа, а также приводится обзор степени изученности проблемы освещения американской выставки в Москве в отечественной и зарубежной историографии на современном этапе. В исследовании автор приходит к выводу о том, что одну из главных ролей в организации освещения выставки сыграл Отдел агитации и пропаганды. На примере изучаемого документа прослеживается механизм реализации принятых решений в сфере пропаганды и взаимодействия с советскими СМИ. В статье отмечается посредническая роль Агитпропа в этом механизме: согласованные с ЦК КПСС решения в приказном порядке ставятся в виде задач центральным газетам, информагентству ТАСС, радио и телевидению. Главной целью, которую преследовал Агитпроп, являлась минимизация пропагандистского эффекта в информационном поле от американской выставки в Сокольниках и попытка ослабления интереса советских граждан к самому мероприятию. Автор также подчеркивает значение правок, внесенных в документ после машинописного набора, которые означали снижение резкой тональности документа. Кроме того, в статье отмечается роль рукописной справки о ходе организации выставки как принятой в то время формы отчетности перед вышестоящим руководством за проведенные мероприятия.

Ключевые слова: история СССР, история управления, Американская национальная выставка 1959 г. в Москве, американская выставка в Со-

кольниках, советская внешнеполитическая пропаганда, Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС, Агитпроп, Л.Ф. Ильичев, В.И. Снастин

Для цитирования: Краснощеков Н.А. Роль письма Л.Ф. Ильичева в организации внешнеполитической пропаганды накануне выставки США в Москве (1959 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 23–35. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-23-35

The role of L.F. Ilyichev's letter in the organization of foreign policy propaganda on the eve of the U.S. exhibition in Moscow in 1959

Nikita A. Krasnoshchekov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
nickrasoft@gmail.com*

Abstract. The article considers one of the key documents on the preparation of Soviet foreign policy propaganda for covering the American National Exhibition in Moscow in 1959 – a letter from the Head of the Department of Agitation and Propaganda of the Central Committee of the CPSU for the Union Republics, L.F. Ilyichev, sent to the Central Committee of the CPSU. The author introduces the previously unpublished full text of the archive document from the fund No. 5 of the Russian State Archive of Modern History, as well as later handwritten corrections with relevant comments and observations. The paper analyzes the goals and objectives of the document and also provides an overview of the degree of current studying the issue of covering the American Exhibition in Moscow in domestic and foreign historiography at the present stage. In this research, the author comes to the conclusion that the Department of Agitation and Propaganda played one of the main roles in the organization of the exhibition coverage. The article traces the mechanism of implementation of the decisions taken in the field of propaganda and interaction with the Soviet media on the example of this document. The author points out an intermediary role of Agitprop in this mechanism: all the decisions, agreed with the Central Committee of the CPSU are assigned in the form of tasks to central newspapers, the TASS news agency, radio and television. The main goal pursued by Agitprop was to minimize the propaganda effect in the media field from the American Exhibition in Sokolniki and to attempt weakening the interest of Soviet citizens in the event itself. The author also emphasizes the importance of corrections made to the document after typewriting, which meant reducing the sharp tone of the paper. In addition, the article remarks the role of a handwritten note on the organization of the Exhibition, made in the

end of the document, as a form of reporting to the higher management for the events held at that time.

Keywords: History of the USSR, history of management, American National Exhibition of 1959 in Moscow, American Exhibition in Sokolniki, Soviet foreign policy propaganda, Agitation and Propaganda Department of the Central Committee of the CPSU, Agitprop, L.F. Ilyichev, V.I. Snastin

For citation: Krasnoshchekov, N.A. (2021), "The role of L.F. Ilyichev's letter in the organization of foreign policy propaganda on the eve of the U.S. exhibition in Moscow in 1959", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 23–35, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-23-35

Политическое противостояние СССР и США на международной арене в конце 1950-х гг. выражалось в активной фазе гонки вооружений, соперничестве за сферы влияния в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии и сопровождалось активизацией борьбы на идеологическом фронте. Этот период холодной войны в историографии получил название «мирного» или «конкурентного сосуществования» [Богатуров 2009, с. 210], поскольку, согласно принятой в феврале 1956 г. на XX съезде ЦК КПСС концепции «мирного сосуществования», генеральной линией внешней политики Советского Союза провозглашался «ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем»¹, предполагавший не вооруженную борьбу с Соединенными Штатами, а экономическое соревнование двух систем: социализма и капитализма. Одним из ключевых аспектов этой политики являлось улучшение отношений с США, направленное на укрепление «взаимного доверия, широкого развития торговых связей, расширения контакта и сотрудничества в области культуры и науки»².

В этой связи важнейшим событием стало подписание 10 сентября 1958 г. соглашения между СССР и США об обмене национальными выставками³. Однако казавшееся смягчение напряженности между двумя сверхдержавами благодаря предстоящему «диалогу

¹ Коммунистическая Партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1898–1986. Т. 9: 1956–1960. М.: Политиздат, 1986. С. 13.

² Правда. 1956. 15 февр.

³ ГА РФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 595. Л. 131: Протокольное соглашение от 10 сентября 1958 г. об обмене выставками.

культур» впоследствии обратилось в противостояние пропаганды советского и американского образов жизни.

Обе стороны провели серьезную подготовительную работу перед открытием своих национальных выставок в 1959 г. «в тылу» у своего идеологического соперника. О высоком статусе и важности проведения этих мероприятий как для США, так и для СССР свидетельствует визит с 23 июля по 2 августа 1959 г. вице-президента США Р. Никсона в Москву на открытие американской выставки в Сокольниках вместе с Н.С. Хрущевым⁴. Позднее в своих мемуарах, говоря об организации американской выставки в Сокольниках, Р. Никсон вспоминал, что идею визита в Советский Союз в качестве пиар-хода предложил Э. Вашберн, заместитель директора ЮСИА⁵, который в то время активно работал над программой культурного обмена с Советским Союзом⁶.

Теме обмена выставками между СССР и США в зарубежной историографии посвящено достаточно много работ, особенно в англоязычной литературе [Barghoorn 1960; Nixon 1997; Richmond 2003; Oldenzel and Zachmann 2009], поскольку это событие стало, по сути, первым массовым знакомством населения двух противостоящих сверхдержав с культурой своего идеологического противника. Но в отечественной литературе по внешней политике СССР данной теме практически не уделялось внимания, лишь в биографических работах о Н.С. Хрущеве можно встретить краткое упоминание об американской выставке в Сокольниках и знаменитых «кухонных дебатах» Н.С. Хрущева и вице-президента США Р. Никсона [Медведев 1990, с. 150].

Однако в исследованиях последнего десятилетия вновь просматривается интерес историков к американской выставке в Москве, что связано прежде всего со смещением фокуса на проблему восприятия советскими гражданами Соединенных Штатов и американского образа жизни, а также с обращением исследователей к обширному источнику – книгам отзывов посетителей выставки на экспонаты [Фоминых 2010; Рид 2017]. Интерес к изучению темы реакции советского человека на американскую выставку, очевидно, был связан также и с тем, что, как отмечается в работе

⁴ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS): 1958–1960. Vol. 10. Part 1: Eastern Europe region; Soviet Union; Cyprus / Ed. by R.D. Landa, J.E. Miller, D.S. Patterson, Ch.S. Sampson; general editor G.W. LaFantasie. Washington: Government Printing Office, 1993. Document 92. P. 326–331.

⁵ ЮСИА – информационное агентство США (USIA), занимавшееся организацией американской национальной выставки в Москве в 1959 г.

⁶ Nixon R.M. Six Crises. Garden City, N.Y.: Pocket Books, 1962. P. 255.

А.Е. Фоминых, «официальная реакция руководства СССР на выставку для устроителей Американской национальной выставки в Москве 1959 г. так и осталась закрытой, если не считать выпадов Хрущева в адрес Америки во время «кухонных дебатов» и серии критических комментариев в советской прессе» [Фоминых 2010, с. 111].

Действительно, «кухонные дебаты» во многих исследованиях являлись одним из главных предметов изучения, поскольку эта спонтанная перепалка между Р. Никсоном и Н.С. Хрущевым серьезным образом портила имидж советскому лидеру, особенно перед его предстоящей поездкой в США в сентябре 1959 г. Два совершенно разных подхода США и СССР к демонстрации своих достижений и к самопрезентации на выставках подкрепили основу для дальнейшего идеологического противостояния капитализма и коммунизма. Эта дискуссия на американской выставке настолько затронула советского лидера, что Н.С. Хрущев, по прибытии в США, на первом же завтраке в Кэмп-Девиде 26 сентября 1959 г. «напомнил» американскому президенту Д. Эйзенхауэру о том, что советские люди «не могут быть впечатлены тем, что демонстрируется на американской выставке в Москве, у них высокий уровень жизни и любая попытка соблазнить их капитализмом потерпит неудачу»⁷.

Тем не менее в перечисленных выше работах не рассматривается вопрос о подготовке советской внешнеполитической пропаганды к американской выставке в Москве, хотя сами исследователи отмечают то большое влияние, которое оказали советские «политические инструктора» на отзывы советских посетителей о выставке: «Есть достаточно оснований говорить о том, что само присутствие советского персонала повлияло на то, что именно писали посетители в книгах отзывов. Определенно некоторые отклики были составлены под их присмотром» [Рид 2017, с. 81].

В этом отношении большое значение имела работа главного пропагандистского органа СССР – Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС по союзным республикам. Одним из ключевых документов, до настоящего времени не введенных в научный оборот, стало письмо заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС по союзным республикам Л.Ф. Ильичева в ЦК КПСС от 27 июня 1959 г. о порядке освещения американской выставки в Москве⁸, находящееся в фонде № 5 Российского государственного архива

⁷ FRUS: 1958–1960. Vol. 1, Part 1. Document 131. P. 468–469.

⁸ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Ед. хр. 95. Л. 33–36.

новой истории, с которым читателю предлагается ознакомиться в настоящей статье.

Данный документ представляет собой ответ профильного органа исполнительной власти по пропаганде – Агитпропа – на политическое решение руководства СССР о проведении американской выставки в Москве, утвержденное в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 13 июня 1959 г. «О мероприятиях в связи с предстоящим открытием советской выставки в Нью-Йорке и американской выставки в Москве». Механизм работы советской системы органов управления государством предполагал постоянное согласование решений органов исполнительной власти с высшим руководством партии. В историографии на этот счет существует точка зрения о функционировании при Н.С. Хрущеве так называемой модели итеративного планирования, при которой принятие решений становилось результатом сложного процесса «утряски» и бюрократических согласований, где «импульсы в пирамиде партийно-государственного управления идут не только сверху-вниз, но и снизу-вверх» [Лившин 2018, с. 30]. Рассматриваемый документ не стал исключением: уже в первом абзаце письма заведующий Отделом Л.Ф. Ильичев просит ЦК КПСС согласовать те предложения по организации пропагандистской деятельности, которые представлены в документе. В самом же письме уже редакциям центральных газет (т. е. вниз по цепочке) дается указание обязательного согласования времени публикаций статей и снимков собственных корреспондентов о выставке с Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС⁹.

Непосредственно сам текст документа состоит из перечня указаний по пропагандистской и контрпропагандистской работе для всех средств массовой информации СССР – печатных СМИ (центральных и московских газет), информационного агентства ТАСС, радио и телевидения.

Главными задачами, которые ставил Агитпроп перед средствами массовой информации, являлись минимизация пропагандистского эффекта в информационном поле от американской выставки в Сокольниках среди советских граждан, ослабление у населения СССР интереса к самому мероприятию и возможных симпатий к представленным экспонатам, американскому образу жизни и идеологии капитализма в целом, а также последующее снижение потенциальных политических рисков для советской системы от возможных нежелательных настроений среди населения.

Для решения этих задач Агитпроп настоятельно рекомендовал всем печатным изданиям публиковать сообщения о выставке

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Ед. хр. 95. Л. 34.

«в сдержанном тоне, без каких бы то ни было проявлений повышенного интереса к выставке в целом»¹⁰. Кроме того, всем центральным газетам предписывалось сосредоточить внимание читателей на «действительном положении дел в США»¹¹. Под «действительным положением дел» подразумевалось, что каждому печатному изданию в зависимости от его целевой аудитории и тематической направленности (трудового законодательства, образования, науки, культуры, медицины, промышленности, строительства, сельского хозяйства и т. д.) следует в первую очередь обратить внимание на недостатки и изъяны соответствующей сферы жизни в США. Подобные указания можно расценить как прямую контрпропаганду в отношении Соединенных Штатов.

Задачами «второго плана», поставленными перед советскими СМИ, стали пропаганда идей мирного сосуществования, прекращения гонки вооружений и холодной войны, а также акцент на важности сотрудничества СССР и США в культурной сфере и необходимости проведения подобных мероприятий в будущем: «Газеты, журналы, ТАСС, радиовещание и телевидение в материалах, касающихся выставки, должны подчеркивать важное значение этой формы культурного обмена для улучшения международной обстановки, смягчения напряженности, развития сотрудничества между государствами...»¹². Перечисленные задачи по поддержанию мирной риторики в прессе, на радио и телевидении ставились с целью внешнеполитической пропаганды идей концепции «мирного сосуществования», ставших в течение нескольких лет с момента провозглашения данного внешнеполитического курса СССР уже привычными для советских СМИ.

Ниже приводится полный текст документа заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС по союзным республикам Л.Ф. Ильичева, направленный в ЦК КПСС. Синтаксис и орфография оригинала сохранены.

ЦК КПСС

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам просит согласия передать редакторам центральных и московских газет, ТАСС, радио и телевидения следующие указания о порядке освещения американской выставки в Москве,

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Там же. Л. 34.

¹² Там же. Л. 33.

разработанные на основе Постановления Президиума ЦК КПСС от 13 июня 1959 года «О мероприятиях в связи с предстоящим открытием советской выставки в Нью-Йорке и американской выставки в Москве».

1. Освещение американской выставки и описание отдельных ее разделов и экспонатов в советской печати, по радио и телевидению должно вестись в спокойном, сдержанном тоне, без каких бы то ни было проявлений повышенного интереса к выставке в целом и к отдельным ее экспонатам. В материалах, посвященных экономике, культуре и науке США необходимо в корректной, ненавязчивой форме, на основе американских и других авторитетных иностранных источников, давать сопоставления того, что будет показано на выставке, с действительным состоянием отдельных отраслей промышленности, сельского хозяйства, науки, искусства, положением отдельных групп населения, жилищных условий и социального обеспечения различных категории населения США.

Одновременно газеты, журналы, ТАСС, радиовещание и телевидение в материалах, касающихся выставки, должны подчеркивать важное значение этой формы культурного обмена для улучшения международной обстановки, смягчения напряженности, развития сотрудничества между государствами, взаимовыгодной торговли, установления и расширения контактов между руководящими деятелями различных государств, деятелями науки, просвещения, литературы и искусства, профсоюзными работниками, рабочими и крестьянами.

В материалах должна последовательно пропагандироваться идея мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. Газеты, журналы и радио обязаны делать упор на тех огромных благах, которые получили бы народы различных стран при условии прекращения гонки вооружений и ликвидации «холодной войны».

2. В течение июля, в период, предшествующий открытию выставки, каждой центральной газете в разное время разрешается опубликовать не более одной корреспонденции, посвященной выставке, и одной фотографии из Сокольнического парка.

За два-три дня до открытия выставки «Правда» и «Известия» публикуют краткие сообщения о завершении строительства павильонов и монтажа экспонатов, особо отмечая помощь советских рабочих и инженеров американской стороны.

Официальные материалы, связанные с прибытием в Москву, на открытие выставки, вице-президента США Никсона и американских туристов, публикуются центральными газетами по указанию, передаваемым через ТАСС.

3. За день до открытия выставки центральные ежедневные газеты публикуют краткое сообщение ТАСС о предстоящем ее открытии. Это же сообщение передается по радио и телевидению.

4. Официальный отчет о церемонии открытия выставки будет передан газетам ТАССом.

Статьи собственных корреспондентов газет о выставке после ее открытия публикуются в разных газетах в разное время на протяжении всего периода работы выставки (не более одной корреспонденции и 1–2 фотоснимков). Время публикации таких корреспонденций и снимков согласовывается редакциями с Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Радио и телевидение при показе американской выставки строго руководствуются соответствующими условиями соглашения об обмене выставками между СССР и США.

5. С целью наиболее целесообразного освещения американской выставки и более полного информирования советских читателей о действительном положении в США рекомендовать отдельным центральным газетам в своих корреспонденциях о выставке сосредоточить главное внимание на следующем:

Газете «Труд» – на вопросах, связанных с занятостью в США, трудовым законодательством, техникой безопасности, жилищными условиями рабочих, социальным страхованием, положением на производстве женщин и подростков. В связи с намерением организаторов выставки показать посетителям различные технические усовершенствования, якобы облегчающие условия труда рабочих на предприятиях и рудниках с вредными условиями производства, газете «Труд» следует привести официальные американские данные о количестве несчастных случаев в различных отраслях промышленности. Американцы, судя по всему, предпримут попытку доказать, будто рабочие в США при уходе с производства по старости или по состоянию здоровья получают такое пособие, которого достаточно для покрытия всех жизненных потребностей. В этой связи «Труду» необходимо рассказать читателям, что американские рабочие и служащие в случае потери трудоспособности или ухода с работы по старости фактически не получают пособия от государства. Газета должна показать тяжелое бремя налогов, которое несут трудящиеся США.

Газета «Комсомольская правда» должна написать о тех разделах американской выставки, которые так или иначе связаны с положением молодежи в США. Газете следует показать бесперспективность, с которой сталкиваются юноши и девушки, получившие специальность.

«*Литературная газета*» должна уделить главное внимание современной американской литературе, показу которой на московской выставке американская администрация придает большое значение, используя высказывания видных американских писателей старшего поколения, их оценки состояния этой литературы и положения писателей и работников культуры в США.

В газете «*Советская культура*» должны найти освещение разделы выставки, посвященные театру, музыке, кино, изобразительному и прикладному искусству. Попыткам американцев представить на выставке дело так, будто в США процветают все эти виды искусства, следует противопоставить действительное положение: фактический упадок театра в США и невероятные трудности, с которыми сталкиваются работники искусства, разгул абстракционизма в изобразительном искусстве и трудности для работы художников и скульпторов, правдиво отображающих жизнь.

Газете «*Советский спорт*» – сделать упор на трудное положение спортсменов в США, превращаемых предпринимателями в источник обогащения.

«*Учительской газете*» – противопоставить соответствующим разделам выставки действительное положение американской школы, незначительные ассигнования на эти цели, катастрофическое положение со школьными помещениями, расовую дискриминацию в области просвещения.

Газета «*Медицинский работник*» должна объективно показать достижения американской медицины и одновременно рассказать читателям об огромном недостатке врачей в США, крайне высокой плате за лечение и медикаменты, слабой профилактической работе и антисанитарном состоянии многих жилищ (трущоб) в крупных американских городах.

В «*Промышленно-экономической газете*» следует больше уделить внимания тому, что автоматизация производственных процессов в промышленности США направлена в первую очередь на увеличение прибыли предпринимателей и ведет к росту армии безработных.

Газета «*Сельское хозяйство*» обязана показать, что в Соединенных Штатах все больше усиливается процесс массового разорения фермеров, искусственно сокращаются посевные площади.

«*Строительная газета*» должна основное внимание сосредоточить на показе тех разделов американской выставки, которые связаны со строительством. Американцы намерены в чисто пропагандистских целях показать в Москве якобы типично американский дом. В связи с этим необходимо привести правдивые

данные о действительном обеспечении жильем американских трудящихся и о невероятно высокой квартирной плате в США.

Все другие специализированные и отраслевые центральные газеты и журналы должны сосредоточить свое внимание на тех разделах американской выставки, которые по своему характеру являются более близкими им по тематике.

6. Рекомендуются привлекать к выступлениям в печати по тем или иным разделам выставки советских граждан, долгое время проживавших в США, которые могут дать объективную оценку отражению американской действительности на выставке в Москве.

Зав. Отделом пропаганды и агитации
ЦК КПСС по союзным республикам (Л. Ильичев)

27 июня 1959 года

Нельзя не отметить, что на самом документе были сделаны существенные пометки. Во-первых, целиком был вычеркнут первый абзац п. 2 документа о предписании газетам публиковать не более одной корреспонденции и фотографии о выставке в день и сделана отсылка к справке, написанной от руки в конце документа на стр. 4. Во-вторых, во втором абзаце п. 2 были внесены следующие правки: вычеркнуто слово «особо», и последующая фраза изменена следующим образом: «отметить помощь советских рабочих и инженеров американской стороне». Это было сделано с целью снять акцент с фразы о решающем вкладе советских рабочих в помощь американцам на выставке и придать ей более спокойную тональность. В-третьих, в п. 4 также была вычеркнута фраза в скобках «(не более одной корреспонденции и 1–2 фотоснимков)», что продолжало логику исключения из п. 2 первого абзаца о публикации в каждом издании не более одной корреспонденции об американской выставке в день. Это можно расценить как некое ослабление «закручивания гаек», изначально предложенных Агитпропом в отношении освещения американской выставки в Сокольниках, что скорее всего было связано с определенными международными договоренностями на высоком уровне и с соответствующей политической позицией советского руководства по освещению выставки в СМИ. Об этом свидетельствует и текст справки, написанный от руки в конце документа заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам В.И. Снатсиным.

Ниже приведен полный оригинальный текст справки о вычеркнутом первом абзаце п. 2. Синтаксис и орфография оригинала сохранены.

Справка

Центральные и московские газеты при опубликовании материалов об американской выставке руководствовались приведенными выше указаниями, а также дополнительными указаниями о том, чтобы в материалах о выставке наряду с критическими замечаниями содержалась положительная оценка тех экспонатов, которые свидетельствуют об успехах американцев в отдельных областях. В целом в центральных и московских газетах было опубликовано около 150 статей и корреспонденций об американской выставке.

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации
ЦК КПСС по союзным республикам

В. Снастин

Литература

- Богатуров 2009 – *Богатуров А.Д.* Системная история международных отношений: В 2 т. Т. 2. М.: Культурная революция, 2009. 720 с.
- Лившин 2018 – *Лившин А.Я.* Коммунистическая партия в системе власти в СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 13–35.
- Медведев 1990 – *Медведев Р.А.* Н.С. Хрущев: Политическая биография. М.: Книга, 1990. 268 с.
- Рид 2017 – *Рид С.Э.* Кто кого? Реакция советского народа на Американскую национальную выставку в Москве в 1959 г. // СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / Отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М.: Полит. энцикл., 2017. С. 70–104.
- Фоминых 2010 – *Фоминых А.Е.* Книги отзывов Американской национальной выставки в Москве 1959 года // «Запад–Восток»: Научно-практический ежегодник. 2010. № 3. С. 110–120.
- Barghoorn 1960 – *Barghoorn F.C.* The Soviet cultural offensive. The role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy. Princeton: Princeton University Press, 1960. 353 p.
- Hixson 1997 – *Hixson W.L.* Parting the curtain. Propaganda, culture and the Cold War, 1945–1961. Houndmills: Palgrave Macmillan, 1997. 283 p.
- Oldenziel and Zachmann 2009 – *Oldenziel R., Zachmann H.* Cold War kitchen. Americanization, technology, and European users. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 415 p.
- Richmond 2003 – *Richmond Ya.* Cultural exchange and the Cold War. Raising the iron curtain. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. 264 p.

References

- Barghoorn, F.C. (1960), *The Soviet cultural offensive. The role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Bogaturov, A.D. (2009), *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [System history of international relations], vol. 2, Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, Russia, 720 p.
- Fominykh, A.E. (2010), "Comments books of the American National Exhibition in Moscow in 1959", in "*Zapad–Vostok*": *Nauchno-prakticheskii ezhegodnik* [Scientific-Practical Yearbook], no 3, pp. 110–120.
- Hixson, W.L. (1997), *Parting the curtain. Propaganda, culture and the Cold War, 1945–1961*, Palgrave Macmillan, Houndmills, UK. 283 p.
- Livshin, A.Ya. (2018), "The Communist Party in the system of power in the USSR", *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, parvo*, no 3, pp. 13–35.
- Medvedev, R.A. (1990), *N.S. Khrushchev: Politicheskaya biografiya* [N.S. Khrushchev political biography], Kniga, Moscow, Russia, 268 p.
- Oldenziel, R. and Zachmann, H. (2009), *Cold War kitchen. Americanization, technology, and European users*, MIT Press, Cambridge, UK. 415 p.
- Reid, S.E. (2017), "Who will beat whom? Soviet popular reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959", in *SSSR i SShA v XX veke: vospriyatie "drugogo"* [The USSR and the USA in the 20th century. Perception of the "other"], Moscow, Russia, 2017, pp. 70–104.
- Richmond, Ya. (2003), *Cultural exchange and the Cold War. Raising the iron curtain*, Pennsylvania State University Press, Univ. Park, USA, 264 p.

Информация об авторе

Никита А. Краснощеков, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; nickrasoft@gmail.com

Information about the author

Nikita A. Krasnoshchekov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovsky Av., Moscow, Russia, 119991; nickrasoft@gmail.com

Политика памяти в Словакии на современном историческом этапе

Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lucky5659@yandex.ru*

Аннотация. Словакия – это молодое европейское государство, вся история существования которого связана с поиском и формированием собственной идентичности. Обретя самостоятельность только в 1993 г., Словакия уделяет большое внимание сохранению и приумножению исторического наследия, которое вынуждена делить с Чешской республикой, а также другими государствами региона. Наибольшее внимание в системе национальной исторической политики занимает период XX в., когда, с одной стороны, были заложены основы для автономного существования словацкого народа, но с другой – сам словацкий народ вынужден был противостоять вызовам тоталитарной политики нацизма и коммунизма. В данной связи на государственном уровне реализуется политика памяти, направленная в том числе на реабилитацию лиц, пострадавших от тоталитаризма. Несмотря на однозначность государственной политики, ситуация в словацком обществе менее определенная, что во многом обусловлено современными проблемами и вызовами, на которые государство с его патриотической политикой не может дать однозначного ответа. Данное соотношение государственной политики и общественных интересов обуславливает актуальность изучения политики памяти в Словакии. В рамках статьи изучение идет через три основных канала. Во-первых, анализируется политический контекст и законодательство, формирующее понимание исторической ответственности. Во-вторых, анализируется социальный климат и мнение общественности о событиях прошлого. В-третьих, анализируется образовательный аспект, через который фактически и должно формироваться восприятие прошлого молодым поколением. Все эти три канала исследуются через обращение автора к законодательству Словакии, а также современным научным и статистическим отчетам, опубликованным словацкими исследователями, что повышает новизну проведенного исследования.

Ключевые слова: политика памяти, места памяти, коммунизм, национализм, образовательная политика, молодежь

Для цитирования: Медушевский Н.А. Политика памяти в Словакии на современном историческом этапе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 36–51. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-36-51

Memory policy in Slovakia at the present historical stage

Nikolai A. Medushevskii

*Russian state University for the Humanities, Moscow, Russia,
lucky5659@yandex.ru*

Abstract. Slovakia is a young European state, the whole history of which is associated with the search and formation of its own identity. Having gained independence only in 1993, Slovakia pays great attention to the preservation and enhancement of the historical heritage, which it has to share with the Czech Republic, as well as other states of the region. The greatest attention in the system of national historical policy is given to the period of the 20th century, when, on the one hand, the foundations for the autonomous existence of the Slovak people were laid, but on the other, the Slovak people themselves had to confront the challenges of the totalitarian policy of nazism and communism. Therefore, the memory policy is being implemented at the state level, aimed, among other things, at the rehabilitation of persons who have suffered from totalitarianism. Despite the unambiguity of state policy, the situation in Slovak society is less certain, which is largely due to modern issues and challenges to which the state with its patriotic policy cannot give an unambiguous answer. Such correlation of state policy and public interests determines the relevance of the memory policy study in Slovakia. Within the framework of this article, the study proceeds through three main channels. First, it analyzes the political context and legislation that shapes the understanding of historical responsibility. Secondly, it analyzes the social climate and public opinion about the events of the past. Thirdly, there is an analysis of the educational aspect through which the perception of the past by the young generation should actually be formed. All the three channels are investigated through the author's turning to the legislation of Slovakia, as well as modern scientific and statistical reports published by Slovak researchers, which increases the novelty of the study.

Keywords: memory policy, places of memory, communism, nationalism, educational policy, youth

For citation: Medushevskii, N.A. (2021), "Memory policy in Slovakia at the present historical stage", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 36–51, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-36-51

Введение

Политика памяти для современной Словакии играет важную социально-политическую роль. Данная роль на наш взгляд обусловлена двумя типами факторов. Первый тип можно условно обозначить как «моральный», т. е. связанный с памятью о преступлениях нацизма, холокосте, преступлениях коммунистического правительства. Второй тип факторов менее формализован. Он прежде всего связан с обретением Словакией государственности, ее обособлением от Чехии и самостоятельной интеграцией в Европейский союз. Можно сказать, что данные факторы носят прагматический характер и определяют текущий вектор государственного развития. Тем не менее нельзя говорить о том, данные группы факторов могут ли существовать отдельно, друг без друга. Скорее речь идет о преемственности исторических культурных и политических ценностей, которые, например, на протяжении более чем 30 лет позволяли развиваться в Словакии плюралистической политической культуре и либерализму. Тем не менее, говоря о современном вкладе исторической памяти в культурную и политическую традицию, следует отметить, что он начал ослабевать во многом вследствие смены поколений, которые родились уже после «Бархатной революции», а также вследствие актуализации новых вызовов, связанных с европейской интеграцией Словакии, миграционным кризисом, новейшими тенденциями развития международной и национальной политических систем. Все эти тенденции требуют направленного изучения, так как являются своего рода индикаторами политического развития региона Восточной Европы в целом и влияют на его политическое и идеологическое развитие.

Память народа

Память народа никогда не является единой и монолитной, однако практически для всех посткоммунистических режимов Восточной Европы свойственно ее институционализировать, таким образом создавая определенный исторический рубеж или водораздел между «неправильными» режимами прошлого, куда относятся нацизм и коммунизм, и «правильным» современным либеральным режимом, ценность которого абсолютизируется и сопоставляется с «истинным европейским наследием».

Такая же модель была сформирована и в Словакии, которая, однако, шла к этой поляризации достаточно долго и сформулировала

ее только в 2002 г. в форме Института национальной памяти (Ústav pamäti národa), задачей которого стали хранение полицейских архивов и архивов государственной безопасности фашистского Словацкого государства и коммунистических режимов Чехословацкой Социалистической Республики, а также популяризация исторической информации, способствующей обретению исторической справедливости. Рупором института является рецензируемый журнал Pamäť národa.

Институт национальной памяти Словакии был учрежден Законом № 553/2002 «О раскрытии документов о деятельности органов государственной безопасности в период с 1939 по 1989 г. и об учреждении Института национальной памяти, а также о внесении изменений в отдельные законодательные акты (закон “О национальной памяти”)»¹.

Фактически закон «О национальной памяти» стал фактором институционализации всей политики памяти в Словакии. Это было обусловлено тем, что на уровне государственного закона было четко артикулировано, кто является пострадавшим, кто является преступником и каковы процедуры реабилитации пострадавших.

При этом были декларированы и основания для реализации данного закона, к которым, в том числе, были отнесены: большое число жертв, потерь и ущерба; патриотическая традиция борьбы словацкой нации с захватчиками, фашизмом и коммунизмом; обязательство осуществлять судебное преследование за преступления против мира, человечности и военные преступления; а также – обязанность реабилитации пострадавших.

Перечисленные основания нашли свою интерпретацию в том числе в описании того, кто является пособником преступных режимов, а это, согласно закону, человек, данные о котором хранятся в записях как о сотруднике сил безопасности в любое время в период с февраля 1948 г. по 31 декабря 1989 г. Сюда относятся и категории «резидент», «агент», «информатор», «хранитель или владелец конспиративной квартиры».

Те же вопросы вызывает и «период угнетения» 1939–1989 гг., когда «граждане государства не могли, как это было принято в демократических странах, свободно решать о своем государстве и о себе, когда была ограничена или упразднена деятельность демокра-

¹ Zákon č. 553/2002 “Zákon o sprístupnení dokumentov o činnosti bezpečnostných zložiek štátu 1939–1989 a o založení ústavu pamäti národa a o doplnení niektorých zákonov (zákon o pamäti národa)”. Zakony pre ľudí [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/2002-553> (дата обращения 26.05.2021).

тических институтов и когда упорно и систематически нарушались права человека»².

Этот тезис также вызывает некоторые вопросы с точки зрения исторической логики и справедливости, так как приход к власти коммунистов в 1948 г. в Чехословакии стал следствием политического кризиса и отказа от работы в правительстве представителей Национально-социалистической партии, а также последовавшими за этим демонстрациями и стачками [Снитил 1986, с. 26–29]. Таким образом, можно предположить, что словаки в составе чехословацкого народа сами и, в значительной степени, добровольно выбрали ту власть, которая потом проводила репрессии. Тем не менее словацкий закон «О национальной памяти» содержит лишь однозначные трактовки, деля историю на «черное и белое».

Как следствие, закон содержит и однозначную трактовку преступлений нацистов и коммунистов – это акты, совершенные «должностными лицами государства в обозначенный период, которые заключались в применении насилия, репрессий или других форм нарушений прав человека в отношении отдельных лиц или групп граждан или в связи с их применением, которые были преступны в момент их совершения или не были соотносимы с основополагающими принципами правового порядка демократического государства»³.

Отдельный исследовательский интерес представляет вторая часть документа, посвященная Институту национальной памяти, который наряду с реабилитацией и архивной работой в том числе должен заниматься агитацией и пропагандой и, например, продвигать идеи свободы и защиты демократии от режимов, подобных нацизму и коммунизму, принимать решения о присвоении статуса участника противокommунистического сопротивления и о присвоении статуса ветерана противокommунистического движения.

Особый вопрос в данном контексте вызывает формулировка о режимах, «подобных нацизму и коммунизму», которым институт должен противодействовать, что является совершенно неоднозначным тезисом, который может быть использован в политических целях против «неудобных» в политическом плане, политических контрагентов.

² Zákon č. 553/2002 “Zákon o sprístupnení dokumentov o činnosti bezpečnostných zložiek štátu 1939–1989 a o založení ústavu pamäti národa a o doplnení niektorých zákonov (zákon o pamäti národa)”. Zakony pre ľudí [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/2002-553> (дата обращения 26.05.2021).

³ Там же.

Тем не менее анализ деятельности Института национальной памяти Словакии свидетельствует о том, что институт связывает свою деятельность с противодействием именно коммунистическому режиму в исторической ретроспективе в целях, во-первых, его разоблачения и, во-вторых, в целях интеграции Словакии в региональную европейскую политику наряду с Польшей и Венгрией. Проблематика нацизма здесь отходит на второй план и связана прежде всего с ритуализацией памяти о холокосте. На это указывает анализ мероприятий, проводимых институтом в последние годы. Например, на странице «О деятельности организации»⁴ с ноября 2019 г. по февраль 2020 г. присутствует информация о 16 мероприятиях, посвященных борьбе с тоталитарным наследием коммунизма, и только одно мероприятие, посвященное холокосту⁵, что указывает на важность именно коммунистической проблематики.

Кроме того, показателен диалог с другими странами именно по вопросам преодоления коммунистического наследия, и речь здесь идет не только о соседях по Восточной Европе, например Польше, но и об Украине. Так, например, 20 февраля 2020 г. в Киеве председателем правления совета Института национальной памяти Яном Палффи и директором архива Службы безопасности Украины Андреем Кохутом в присутствии Чрезвычайного и Полномочного Посла Словацкой Республики на Украине Марека Шафина было подписано соглашение о сотрудничестве между Институтом национальной памяти и Службой безопасности Украины в области архивных исследований, научных изысканий и публикации документов о политической репрессии в XX в.⁶ Подобные договоры выводят деятельность Института национальной памяти на высокий международный политический уровень, представляя Словакию уже не как страну, сопротивлявшуюся коммунизму на своей территории, но как государство и общество, противостоящее мировому

⁴ Z činnosti. Ústav pamäti národa (ÚPN) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.upn.gov.sk/sk/z-cinnosti/> (дата обращения 26.05.2021).

⁵ Zástupcovia Ústavu pamäti národa si uctili obeť holokaustu. Ústav pamäti národa (ÚPN) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.upn.gov.sk/sk/zastupcovia-ustavu-pamaeti-naroda-si-uctili-obete-holokaustu/> (дата обращения 26.05.2021).

⁶ Ústav pamäti národa získa prístup k materiálom represívnych zložiek Sovietskeho zväzu nachádzajúcich sa v archívoch na Ukrajine. Ústav pamäti národa (ÚPN) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.upn.gov.sk/sk/ustav-pamaeti-naroda-ziska-pristup-k-materialom-represivnych-zloziek-sovietskeho-zvaezu-nachadzajucich-sa-v-archivoch-na-ukrajine/> (дата обращения 26.05.2021).

коммунизму по принципу идейного антагонизма, и в коалиции других стран. На это в частности указывает другое мероприятие – заседание Научного совета и Консультативного совета Европейской сети памяти и солидарности, которое прошло в Варшаве 5–6 февраля 2020 г. Одним из ключевых вопросов обсуждений было расширение сети государств-членов, в частности на Австрию, Грузию, Албанию и Чешскую Республику⁷.

Еще одним направлением деятельности Института национальной памяти Словакии является образовательная деятельность. Институт в данной связи сотрудничает с Министерством образования, школами и вузами и реализует как прикладные, так и достаточно комплексные программы. Так, например, институт выпустил «Руководство для школ по политическим процессам в Словакии в 1948–1954 гг.»⁸. Согласно релизу, издание посвящено политическому процессу в 1948–1954 гг. и рассматривает его как период наиболее радикальных репрессий коммунистического правительства против жителей Словакии. Его основная цель состоит в том, чтобы разъяснить обучающимся исторический фон событий после 1948 г. В первую очередь в публикации предпринимаются попытки определить феномен политических процессов – назвать причины их формирования, смысл и цели. Помимо этого, большое внимание уделяется конкретным кейсам, раскрывающим содержание политических процессов, которые затронули словацкое общество.

Характерно, что данная публикация склонна рассматривать коммунистический период не как монолитный, и в ней содержится упоминание о реабилитации политических заключенных в 1955 г., однако отмечается, что истинная реабилитация стала возможна только после падения режима в 1989 г., и таким образом можно говорить об абсолютизации негатива в отношении коммунистического периода.

Еще одним, по-своему уникальным, примером исторической политики, реализуемой Институтом национальной памяти Словакии, стала публикация исторических листовок, которая началась

⁷ Vo Varšave rokovali orgány Európskej siete Pamät' a solidarita. Ústav pamäti národa (ÚPN) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.upn.gov.sk/sk/vo-varsave-rokovali-organy-europskej-siete-pamaet-a-solidarita/> (дата обращения 26.05.2021).

⁸ ÚPN vydal príručku pre školy – Politické procesy na Slovensku v rokoch 1948–1954. Ústav pamäti národa (ÚPN) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.upn.gov.sk/sk/upn-vydal-prirucku-pre-skoly---politicke-procesy-na-slovensku-v-rokoch-1948---1954/> (дата обращения 29 мая 2021).

в 2014 г. в сотрудничестве с Европейской сетью памяти и солидарности и продолжается до сих пор, постоянно обновляясь⁹.

Листовки создаются авторами из числа ученых Института национальной памяти и предназначены для учащихся начальных и средних школ, слабо знакомых с историей. Они посвящены описанию фактов и конкретных проявлений нарушения прав человека и религиозных свобод, практикам нацистского и коммунистического режимов.

Показательно, что листовки во многом выполняют не образовательную, а агитационную функцию, на что, на наш взгляд, указывают их формат – историческая эклектика, аудитория, на которую они ориентированы и которая не имеет достаточных знаний по истории, а также количество – всего 4000 в первой публикации, и ориентация на международную поддержку – листовки выпускаются и на английском языке.

Образовательная деятельность Института имеет и более стандартные формы. В частности это лекции, выставки, информационные бюллетени для студентов, в которых в основных терминах дается наиболее важная информация о конкретных событиях периода нацизма и коммунистического режима, документальные фильмы производства института, дискуссии, семинары и конференции, дни открытых дверей и экскурсии для учащихся, а также жанровый фестиваль свободы в Братиславе и в регионах.

Смысл антикоммунистического курса

Приведенные выше данные о деятельности Института национальной памяти Словакии четко обозначают существующий государственный курс на политизацию прошлого и демонстративное отрицание коммунистического периода. В то же время в процессе анализа возникает вопрос о том, почему в Словакии, спустя 30 лет после Бархатной революции, вопросам декоммунизации уделяется такое внимание, которое во многих случаях выглядит искусственным.

Ответ на данный вопрос многогранен, но основные смыслы просматриваются в современных аналитических исследованиях и, например, в обзоре Института по связям с общественностью

⁹ Informačné letáky pre študentov. Ústav pamäti národa (ÚPN) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.upn.gov.sk/sk/informacne-letaky-pre-studentov/> (дата обращения 29 мая 2021).

(ИВО) «Через 30 лет после Бархатной революции. Выгоды и потери глазами общественности» [Bútorová 2019].

Данное исследование направлено на анализ изменений в оценках словацкой общественности «Бархатной революции» и ее последствий. Авторы задаются вопросами о том, каковы положительные и каковы отрицательные стороны новой эпохи по сравнению с периодом нормализации, кого считать победителями, а кого – жертвами перемен, каков профиль людей, которые предпочли бы вернуться в дореволюционный период и т. д.

Так, уже во введении автор Зора Буторова (Zora Bútorová) заявляет о проблемах словацкого общества, которые связаны не столько с прошлым, сколько с настоящим, и приводит в пример убийство журналиста Яна Кучяка и его невесты Мартины Кушнировой. По ее мнению, эти убийства показывают картину страны с невероятно высокой коррупцией общества, в котором организованная преступность достигла высших уровней власти.

В таких условиях, очевидно, обществу требуется мобилизация, позволяющая, во-первых, противостоять текущим проблемам, а во-вторых, демонстрирует опыт худшего прошлого, к которому нельзя возвращаться и которое противостоит пусть и не идеальному, но лучшему настоящему.

Отдельно следует отметить, что само по себе исследование Зоры Буторовой также представляется отчасти ангажированным, так как оно реализовано не по инициативе самой Словакии, а при поддержке посольства США в Словакии в рамках Программы малых грантов, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о региональных интересах США, заключающихся в сохранении контроля над мышлением национального общества именно в неолиберальном контексте, чему автоматически диаметрально противостоит авторитарное прошлое, и эта позиция безусловно требует исследования.

В своем исследовании, которое опирается на статистический анализ, Буторова констатирует, что опросы граждан ставят «Бархатную революцию» на первое место, и она входит в число ключевых событий национальной истории.

Другие события современной истории, в числе которых появление независимой Словацкой Республики, вступление в Европейский союз и Еврозону, а также вступление в НАТО менее популярны и не имеют однозначной положительной интерпретации. Следует отметить, что в числе основных событий XX века респонденты, кроме «Бархатной революции», выделяют последовательно конец Второй мировой войны, Пражскую весну, Вторую мировую войну и холокост (эти явления идут вместе), создание

1-й Чехословакии и, наконец, коммунистический переворот в феврале 1948 г., а вместе с ним национализацию и коллективизацию.

В своем исследовании Буторова отмечает, что «Бархатная революция» воспринимается жителями Словакии как ключевое событие не только для общества в целом, но и как поворотный момент, который существенно повлиял на их личную жизнь или судьбу их близких. В таком микровзгляде респонденты отметили вступление Словакии в ЕС и зону евро, а также появление независимой Словацкой Республики.

В то же время Буторова говорит о видимых различиях между взглядами словаков и чехов, ранее составлявших единый народ. Исследование, проведенное среди чехов, показало, что создание Чешской республики – это ключевое политическое событие для 62% граждан и ключевое личное событие для 54% граждан. В Словакии как ключевое событие «Бархатную революцию» рассматривают около 50% респондентов, а о личном приоритетном значении заявляют только 33% опрошенных¹⁰.

Несмотря на разницу предпочтений чехов и словаков, ноябрь 1989 г. объективно выступает ключевой датой у обоих народов. Тем не менее и на этом делается акцент в исследовании, не все респонденты, которые считают данный момент ключевым, рассматривают его однозначно положительно. Так, в 2019 г. (30-я годовщина революции) «Бархатная революция» получила положительную оценку 56% респондентов, в то время как 29% восприняли это событие двойственно, а еще 12% – отрицательно. По количеству положительных оценок «Бархатная революция» занимает только пятое место после Пражской весны, создания независимой Словацкой Республики, периода 1-й Чехословакии и вступления Словакии в Европейский союз.

Исследование, проведенное Зорой Буторовой, направлено на изучение не только формального отношения граждан к событиям тридцатилетней давности, но и на анализ предпосылок сложившейся системы отношений. И в частности исследователь ставит вопрос респондентам о том, какие на их взгляд были необходимы изменения для того, чтобы уйти от коммунистической плановой модели в сторону модели, действующей сегодня. Буторова констатирует преобладание данного вопроса начиная с 1993 г. [Bútorová,

¹⁰ Bútorová Z., Tabery P. Osudové osmičky vo vedomí slovenskej a českej verejnosti: udalosti, obdobia, osobnosti 20 a 21 storočia. Tlačová správa. Bratislava, Sociologický ústav SAV. 2018. 11. 6. URL: <http://www.sociologia.sav.sk/podujatia.php?id=2916&r=1> (дата обращения 21.06.2021).

Gyárfášová 1996] и отмечает, что в 2014 г. мнение о неустойчивости экономических принципов социалистической экономики к 1989 г. разделяли всего 37% респондентов. В то же время почти половина – 46% – считали, что достаточно было лишь незначительных косметических изменений, а еще около 10% и вовсе не осознали необходимости каких-либо изменений.

Показательно, что здесь автор приводит срез образованности людей и оценивает их принадлежность к разным поколениям. Так, по мнению Буторовой, против изменений социалистической системы выступали «люди с более низким образованием и особенно представители старшего поколения» [Bútorová 2019]. В данной системе привлекательность конца существования социалистической Чехословакии оказалась обусловлена ностальгией и представлениями о полной занятости населения, о социальном обеспечении, легком доступе к жилью, меньшими различиями в уровне жизни и в целом предсказуемостью жизненного пути каждого, кто приспособился к политическим условиям.

Здесь можно провести различие между Словакией и Чехией. Если, например, в Словакии существовало умеренное недовольство социалистической системой и были распространены идеи ее возможной перестройки, то в Чехии, наоборот, речь шла о полном сломе системы и необходимости глубокого реформирования политической и экономической сфер.

В данном случае, опираясь на исследования Буторовой, можно говорить даже о разделении Восточной Европы и Вышеградской группы, в которой Чехия и Польша выступали за радикальные преобразования, в то время как Словакия и Венгрия заявляли о необходимости мягкого перехода от социалистической к капиталистической системе.

Определенные различия в интерпретации советского прошлого в Чехии и Словакии Буторова связывает не только с составом населения и уровнем образования граждан, но и с тем социальным эффектом, который социализм создал в Чехии и Словакии в рамках единого государства. Словакия, которая была меньше, в начале 1950-х гг. получила больше пользы от промышленного развития и урбанизации, которые привели к повышению уровня жизни и образования.

Кроме того, как констатирует Буторова, политическая нормализация в Словакии в 1950-е гг. проходила мягче и менее радикально, чем на территории Чехии.

Можно констатировать, что в сравнении с чешским общественным мнением общественное мнение словаков остается менее выраженным и менее протестным.

Кроме того, на основании социологических опросов [Bútorová 2010] можно говорить и о том, что политики времен бархатной революции уже на протяжении многих лет фактически забыты словацким обществом. Исключение составляет только Вацлав Гавел – диссидент и лидер Гражданского форума, избранный первым президентом Чехословакии. Также общество продолжает помнить отдельных политиков-долгожителей, которые продолжали заниматься политической деятельностью в 2010-е гг. Это, например, Франтишек Миклошек и Ян Черногурский, которые характеризуются долгосрочным политическим присутствием в общественной жизни. Однако лишь пятая часть респондентов с признательностью отметила это в открытом опросе.

Во многом отношение словаков к прошлому, включая события 1989 г., связано с современной политической жизнью общества, и здесь можно отметить правительство Роберта Фицо как фактор, во многом повлиявший на восприятие прошлого населением страны, в том числе и через борьбу с правым популизмом и через развитие диалога с Россией.

Политика памяти после Фицо

Несмотря на, казалось бы, позитивный эффект от политики Р. Фицо и его широкую социальную поддержку, после его ухода в связи с резонансным делом об убийстве журналиста, роль этого политика в современной словацкой истории и его понимание исторической памяти народа начали осуждаться как популистские и противоречащие курсу европейской интеграции, реализуемой в неолиберальном ключе. Зора Буторова также отмечает это в своем исследовании. В частности, она пишет о том, что к концу второго десятилетия после «Бархатной революции» (2009 г.) среди населения преобладали люди, пассивно относящиеся к прошлому, что было связано с их надеждами по поводу того, что правительство Р. Фицо сможет выполнить обещания и создать сильное государство всеобщего благосостояния, гарантирующего гражданам социальное обеспечение.

С учетом того, что потом Фицо снова пришел к власти, Буторова отмечает, что в преддверии 30-й годовщины революции ожидания граждан оказались аналогичными. В соответствии с проведенными опросами она констатирует, что в 2018 г. общество раскололось и 41% респондентов заявили о приоритете современной жизни над жизнью до 1989 г., в то время как 39%, наоборот, сочли, что до 1989 г. жить было лучше [Bútorová. 2019]. Тем не менее отношение

общества к прошлому оказалось достаточно волатильным, на что указывают уже опросы 2019 г., когда количество удовлетворенных текущим положением вещей людей увеличилось. Буторова связывает это с отставкой Р. Фицо, а также министра внутренних дел Роберта Калинака и президента полиции Тибора Гашпара, которая произошла под давлением коллективных протестов после убийства журналиста Яна Кучьяка. Кроме того, в данный период улучшается и экономическая обстановка и, в частности, происходит снижение уровня безработицы.

Тем не менее статистика отражает сохраняющееся недовольство словацкого населения существующими социальными практиками [Bútorová, Gyárfašová 2010]¹¹. К ним относятся, например, низкое качество и доступность медицинской помощи; низкие доходы некоторых групп населения; отсутствие подходящих возможностей трудоустройства; выезд молодежи за границу; большие региональные различия в уровне жизни; пренебрежение проблемами пожилых людей, людей с физическими и умственными недостатками; низкое качество образования и обучения; низкий уровень судопроизводства; недостаточное равенство граждан перед законом; неблагоприятные условия ведения бизнеса; гендерное неравенство; пренебрежение проблемами людей разной сексуальной ориентации; преступность; экология. Также широко распространены опасения по поводу возможного терроризма и прибытия большего числа беженцев и мигрантов, хотя эти опасения до сих пор не подтвердились.

В большинстве случаев обозначенные проблемы связываются гражданами с успешной интеграцией в Европейский союз. В данной связи можно констатировать, что взгляды людей на качество жизни до и после ноября 1989 г. тесно связаны с их взглядом на геополитическую принадлежность Словакии. Пока у сторонников членства Словакии в Евросоюзе и НАТО преобладает положительная оценка сегодняшнего дня. Несмотря на это, как показывает статистический анализ, по мнению менее половины респондентов, изменения после 1989 г. принесли потери в уровне жизни рабочих. Особенно серьезным является вывод о том, что в числе людей, пострадавших от «Бархатной революции» большинство респондентов видит не только коммунистических функционеров, которые потеряли свои привилегии, но и трудолюбивых, порядоч-

¹¹ Eurobarometer 91. Public Opinion in the European Union. Spring 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/survey/getsurveydetail/instruments/standard/surveyku/2253> (дата обращения 29.05.2021).

ных и честных людей, что ослабляет веру современного общества в эффект позитивных перемен и преобразований.

Несмотря на неоднозначность трактовки прошлого, словацкое общество остается демократическим. Две трети словацких граждан согласны с тем, что демократия – самая лучшая политическая система (69%). Также высока доля людей, которые отвергают утверждение о том, что «не имеет значения, какое правительство – демократическое или недемократическое», – их в числе респондентов около 70% [Bútorová 2019].

В таких условиях существования неоднозначных трактовок по поводу прошлого и настоящего государства и сути его политического устройства растет роль пропаганды, реализуемой государством для сплочения общества и не только по официальным каналам, каким, к примеру, выступает Институт национальной памяти, но и по каналам неофициальным, связанным с популяризацией идей, принципов и ценностей современного либерально-демократического порядка, представленным, к примеру, в системе школьного образования, в том числе по предмету «национальная история».

Вывод

Подводя итог, следует констатировать, что проблема исторической памяти и вопрос ее политизации актуальны для Словакии в той же степени, в какой они актуальны для всех стран Восточной Европы. Память о тоталитарных режимах позволяет консолидировать общество вокруг современных целей, связанных с европейской интеграцией и общим экономическим развитием. Тем не менее следует отметить, что на своем пути интеграции в ЕС Словакия сталкивается с большим количеством социальных и экономических трудностей, которые пугают население и стимулируют обратный эффект, который связан с расколом общества в восприятии прошлого. Так, почти 40% населения страны в 2019 г. заявляли о том, что до «Бархатной революции» все было относительно неплохо, была стабильность, был порядок, не было миграционного кризиса и роста национализма. В условиях такого социального раскола в оценках прошлого перед государством встает сложная задача манипулирования общественным мнением, по крайней мере в отношении молодого поколения. Но как показывает проведенный анализ, и эта задача также реализуется «сложно». Это обусловлено политическим расколом, неспособностью государства выработать единую образовательную политику и, на наш взгляд, проблемами с оценкой внешних европейских ценностей, которые значительно

девальвировались в условиях экономических и миграционных кризисов. Тем не менее формально, на уровне законодательства и политических институтов, Словакия сохраняет свою приверженность идеям общего для Вышеградской группы посткоммунистического либерального развития, представленного в стране деятельностью Института национальной памяти и других ангажированных организаций.

Литература

- Снитил 1986 – *Снитил З.* Чехословацкая революция, 1944–1948 гг. / Пер. с чеш. Д.С. Прасолова; отв. ред. И.И. Удальцов, С.И. Прасолов; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука. 300 с.
- Bútorová, Gyárfášová 1996 – *Bútorová Z., Gyárfášová O., Kúška M.* Aktuálne problémy Slovenska na prelome rokov 1995–1996. Bratislava: FOCUS. Centrum pre sociálnu a marketingovú analýzu, 1996. 141 s.
- Bútorová 2010 – *Bútorová Z.* Verejná mienka: zdroj pohybu, sila zotrvačnosti // Kde sme? Mentálne mapy Slovenska / Ed. by M. Bútora, M. Kollár, G. Mesežnikov, Z. Bútorová. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky a Kalligram, 2010. S. 303–335.
- Bútorová, Gyárfášová 2011 – *Bútorová Z., Gyárfášová O.* Verejná mienka // Slovensko 2010: Správa o stave spoločnosti a demokracie a o trendoch na rok 2011 / Ed. by M. Kollár, G. Mesežnikov, M. Bútora. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 2011. S. 170–199.
- Bútorová 2019 – *Bútorová Z.* 30 rokov po Nežnej revolúcii. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ivo.sk/8581/sk/aktuality/30-rokov-po-nejnej-revolucii-zisky-a-straty-ocami-verejnosti> (дата обращения 21.06.2021).

References

- Snitil, Z. (1986), *Czechoslovakaya revoluciya, 1944–1948 gg.* [Czechoslovak revolution, 1944–1948], Nauka, Moscow, Russia.
- Bútorová, Z., Gyárfášová, O. and Kúška, M. (1996), *Aktuálne problémy Slovenska na prelome rokov 1995–1996*, FOCUS, Centrum pre sociálnu a marketingovú analýzu, Bratislava, Slovakia.
- Bútorová, Z. (2010), “Verejná mienka: zdroj pohybu, sila zotrvačnosti”, in Bútora, M., Kollár, M., Mesežnikov, G. and Bútorová, Z. (eds.), *Kde sme? Mentálne mapy Slovenska*, Inštitút pre verejné otázky a Kalligram, Bratislava, Slovakia, ss. 303–335.
- Bútorová, Z. and Gyárfášová, O. (2011), “Verejná mienka”, in Kollár, M., Mesežnikov, G. and Bútora, M. (eds.), *Slovensko 2010. Správa o stave spoločnosti a demokracie a o trendoch na rok 2011*, Inštitút pre verejné otázky, Bratislava, Slovakia, ss. 170–199.

Bútorová, Z. (2019), *30 rokov po Nežnej revolúcii*. Inštitút pre verejnú otázku. Bratislava, available at: <http://www.ivo.sk/8581/sk/aktuality/30-rokov-po-neznej-revolucii-zisky-a-straty-ocami-verejnosti> (Accessed 21.06.2021).

Информация об авторе

Николай А. Медушевский, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lucky5659@yandex.ru

Information about the author

Nikolai A. Medushevskii, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Pl., Moscow, Russia, 125047; lucky5659@yandex.ru

Исторические науки. Всеобщая история

УДК 930(399.7)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-52-67

Концепция трибутарного способа производства в Мезоамерике в мексиканской историографии второй половины XX в.

Дмитрий Д. Беляев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lakamha@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается история концепции трибутарного (даннического) способа производства (ТрСП) в мексиканской историографии древней Мезоамерики в 1960–1980-е гг. Этот термин был предложен И. Бану и С. Амином как альтернатива традиционному термину «азиатский способ производства», а в испаноязычной историографии он стал известен в конце 1960-х гг. в результате распространения неомарксистских идей. В середине 1970-х гг. различные исследователи обратились к ТрСП в поисках объяснения социально-экономического развития и природы мезоамериканской государственности (А. Рус на материале майя, Р. Бартра и П. Карраско на астекском). Анализ взглядов А. Руса (1906–1979) свидетельствует, что его интерес к ТрСП был результатом поиска новых теоретико-методологических оснований и осмысления накопленного материала. В конце жизни проблематика социально-экономической характеристики общества майя стала для Руса центральной. Разрабатываемые им идеи могли развиваться в полноценную теоретическую модель, которая стала бы основой для консолидации мексиканской мезоамериканистики в единую школу, однако смерть исследователя и отсутствие среди представителей следующего поколения археологов сравнимой с ним фигуры привели к тому, что уже к 1990-м гг. ТрСП практически забывается.

Ключевые слова: азиатский способ производства, трибутарный (даннический) способ производства, неомарксизм, политогенез, Мезоамерика

Для цитирования: Беляев Д.Д. Концепция трибутарного способа производства в Мезоамерике в мексиканской историографии второй половины XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 52–67. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-52-67

© Беляев Д.Д., 2021

Tributary mode of production in Mesoamerica in Mexican historiography of the second half of the 20th century

Dmitri D. Beliaev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lakamha@mail.ru*

Abstract. The article considers the history of the concept of the tributary mode of production in the Mexican historiography between the 1960s and the 1980s. This concept was elaborated by Ion Banu and Samir Amin as an alternative to the traditional “Asiatic mode of production”. It entered Mexican historiography in the late 1960s as a result of the spread of Neomarxist ideas. In the mid-1970s various scholars, including Alberto Ruz in the Maya studies and Roger Bartra and Pedro Carrasco in the Aztec studies, became interested in the concept of tributary mode of production to explain the socio-economic nature of Mesoamerican state. Analysis of the ideas of Alberto Ruz (1906–1979) shows that his interest in tributary mode of production was the result of a search for new theoretical and methodological base and interpretation of the new materials. The problematics of the socio-economic characteristics of the Ancient Maya society became essential for Ruz in the last years of his life. His ideas could develop into an original theoretical model, which would become the basis for the consolidation of Mesoamerican studies in Mexico into a unified school. However, his death and the absence of a comparable figure among the next generation resulted in a denouement of the concept of tributary mode of production during the next decade.

Keywords: Asiatic mode of production, tributary mode of production, Neomarxism, politogenesis, Mesoamerica

For citation: Beliaev, D.D. (2021), “Tributary mode of production in Mesoamerica in Mexican historiography of the second half of the 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 52–67, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-52-67

Одной из характерных черт развития исторической науки в 1960-е гг. стало возрождение активных дискуссий о единстве и многообразии исторического процесса, об особенностях развития неевропейских обществ. Интерес к этим проблемам актуализировался и в связи с политическими событиями той эпохи, в частности с распадом колониальных империй после Второй мировой войны и формированием новых независимых государств в странах Азии и Африки. В этом контексте проблемы исторической

теории вновь стали актуальны и для социальной практики. Одним из проявлений этого стало новое обращение неомарксистских исследователей к концепции азиатского способа производства (АСП). Ее первое обсуждение в связи с «пробуждением Азии» в 1920–1930-е гг. в основном шло в Германии и СССР. В немецкой науке результатом этого стало оформление теории «восточного деспотизма» и «гидравлического государства» К.А. Вифогеля. Дискуссия об АСП в советской историографии была директивно свернута [Ким 2001].

В 1960-е гг. основными инициаторами возвращения к обсуждению АСП стали французские антропологи, востоковеды и экономисты (М. Годелье, Ж. Сюрэ-Каналь, Ж. Шено, К. Кокри-Видрович и др.). С 1964–1965 гг. второй этап дискуссии об АСП разгорелся и в советской науке [Ким 2001]. Именно в рамках этой дискуссии марксистская схема способов производства оказалась сильнее всего модифицированной.

Идея трибутарного (даннического) способа производства (*mode de production tributaire*) (далее – ТрСП)¹ также родилась в контексте этого обсуждения. Впервые он был использован И. Бану² [Banu 1967]. Сам же термин основан на слове *Tribut* («дань»), которое использовал Маркс в своей работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», входящей в «Экономические рукописи 1857–1861 гг.». По мнению Бану, наиболее характерными признаками «трибутарных» обществ являются специфическое соотношение между государством и общиной, основанное на экономических функциях государства, и социальный антагонизм между аристократией и крестьянством. Государство активно вмешивается в экономику, строя гидротехнические сооружения, создавая продовольственные запасы и т. д. [Banu 1969]. Таким образом, в восприятии функций государства в «трибутарном» обществе концепция Бану еще сохраняла связи с «гидравлической» теорией

¹ В отечественной историографии с 1970-х гг. этот термин принято переводить как «даннический способ производства» [Качановский 1971, с. 75; Рус 1986, с. 131]. Однако понятие «дань» в русском языке ассоциируется прежде всего с контрибуцией, уплачиваемой побежденными победителям, в то время как в данной концепции речь идет о выплатах общин государству. В терминологии сторонников АСП в советской и российской науке этот тип эксплуатации обозначается как «рента-налог» [Нуреев 1993, с. 67]. В связи с этим кажется более верным сохранить определение «трибутарный», что подчеркивает искусственность термина.

² Ион Бану (1913–1993) – румынский философ и историк философии, специалист по восточным философским учениям.

Витфогеля, но не сфокусирована исключительно на ирригации. Концентрация автора на идеологических и религиозных факторах сделала его идеи сложными для восприятия археологами, и хотя его статья была издана в Мексике уже в 1969 г. [Vanu 1969], она не получила особого отклика.

Вновь к термину ТрСП в качестве замены традиционного термина «азиатский способ производства» обратился в начале 1970-х гг. С. Амин³, который и сделал его широко известным [Amin 1973b]. В мексиканскую науку идеи Амина пришли еще в 1973 г., когда в Мехико вышла книга «Основные категории и законы капитализма» [Amin 1973a]. Экономист А. Гильен отмечал: «Будучи далеким от того, чтобы считать марксизм чем-то застывшим, или от того, чтобы представлять его в схематичной форме советских учебников... марксизм Амина это “живой”, творческий инструмент, который объясняет реальность в постоянной трансформации» [Guillen 1974, p. 128]. Амин ассоциировался с неортодоксальным марксизмом, и его взгляды как составная часть общей неомарксистской критики капитализма привлекали и тех исследователей, которые с осторожностью относились к догматизму советской науки⁴.

Схема из пяти формаций, доминировавшая в советской науке, воспринималась в Мексике критически начиная с 1960-х гг. В частности, Рожер Бартра предварил антологию марксистских текстов по АСП следующей аннотацией: «Эта книга... пытается обновить устаревшие тезисы традиционного марксизма, которые на протяжении десятилетий превратили марксистскую интерпретацию истории в жесткую догматичную схему» [Bartra 1969]. В то же время новое поколение антропологов и археологов критически оценивало и концепцию «гидравлического государства» К. Витфогеля, которую развивали в 1950-е гг. А. Палерм и П. Армильяс [Беляев 2020]. В поисках новых теоретических оснований исследователи обратились к неомарксистским интерпретациям. Свою роль сыграла и общая атмосфера в мексиканских социальных науках после событий 1968 г.⁵ и переоценки интеллектуалами легитимности

³ Самир Амин (1931–2018), французский африканист-неомарксист египетского происхождения, один из основных теоретиков неомарксизма второй половины XX в., внесший существенный вклад в мир – системный подход и концепцию зависимого развития.

⁴ Во время обучения на факультете антропологии Автономного университета Юкатана в 1996–1997 гг. автор еще застал эту интеллектуальную традицию, сторонники которой называли свои взгляды не марксизмом, а «историческим материализмом» (*materialismo histórico*).

государства и отношений между государством и обществом.

В модели Амина, представленной в мексиканском издании 1973 г., ТрСП – это нормальный путь развития после того, как общество переходит на надобщинный уровень. «“Азиатский” способ производства, который мы бы предпочли назвать трибутарным, очень схож с феодальным. Он характеризуется разделением общества на два основных класса: крестьянство, организованное в общины, и правящий класс, монополизировавший функции политического управления обществом и собирающий дань (а не торговые сборы) с сельских общин. Однако если феодальный сеньор является верховным собственником земли, в трибутарном способе производства эта собственность возвращается сельской общине» [Amin 1973b, p. 15]. Основное противоречие данного способа производства Амин видит в противоречии между стабильностью общины (которая сохраняет элементы общинного способа производства) и отрицанием общины государством (т. е. стремлением поставить ее под контроль формирующихся государственных структур). Высший класс становится доминирующим политическим классом, а это, в свою очередь, приводит к тому, что производственные отношения не сводятся исключительно к отношениям собственности, а реализуются полностью как социальные отношения по поводу производства [Amin 1973b, pp. 16–17]. Наиболее значимым для мексиканской историографии оказался важный вывод французского исследователя: «Поскольку этот способ производства является законом, следует окончательно отказаться от определения “азиатский”. Он встречается на пяти континентах, прежде всего в Азии (Китай, Индокитай, Месопотамия, классический Восток и т. д.), но также и в Африке (Египет и Черная Африка), и в Европе (в доклассических обществах типа Крита или Этрурии), и в индейской Америке (инки, ацтеки и др.)» [Amin 1973b, p. 17].

Ключевой фигурой в обсуждении концепции ТрСП в мексиканской антропологии и археологии стал известный археолог Альберто Рус Луилье (1906–1979). Он был сыном кубинского эмигранта и французенки, родился в Париже и впервые приехал на Кубу лишь в 1925 или 1926 г. Став студентом Гаванского университета, он включился в политику, несколько раз был арестован и вместе с женой был выслан во Францию. Вернувшись на

⁵ Студенческое протестное движение лета–осени 1968 г. завершилось «Резней в Тлателолько» – расстрелом армейскими частями студенческой протестной акции 2 октября 1968 г. на площади Трех Культур в районе Тлателолько в Мехико, в ходе которого по современным оценкам погибло от 200 до 300 человек.

остров после «Мятежа сержантов» 1933 г.⁶, Рус стал директором департамента муниципальных дел в Министерстве внутренних дел, которое возглавлял его шурин Антонио Гитерас (1906–1935), активный деятель оппозиции. После свержения правительства военными в 1934 г. Рус с женой вновь оказались в тюрьме, а после гибели Гитераса в столкновении с правительственными войсками (1935) семья эмигрировала в Мексику. В 1938 г. Рус поступил на антропологическую программу в Национальный политехнический университет, а в 1940 г. получил мексиканское гражданство [Izquierdo, Schele 2015, pp. 13–16]. В 1940–1960 гг. он работал в Национальном институте антропологии и истории (INAH) под руководством Альфонсо Касо, был директором программы археологических исследований в штате Кампече, в 1949–1958 гг. руководил раскопками в Паленке (штат Чьяпас) и приобрел мировую известность благодаря открытию в 1952 г. царского захоронения в Храме Надписей.

В начале своей карьеры Альберто Рус работал в рамках традиционной историко-культурной парадигмы, а в опубликованных работах того времени нет никаких свидетельств его интереса к теоретическим вопросам. Знакомство Руса с идеями французских неомарксистов, по-видимому, произошло в конце 1960-х гг. Прекрасно владея французским, он мог читать их и в оригинале. В первой половине 1970-х гг. он характеризует общество майя в терминах АСП, ссылаясь на работы Годелье, Шено и Бартра: «Социально-политическая система древних майя... может быть отождествлена с так называемым азиатским (или деспотически-деревенским, или также деспотически-общинным) способом производства в марксистских схемах эволюции докапиталистических обществ. Речь идет о переходной форме, в которой древние формы общинной организации сосуществуют с теократическим иерархическим государством, что определяет характер классового деления общества, где власть принадлежит представителям государства» [Ruz 1974, p. 78]. Теория гидравлического государства автором не рассматривается, а фамилии Витфогеля или Палерма даже не упомянуты. Видно, что в это время Рус еще явно не был знаком с идеями Бану и Амина, поэтому использует терминологию Ж. Шено («деспотически-общинный»).

Во второй половине 1970-х гг. Рус начинает еще более интен-

⁶ «Мятеж сержантов» или «военный переворот сержантов» (4 сентября 1933 г.) – мятеж военных, свергший временного президента Карлоса Сеспедеса (12 августа – 4 сентября 1933 г.). В его ходе началась карьера будущего кубинского диктатора Фульхенсио Батиста (1901–1973).

сивно размышлять над проблемой оценки уровня социально-экономического развития общества майя. Это, видимо, было связано с подготовкой обобщающей публикации, призванной заменить устаревшую «Цивилизация древних майя». Именно тогда он приходит к концепции ТрСП. Однако работу прервала смерть ученого 25 августа 1979 г. Незавершенная при жизни книга «Народ майя» увидела свет через 2 года, в 1981 г. [Ruz 1981b].

Об окончательной версии взглядов Руса на общество майя мы можем судить по рукописи доклада «Трибутарный способ производства в области майя», который он готовил для симпозиума в Мериде, запланированного на ноябрь 1979 г. [Ruz 1981a].

Во введении дан краткий очерк развития основных моделей общества майя. К одной группе исследователь относит американских исследователей, не уделявших достаточного внимания социально-экономической проблематике (С. Морли, Э. Томпсон, Дж. Брэйнерд). В другую группу он объединяет мезоамериканистов, считающих, что описанное в историографии «противоречие между примитивным базисом и блестящей надстройкой» на самом деле не существовало, а земледелие было основано на гидротехнических работах, как в Египте, Месопотамии, Индокитае, Камбодже и Китае. В список входят У. Сандерс, Б. Прайс, А. Палерм и Э. Вольф [Ruz 1981a, p. 37]. Пожалуй, это единственное упоминание «гидравлической теории» в опубликованных работах Руса. Однако он явно не считает эту группу частью марксистской теории, а вновь упоминает работы Годелье, Шено и Бартра и постулирует, что «модель, которая по нашему суждению может быть применена к историко-культурному развитию майя, характеризуется азиатским способом производства, также называемым деспотически-деревенским, деспотически-общинным и, с недавних пор, трибутарным способом производства» [Ruz 1981a, p. 38]. Структура данной фразы не оставляет сомнений, что именно этот последний термин казался автору наиболее корректным.

Основная часть работы строится на компаративной методике. Автор выделяет основные характеристики ТрСП в универсальном контексте и сравнивает их с чертами общества и культуры майя. Он выделяет три уровня анализа: 1) экономический базис; 2) социальная и политическая структура; 3) культурно-идеологическая надстройка [Ruz 1981a, p. 38–41]. Результаты этого сравнения можно представить в виде таблицы.

Универсальные характеристики	Цивилизация майя
<i>Экономический базис</i>	
– низкий технологический уровень при относительно высокой продуктивности производства за счет коллективного труда	– отсутствие металлургии, колеса, плуга и тягловых или вьючных животных; коллективные земледельческие работы под наблюдением жрецов, монополизировавших знание календаря
– общинная собственность на землю при существовании частных земель высших должностных лиц, аристократов и воинов	– вероятное общинное землевладение в классический период, за исключением земель для выращивания особых культур (какао, хенекен) – появление частных земель военной знати и торговцев привело к сокращению общинного сектора в постклассический период
– сосуществование общин и управляющего и эксплуатирующего государства	– общинники выплачивали подати всеми видами продуктов, а также несли обязательные трудовые повинности, прежде всего на монументальном строительстве
<i>Социальная и политическая структура</i>	
– большая часть населения живет в сельских поселениях	– земледельцы майя жили в небольших поселках или деревнях, разбросанных вокруг церемониальных центров
– города играют вторичную роль в экономике	– частично урбанизированные церемониальные центры, населенные знатью, жрецами, воинами, крупными торговцами, чиновниками и профессиональными торговцами
– иерархическая и функциональная организация правящего класса (гражданские, религиозные, административные и военные должности)	– иерархия элиты, описанная в письменных источниках (халач-виник, батабы, советники, прочие должностные лица), судебная и административная система
– правящий класс (прежде всего жречество) связан с божествами и поддерживает с ними контакт для обеспечения общего блага – переходный этап от бесклассового общества, основанного на общине, и полноценным классовым обществом	– правящая верхушка сформировалась в доклассический период, когда «колдуны» (<i>hechiceros</i>), якобы управлявшие силами природы, были освобождены от производственной деятельности

Окончание табл.

Универсальные характеристики	Цивилизация майя
– власть государства обоснована необходимостью организовывать различные функции в пользу общин, но фактически превратилась в эксплуатацию	– колдуны составили основу сословия жрецов, а их магия стала основой религии
– верховный правитель считался священным и служил высшим гарантом единства и стабильности земледельческих общин	
<i>Культурно-идеологическая надстройка</i>	
– ритуалы и празднества как механизм поддержания веры в единство и постоянство сообщества	– религия майя как основа коллективного и индивидуального существования, развитый пантеон божеств, ответственных за различные сферы жизни
– монументальное храмовое строительство в честь божеств и их представителей на земле, имевших доступ в святилища	– тысячи храмов были центрами массового почитания населения, которое не имело доступа в храмы
– социальный порядок как отражение космического порядка, определяемого богами	– индивид майя от рождения до смерти был связан с миром религии и оставался частью этого мира
– индивид лишен какой-либо значимости	– благополучие человека зависело от расположения богов и было подчинено власти их представителей на земле

Основной причиной неполного совпадения всех характеристик Рус считал более сложные ресурсно-технологические и климатические условия, в которых оказались майя. ТрСП, по его мнению, «объясняет контраст между примитивными технологиями, которыми располагали земледельческие общины, и впечатляющими научными и художественными достижениями мудрецов и мастеров, состоявших на службе у правящего класса» [Ruz 1981a, p. 42].

В книге «Народ майя» раздел «Социально-экономическая характеристика общества майя» является одним из центральных⁷. Он имеет ту же структуру, что и текст доклада 1979 г., и зачастую

⁷ Русский перевод данного раздела [Рус 1986, с. 131–134] был сокращен как раз за счет теоретических рассуждений автора о способах производства.

совпадает с ним текстуально, но содержит больше конкретно-исторических данных по майя [Ruz 1981b, pp. 148–151]. С другой раздел явно был написан раньше, чем доклад, поскольку термин ТрСП используется лишь два раза, а в остальном тексте говорится об АСП. Описание универсальной схемы способов производства, в докладе занимающее лишь один абзац, в книге гораздо пространнее и включает, как у М. Годелье, шесть докапиталистических способов производства: первобытнообщинный, азиатский, античный, рабовладельческий, германский и феодальный [Ruz 1981b, p. 146].

Рус был не единственным мексиканским исследователем, который заинтересовался концепцией ТрСП в 1970-е гг. К принятию этого термина приходит Р. Бартра, ранее предпочитавший традиционное обозначение АСП: «использование этого термина (АСП. – Д. Б.) оказывается бесполезным, принимая во внимание географические ассоциации, которые он предполагает. Я считаю возможным принять термин *трибутарный*, предложенный Ионом Бану, поскольку в действительности дань является тем ключом, который открывает нам механизмы классовых отношений между сельскими общинами и государством» [Bartra 1975, p. 128]. ТрСП возникает в обществах, где наблюдается дисбаланс между уровнем развития производительных сил и развитием государства как политической и экономической силы. Это приводит к более интенсивному использованию рабочей силы по сравнению с технологиями. Этот дисбаланс наблюдается как в «гидравлических» обществах, так и в тех, где ирригация не играла важной роли. В первом случае избыточное использование рабочей силы заключается в строительстве гидротехнических сооружений, а во втором – в интенсификации даней и податей. Мезоамерика, по мнению Бартры, относится ко второму типу [Bartra 1975, pp. 128–129]. Свои теоретические размышления он подкрепляет детальным анализом социально-экономической организации атекского общества, которое в XV–XVI вв. имело своей базой ТрСП [Bartra 1975, pp. 130–154].

Еще одним пространством для обсуждения ТрСП стал Центр высших исследований Национального института антропологии и истории (CIS-INAH). В 1975–1976 гг. в нем работал летний семинар, на котором группа мезоамериканистов (П. Карраско, Ф. Бердан, Й. Брода, Э. Калнек и др.) обсуждали проблемы социально-экономического развития центрально-мексиканского общества по данным письменных источников. Результатом работы семинара стала коллективная монография «Политэкономия и идеология в доиспанской Мексике», опубликованная в 1978 г. Во вводной статье П. Карраско дает общий анализ доиспанской атекской экономики, привлекая марксистский подход и субстантивистскую

теорию К. Поланьи [Carrasco 1978]. Рассматривая возможность применения теории АСП к центрально-мексиканскому материалу, он отмечает всю дискуссионность модели гидравлического государства, основанной на идеях Витфогеля, а также невозможность описания властных отношений в ацтекском обществе в терминах «деспотизма». Выход он видит в использовании новых гипотез, высказанных французскими исследователями, в том числе Амином [Carrasco 1978, p. 71].

Наивысшей точкой развития концепции ТрСП в мексиканской историографии следует считать симпозиум, организованный молодыми исследователями А. Мединой, Х. Гардуньо и А. Баррера Рубио в Автономном университете Юкатана (Мерида) в ноябре 1979 г. На нем должен был выступить с докладом А. Рус. В 1970-е гг. он обладал исключительным авторитетом в национальной антропологии и археологии, возглавляя Центр исследований майя, а с 1977 г. став директором Национального музея антропологии. Руса даже называли одной из ключевых фигур националистической политики в сфере археологии в 1970-е гг., «закрывшей» Мексику для археологов из США. Хотя эта точка зрения является сильным преувеличением, вызванным личным конфликтом между учеными, но тем не менее неформальное влияние Руса в Национальном институте антропологии и истории было очень велико. Его магистральный доклад с теоретическим обоснованием ТрСП придал бы этой концепции статус практически официальной теории в мексиканской мезоамериканистике. К. Бохоркес вспоминает, что на Юкатане с нетерпением ждали выступления великого ученого, который «вдохновлял нас своей неизменной решительной позицией и разрывом с традиционным видением культуры майя» [Vojoquez 2020, p. 173]. Смерть Руса, несомненно, сказалась на статусе симпозиума. В итоге, хотя он длился 5 дней (12–16 ноября 1979 г.), результаты оказались довольно скромными.

Основные доклады симпозиума были изданы лишь через 5 лет (изначально издание планировалось приурочить к 100-летию со дня смерти Карла Маркса в 1983 г.). Они сгруппированы в две части: «Трибутарный способ производства как центральная категория теоретического дискурса» и «Региональные проявления проблематики». Однако связь теоретической части с эмпирической оказалась скорее декларативной, и говорить о единстве теоретических подходов всех авторов невозможно. Один из организаторов Х. Гардуньо честно признает, что доказательств того, что общество майя Кобы на востоке Юкатана в I тыс. н. э. строилось на базе ТрСП, нет в силу ограниченности источников [Garduño 1984],

другие же авторы эмпирической части сосредоточились на анализе своих материалов.

Организаторам и участникам симпозиума не удалось убедить коллег даже в необходимости самого термина «трибутарный способ производства». Во многом это было вызвано тем, что в томе никакой последовательности в его использовании нет. Так, один из авторов теоретической части Э. Корона откровенно скептически пишет о риске утонуть в «региональных или национальных» формулах, к которым он относит и ТрСП [Corona 1984, pp. 32–33], а Д. Кесада излагает основные идеи французских неомарксистов, ни разу не упоминая ТрСП. А. Баррера Рубио в обширной и обстоятельной главе, рассматривающей социально-экономические характеристики общества майя в постклассический период, насыщенной конкретным материалом, также говорит преимущественно об АСП, а отсылки к ТрСП на основе работ Амина появляются лишь в самом начале и в заключении [Barrera Rubio 1984, pp. 212, 250–251]. В этом контексте не совсем понятно, почему симпозиум вообще назывался «Трибутарный способ производства в Мезоамерике». На выход книги откликнулся крайне положительной рецензией испанский археолог М. Ривера Дорадо, который назвал ее абсолютно рекомендованной для майянистов. В то же время рецензент специально отмечает, что по-прежнему считает термин АСП более предпочтительным, чем ТрСП [Rivera Dorado 1986, p. 63].

Интерес к концепции ТрСП в мексиканской историографии нельзя считать всего лишь одной из форм интереса к альтернативному марксизму. Как показывает пример А. Руса, это было результатом поиска новых теоретико-методологических оснований антропологами и археологами, занимавшимися изучением доколумбовых культур и осмыслением накопленного материала. Свою роль сыграл и тот факт, что определение «азиатский» вызывало у многих критическую реакцию. В таких условиях у новой концепции были все шансы развиться в полноценную теоретическую модель, которая могла бы стать основой для консолидации мексиканской мезоамериканистики в единую школу. Центральную роль в этом процессе могли бы сыграть теоретические работы А. Руса. Однако смерть исследователя и отсутствие среди представителей следующего поколения археологов сравнимой с ним фигуры не позволили этому сценарию реализоваться. Со второй половины 1980-х гг. частота упоминания ТрСП сокращается. С одной стороны, она была по-прежнему связана с именем А. Руса, а с другой – ей противостоял авторитет Маркса. К тому же мексиканским исследователям так и не удалось выработать общей позиции. Определенную роль сыграло и то, что в последней книге Руса, постоянно переиздаваемой

различными мексиканскими издательствами, ТрСП оказался всего лишь странным синонимом для АСП, а особенности концепции не были прописаны. В итоге уже к 1990-м гг. ТрСП практически забывается и остается лишь предметом гордости региональной юкатанской историографии.

Литература

- Беляев 2020 – *Беляев Д.Д.* Карл Витфогель и формирование концепции гидравлического государства в Мезоамерике // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 144–155.
- Качановский 1971 – *Качановский Ю.В.* Дискуссия об азиатском способе производства на страницах зарубежной марксистской печати // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока / Отв. ред. Г.Ф. Ким. М.: Наука, 1971. С. 45–94.
- Ким 2001 – *Ким О.В.* Проблема азиатского способа производства в советской историографии, 20-е – начало 90-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. 234 с.
- Нуреев 1993 – *Нуреев Р.М.* Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / Отв. ред. Н.А. Иванов. М.: Наука, Издат. фирма «Восточная литература», 1993. С. 62–87.
- Рус 1986 – *Рус А.* Народ майя. М.: Мысль, 1986. 256 с.
- Amin 1973a – *Amin S.* Categorías y leyes fundamentales del capitalismo. México: Nueva Época, 1973. 160 p.
- Amin 1973b – *Amin S.* Le développement inégal. Essai sur les formations sociales du capitalisme périphérique. Paris: Éd. de Minuit, 1973. 384 p.
- Banu 1967 – *Banu I.* La formation sociale “tributaire” // Premières sociétés de classes et mode de production asiatique. Paris, 1967. P. 251–253. (Recherches internationales à la lumière du marxisme, no. 57–58)
- Banu 1969 – *Banu I.* La formación social “asiática” en la perspectiva de la filosofía oriental antigua // Bartra R. El modo de producción asiático: Antología de textos sobre problemas de la historia de los países coloniales. México: Editorial Era, 1969. P. 269–288.
- Barrera Rubio 1984 – *Barrera Rubio A.* Consideraciones sobre el Modo de Producción Asiático entre los mayas // Modo de Producción Tributario en Mesoamérica / Ed. por A. Barrera Rubio. Mérida: Ediciones Universidad de Yucatán, 1984. P. 203–252.
- Bartra 1969 – *Bartra R.* El modo de producción asiático: Antología de textos sobre problemas de la historia de los países coloniales. México: Editorial Era, 1969. 367 p.
- Bartra 1975 – *Bartra R.* Marxismo y sociedades antiguas: El modo de producción asiático y el México prehispánico. México: Grijalbo, 1975. 154 p.
- Bojorquez 2020 – *Bojorquez C.* El modo de producción entre los mayas, una discusión inconclusa // El debate permanente: Modos de producción y revolución en América

- Latina / Ed. por J. Marchena, M. Chust, M. Schlez. Santiago de Chile: Ariadna Ediciones, 2020. P. 169–178.
- Carrasco 1978 – *Carrasco P.* La economía del México prehispánico // Economía política e ideología en el México prehispánico / Ed. por P. Carrasco, J. Broda. México, 1978. P. 13–74.
- Corona 1984 – *Corona E.* ¿Modo de producción asiático o tributario en Mesoamérica? // Modo de Producción Tributario en Mesoamérica / Ed. por A. Barrera Rubio. Mérida: Ediciones Universidad de Yucatán, 1984. P. 27–34.
- Garduño 1984 – *Garduño J.* Cobá y el Modo de Producción Tributario // Modo de Producción Tributario en Mesoamérica / Ed. por A. Barrera Rubio. Mérida: Ediciones Universidad de Yucatán, 1984. P. 253–260.
- Guillen 1974 – *Guillen A.* Review: El capitalismo mundial y el desarrollo desigual // Problemas del Desarrollo. 1974. Vol. 5. № 17. P. 127–131.
- Izquierdo, Schele 2015 – *Izquierdo y de la Cueva A.L., Schele E.* Alberto Ruz Lhuillier, más allá del descubrimiento de la tuba del templo de las inscripciones de Palenque. Militancia política y Arqueología maya // Estudios de cultura maya. 2015. Vol. 46. P. 11–44.
- Medina 1984 – *Medina A.* Vigencia teórica y política de la categoría Modo de Producción Tributario // Modo de Producción Tributario en Mesoamérica / Ed. por A. Barrera Rubio. Mérida: Ediciones Universidad de Yucatán, 1984. P. 17–26.
- Rivera Dorado 1986 – *Rivera Dorado M.* Reseña de: Barrera Rubio A. (ed.): Modo de Producción Tributario en Mesoamérica, Escuela de Ciencias Antropológicas, Universidad de Yucatán, Analte 3. Mérida, 1984. 375 p. // Mayab. 1986. № 2. P. 62–64.
- Ruz 1974 – *Ruz A.* La civilización de los antiguos mayas. La Habana: Editorial de las Ciencias Sociales, 1974. 158 p.
- Ruz 1981a – *Ruz A.* El modo de producción tributario en el área maya // Estudios de Cultura Maya. 1981. Vol. 13. P. 37–43.
- Ruz 1981b – *Ruz A.* El pueblo maya. México: Salvat Mexicana de Ediciones; Fundación Cultural San Jerónimo Lídice, 1981.

References

- Amin, S. (1973), *Categorías y leyes fundamentales del capitalismo*, Nueva Época, México, Mexico.
- Amin, S. (1973), *Le développement inégal. Essai sur les formations sociales du capitalisme périphérique*, Éd. de Minuit, Paris, France.
- Banu, I. (1967), “La formation sociale ‘tributaire’”, in *Premieres societes de classes et mode de production asiatique*, pp. 251–253. (Recherches international a la lumiere du marxisme. № 57–58)
- Banu, I. (1969), “La formación social ‘asiática’ en la perspectiva de la filosofía oriental Antigua”, in Bartra, R., *El modo de producción asiático: Antología de textos sobre problemas de la historia de los países coloniales*, Editorial Era, México, Mexico, pp. 269–288.

- Barrera Rubio, A. (1984), “Consideraciones sobre el Modo de Producción Asiático entre los mayas”, in Barrera Rubio, A. (ed.), *Modo de Producción Tributario en Mesoamérica*, Ediciones Universidad de Yucatán, Mérida, Mexico, pp. 203–252.
- Bartra, R. (1969), *El modo de producción asiático: Antología de textos sobre problemas de la historia de los países coloniales*, Editorial Era, México, Mexico,
- Bartra, R. (1975), *Marxismo y sociedades antiguas: El modo de producción asiático y el México prehispánico*, Grijalbo, México, Mexico,
- Beliaev, D.D. (2020), “Karl Wittfogel and the formation of the concept of hydraulic state in Mesoamerica”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 144–155,
- Bojorquez, C. (2020), “El modo de producción entre los mayas, una discusión inconclusa”, in Marchena, J., Chust, M. and Schlez, M. (eds.), *El debate permanente: Modos de producción y revolución en América Latina*, Ariadna Ediciones, Santiago de Chile, Chile, pp. 169–178.
- Carrasco, P. (1978), “La economía del México prehispánico”, in Carrasco, P. and Broda, J. (eds.), *Economía política e ideología en el México prehispánico*, México, Mexico, pp. 13–74.
- Corona, E. (1984), “¿Modo de producción asiático o tributario en Mesoamérica?” In Barrera Rubio, A. (ed.), *Modo de Producción Tributario en Mesoamérica*, Ediciones Universidad de Yucatán, Mérida, Mexico, pp. 27–34.
- Garduño, J. (1984), “Cobá y el Modo de Producción Tributario”, In Barrera Rubio, A. (ed.), *Modo de Producción Tributario en Mesoamérica*, Ediciones Universidad de Yucatán, Mérida, Mexico, pp. 253–260.
- Izquierdo y de la Cueva, A.L. and Schele, E. (2015), “Alberto Ruz Lhuillier, más allá del descubrimiento de la tuba del templo de las inscripciones de Palenque. Militancia política y Arqueología maya”, *Estudios de cultura maya*, vol. 46, pp. 11–44.
- Kachanovskii, Yu.V. (1971), “Discussion about the Asiatic Mode of Production in the of foreign Marxist journals”, in Kim, G.F. (ed.), *Problemy dokapitalisticheskikh obshchestv v stranakh Vostoka* [Issues of Pre-Capitalist Societies in the oriental countries], Nauka, Moscow, Russia, pp. 45–94.
- Kim, O.V. (2001), *Problema aziatskogo sposoba proizvodstva v sovetskoy istoriografii (20-e – nachalo 90-kh gg.)* [The Issue of the Asiatic mode of production in the Soviet historiography, the 20-s – early 90-s]. Ph.D. Thesis (History), Kemerovo, Russia.
- Medina, A. (1984), “Vigencia teórica y política de la categoría Modo de Producción Tributario”, *Modo de Producción Tributario en Mesoamérica*, México, 1984, pp. 17–26.
- Nureev, R.M. (1993), “Asiatic mode of production as an economic system”, in Ivanov, N.A. (ed.), *Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravleniya i vlasti* [The phenomenon of the Oriental despotism. The governance and power structure], Nauka, Vostochnaya literatura. Moscow, Russia, pp. 62–87.
- Rivera Dorado, M. (1986), “Reseña de: Barrera Rubio, A. (ed.): Modo de Producción Tributario en Mesoamérica, Escuela de Ciencias Antropológicas, Universidad de Yucatán, Analte 3, Mérida, 1984, 375 páginas”, *Mayab*, no. 2, pp. 62–64.

- Ruz, A. (1974), *La civilización de los antiguos mayas*. Editorial de las Ciencias Sociales, La Habana, Cuba.
- Ruz, A. (1981), “El modo de producción tributario en el área maya”, *Estudios de Cultura Maya*, vol. 13, pp. 37–43.
- Ruz, A. (1981), *El pueblo maya*. Salvat Mexicana de Ediciones, Fundación Cultural San Jerónimo Lídice, México, Mexico.
- Ruz, A. (1986), *Narod maya* [The Maya people]. Mysl Publishers, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий Д. Беляев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lakamha@mail.ru

Information about the author

Dmitri D. Beliaev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lakamha@mail.ru

Отражение советско-польской войны в контексте формирования польской государственности в трудах Ю. Мархлевского и Ю. Пилсудского

Елизавета И. Новикова

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС при Президенте РФ), Москва, Россия,
leonsia21@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются два подхода в трактовке событий советско-польской войны 1919–1921 гг. Это подходы польских историков и общественных деятелей Юзефа Пилсудского и Юлиана Мархлевского. Их взгляд на войну особенно важен и интересен, поскольку они были активными участниками событий войны и представляли различные позиции устройства новой независимой Польши.

На основе компаративного анализа биографий Пилсудского и Мархлевского, их трудов и методологических подходов в осмыслении исторического процесса автор прослеживает взаимосвязь этих подходов с общественно-политическими событиями, современниками которых были польские исследователи.

Непростое положение Польши, разделенной, потерявшей независимость в XVIII в., не давало покоя польскому народу. Независимо от происхождения, положения в обществе и политических воззрений многие поляки стремились к независимости, возрождению своего государства. На карте мира независимое государство Польша появилось в 1918 г., однако его возникновение совпало с трудным, насыщенным социально-политическими событиями периодом. Тяжелые последствия Первой мировой войны, череда революций – все это оказало огромное влияние на умонастроение поляков. Они искали новые ориентиры и новые смыслы, которые иногда противоречили друг другу, что приводило к непониманию, гражданскому противостоянию и агрессивной внешней политике.

Ключевые слова: советско-польская война, Октябрьская революция 1917 г., Коминтерн, польская историография, марксизм, Польша, межвоенная Европа, Юлиан Мархлевский, Юзеф Пилсудский, Михаил Тухачевский

Для цитирования: Новикова Е.И. Отражение советско-польской войны в контексте формирования польской государственности в трудах Ю. Мархлевского и Ю. Пилсудского // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 68–78. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-68-78

The reflection of the Polish-Soviet War in the context of the formation of Polish statehood in the works of Yulian Marchlewski and Józef Piłsudski

Elizaveta I. Novikova

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, leonsia21@mail.ru*

Abstract. The report considers two approaches in the interpretation of the events of the Soviet-Polish war of 1919–1921. These are the approaches of Polish historians and public figures Józef Piłsudski and Julian Marchlewski. Their view of the war is particularly important and interesting because they were active participants of the events of the war and represented various positions of the new independent Poland.

On the basis of comparative analysis of the biographies of Piłsudski and Marchlewski, their works and methodological approaches in understanding the historical process, the author traces the interconnection of those approaches with socio-political events, contemporaries of which were Polish researchers.

The difficult situation in Poland, that was divided and lost its independence in the 18th century, gave no peace to the Polish people. Regardless the origin, position in society and political views, many Poles sought independence and the revival of their state. On the world map, the independent state of Poland appeared in 1918, however, its emergence coincided with a difficult period, saturated with socio-political events. Heavy consequences of the First World War, a series of revolutions – all this had a huge impact on the mindset of Poles. They sought for new landmarks and new meanings, which sometimes contradicted each other, leading to misunderstandings, civil strife and aggressive foreign policy.

Keywords: The Polish-Soviet War, October revolution of 1917, the Comintern, the Polish historiography, Marxism, Poland, interwar Europe, Julian Marchlewski, Józef Piłsudski

For citation: Novikova, E.I. (2021), “The reflection of the Polish-Soviet War in the context of the formation of Polish statehood in the works of Yulian Marchlewski and Józef Piłsudski”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 68–78, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-68-78

Введение

Осенью 1919 г. Юлиан Мархлевский от имени советского правительства вел переговоры с представителями Юзефа Пилсудского о приостановке военных действий между Красной армией и поляками. На согласованных В.И. Лениным неофициально проводившихся переговорах Мархлевский обладал широкими полномочиями на заключение мира с Польшей. Как же так получилось, что, большую часть жизни ратовавшие за независимость Польши, Мархлевский и Пилсудский после образования новой страны оказались по разные стороны баррикад и представляли два разных взгляда на устройство вновь образованного Польского государства?

Юзеф Пилсудский (1867–1935) и Юлиан Мархлевский (1866–1925) были сверстниками, оба имели шляхетское происхождение и грезил о независимости родной Польши. В конце XIX – начале XX в. они оба были активными участниками политической жизни Польши и Литвы, ратовали за переустройство общества на социалистических началах. Однако в этой внешней схожести были принципиальные различия, сформировавшиеся еще в ранние годы и обусловившие противоборство на общественно-политической арене в первые годы существования новой независимой Польши.

Один из основателей социал-демократии Королевства Польского и Литвы Юлиан Мархлевский последовательно придерживался идей марксизма, был интернационалистом, но выступал за право наций на самоопределение. Мархлевский видел возможность освобождения Польши в классовой борьбе и революции.

Юзеф Пилсудский же в середине 1910-х гг. начинает активно придерживаться националистических настроений. Он разработал политический проект «прометеизм», призванный расчлнить Российскую империю путем поддержки националистических движений за независимость. Свободу, по его мнению, Польша смогла бы добыть в борьбе, для чего Пилсудский формирует польские легионы.

Советско-польская война глазами Ю. Пилсудского и Ю. Мархлевского

Юлиан Мархлевский о советско-польской войне

В 1919 г. Юлиан Мархлевский представлял советскую сторону на переговорах с Юзефом Пилсудским по вопросу прекращения советско-польской войны. В период 1918–1923 гг. в советских газетах опубликовано 126 статей политика [Черных 1990, с. 5] разного толка: политэкономия, антисемитизм в Польше, советско-польские

отношения и пр. Мархлевский участвовал в организации Коминтерна и МОПР. Он был давним соратником Ленина и пользовался большим кредитом доверия.

Безусловно, находясь в Советской России и будучи обласканным советской властью, Мархлевский был определенным образом политически ангажирован. Однако его любовь к Польше, польскому народу, ратование за независимость родной Польши говорят о его твердой позиции и отсутствии корыстных, предательских мотивов.

Основным источником, в котором отразилась позиция Мархлевского по советско-польской войне, является труд «Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией» («Пролетарская Россия и буржуазная Польша» в польском варианте), вышедший в 1921 г. сразу на русском и на польском языках¹.

Мархлевский – марксист, он отмечает, что польский народ обрел желаемое независимое государство, но это государство было буржуазным и не отвечало надеждам и потребностям рабочего класса. Как марксист Мархлевский является и прекрасным пропагандистом, стиль его изложения эмоционален, полон ярких эпитетов: германский империализм, горячий друг поляков Клемансо, кайзерские лакеи и т. п.² Политик умело играет на чувствах и эмоциях читателя, активно пытается привлечь его на свою сторону, доказать, что лишь его позиция единственно верная.

Мархлевский возлагает всю ответственность за развязывание войны 1919–1921 гг. на польскую сторону:

Россия не хотела этой войны, она прилагала все усилия, чтобы завязать дружеские отношения с Польским государством. Поэтому господам польским дипломатам пришлось отчаянно искать повода к ссоре³.

Политик отмечает, что пролетарская Россия была бельмом на глазу для польской, английской и французской буржуазии, поэтому советско-польская война стала логичным выражением их интересов, защиты от распространения большевистских идей. Он обвиняет Пилсудского в предательстве идей социализма и обмане польского народа.

¹ *Мархлевский Ю.Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М.: Госиздат, 1921; *Marchlewski J.B.* Rosja proletarjacka a Polska burżuazyczna. Moskwa: Trybuna, Kijów: Proletargród, Smoleńsk: RFSRR, 1921.

² *Мархлевский Ю.Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. С. 5–6.

³ Там же.

Советско-польский конфликт, по мнению Мархлевского, планомерно развивался польской стороной: сначала на уровне дипломатического представительства, затем убийство членов миссии русского Красного Креста в Польше, белорусско-литовский вопрос и, наконец, открытое противостояние.

В вопросе сотрудничества с Советской Россией Мархлевский опирался на то обстоятельство, что советское правительство с первых дней своего существования признало за польским народом право на самоопределение вплоть до отделения [Черных 1990, с. 3]. Так, в августе 1918 г. в соответствии с условиями Брестского мира Советская республика аннулировала договоры, заключенные царской Россией, Германией и Австро-Венгрией о разделах Польши. А в конце октября 1918 г. советская сторона обратилась к польскому правительству с предложением об обмене дипломатическими представителями.

Мархлевский акцентирует внимание на том факте, что польская сторона не стремилась идти на сотрудничество и долгое время ожидала четкой позиции стран Антанты, прежде всего Франции. Это обстоятельство сильно тормозило взаимодействие с Советской республикой и противоречило интересам самих поляков.

На переговоры, да и то секретные, польская сторона пошла только после того, как в июне 1919 г. правительство Антанты признало А.В. Колчака «верховным правителем России». В случае победы Колчака независимости Польши грозила опасность. Мархлевский отмечает, что инициатором переговоров выступил именно он:

...пользуясь этими настроениями, пишущий эти строки, находясь в то время конспиративно в Польше, правда, без всяких полномочий с чьей-либо стороны, обратился к польским правящим сферам, предлагая свои услуги для того, чтобы достигнуть соглашения и положить конец войне. На это посредничество было выражено согласие⁴.

После же консультаций с советским правительством Мархлевский сообщает, что оно было готово пойти на широкие, в том числе территориальные, уступки для заключения мира с Польшей. Однако и переговоры летом, и переговоры в октябре 1919 г. не привели к миру, а лишь временно приостановили военные действия. Мархлевский обвиняет польское правительство в том, что оно не использовало благоприятные условия для заключения мира с Советской Россией на весьма выгодных условиях, мир, который остановил бы гибель польских граждан и мог бы способствовать взаимовыгодному сотрудничеству двух стран.

⁴ *Marchlewski J.B.* Rosja proletarjacka a Polska burżuazyjna. P. 12.

Также Мархлевский указывает на двойные стандарты правительства: с одной стороны, они обвиняют Советы в помощи Коммунистической рабочей партии Польши, и это подрыв государственных устоев, с другой – Польша оказывает помощь антибольшевистским силам и не считает это вмешательством во внутренние дела Советской России:

...польское правительство, через посредство своей польской военной организации, тысячами посылало поляков, бывших солдат царской армии или возвратившихся из Германии пленных, на Мурман, в Архангельск и в армию Колчака для борьбы с советской Россией⁵.

Юлиан Мархлевский, несмотря на свой выдающийся партийный политический опыт, не сумел оказаться во властных кругах возрожденной Польши, и это, безусловно, задевало его самолюбие. Как человек еще с XIX в. ратовавший за независимое государство, он не мог оставаться в стороне от происходящих в Польше событий, его не устраивала действующая польская власть, и он был готов на революцию. Так, в июле 1920 г. он стал председателем организованного Польревкома (Временного революционного комитета Польши) – органа, выполнявшего функции правительства на подконтрольной советской стороне территории Польши. Идеологической основой работы Польревкома стал марксизм, идея борьбы классов, Мархлевский также говорит о ставке Польревкома на интернационализм: неважно, поляк ты, белорус или еврей, если вы пролетарии или крестьяне, то вы равны и должны быть солидарны в своей цели свержения эксплуататоров. Советско-польская война виделась Мархлевскому идеологическим противостоянием государств, и идеологический подход Мархлевского в этом противостоянии проиграл.

Юзеф Пилсудский о советско-польской войне

Основным источником для понимания общественно-политических взглядов Юзефа Пилсудского во время советско-польской войны 1919–1921 гг. является его труд «1920 год»⁶. Эта работа

⁵ Ibid. P. 10.

⁶ *Piłsudski J.* Rok 1920: Z powodu książki M. Tuchaczewskiego „Pochód za Wisłę”. Wyd. 3. Warszawa: Polska zjedniczona, 1989.

стала ответом на труд М.Н. Тухачевского «Поход за Вислу»⁷. Книга «1920 год» вышла после окончания советско-польской войны, Рапальского договора и создания СССР, поэтому при изложении своих мыслей Пилсудский не мог не учитывать изменившуюся международную обстановку. Рядом с Польшей была уже не ослабленная, терзаемая Гражданской войной Советская Россия, а укрепившаяся в границах и единой власти страна. Страна, сотрудничавшая отныне с другим политическим оппонентом Польши – Веймарской республикой.

Так, в отличие от Мархлевского, манера изложения Пилсудского более сдержанная, он подчеркнул вежлив в повествовании и трактовке событий. Он уже с первых строк пытается овладеть симпатией и уважением читателя. Это неслучайно, ведь Пилсудский возглавлял Польшу, он сам и был Польшей и в своем лице представлял все государство. Поэтому он не мог так красочно и эмоционально освещать свою позицию, как делал это Мархлевский. В начале повествования он говорит, что создал данный труд, отвечая запросам польских издателей и польской общественности, нуждающихся в освещении событий, пережитых польским народом. К своему бывшему противнику М.Н. Тухачевскому он обращается «пан».

Несмотря на то что во многом труд Пилсудского носит статистический характер: разбор военных действий, сил сторон и стратегии – он все равно прекрасно отражает взгляды маршала Польши.

Так, в работе Пилсудского нет ни тени сомнения в правильности и праведности советско-польской войны. Маршал повествует о боеспособности польских войск, их героизме и выигрышной тактике, отмечает, что Польше меньшими силами удалось достичь успеха в Варшавской битве и войне. Так, он пишет о численности войск:

...У нас – и это я заявляю со всей ответственностью – в течение всей нашей войны эта цифра никогда не достигала 200 000 чел., причем на всем фронте, а не только на той его части, которая противостояла войскам п. Тухачевского. Таким образом, со времени развертывания против нас в июле 1920 г. всей советской армии противник всегда имел на действующем фронте численный перевес⁸.

⁷ *Тухачевский М.Н.* Поход за Вислу: Лекции, прочитанные на дополнительном курсе Военной академии РККА 7–10 февраля 1923 г. Смоленск, 1923.

⁸ *Pilsudski J.* Rok 1920...

Пилсудский умалчивает о своем реальном положении в годы войны: зависимости от Антанты, отношении к советской власти и России в целом и действиях по подрыву советской государственности, отказу от дипломатического признания и договора о границах вплоть до Рижского соглашения. Не говорит о том, как поддерживал антисоветские силы, пока усиление монархических сил не стало опасным для Польши. Пилсудский – прекрасный пропагандист, он работает над усилением патриотических настроений в обществе посредством обещания вернуть потерянные польские земли (и действительно, часть возвращает) и формирования образа внешнего врага, что консолидирует польское общество.

В польской прессе в годы советско-польской войны выходили карикатуры, в которых Советская Россия была изображена диким медведем, а Пилсудский – героем-защитником Польши, сражающимся с диким зверем⁹. А в польском журнале «Муха» вышла карикатура, изображающая, как Юзеф Пилсудский создает польское государство, вбивая клин на карте Европы между РСФСР и Германией¹⁰. Таким образом, советско-польская война не виделась ни Пилсудскому, ни польскому обществу чем-то противоестественным, так как страна Советов считалась врагом польской независимости, диким зверем с Востока, с которым нужно бороться и отвоевывать у него жизненное пространство для безопасности, а самого его лучше усмирить.

Так, 3 июля 1920 г. в Варшаве выходит воззвание Юзефа Пилсудского к гражданам Республики Польша:

...Легионы захватчиков, тянущихся ад из глубины Азии, пытаются сломить наши героические войска, чтобы обрушиться на Польшу, растерзать наши нивы, сжечь деревни и города и на польском кладбище начать свое страшное правление¹¹.

После прочтения такого возвания в душах и сердцах поляков должен был зародиться праведный народный гнев, желание защитить родину и наказать неприятеля, осмелившегося покуситься на ее независимость. Однако тот аспект, что советско-польскую войну развязала польская сторона и что чуть раньше она покушалась на территориальную целостность Советской России, а также Советской республики Литвы и Белоруссии, не освещается. Свидетель-

⁹ *Garlicki A. Józef Piłsudski w karykaturze / Andrzej Garlicki, Jerzy Kochanowski, Interpress, Warszawa, 1991.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Piłsudski J. Ojczyzna w potrzebie! (dnia 3 lipca 1920). Warszawa.*

ством такого покушения, например, является другое воззвание 26 апреля 1920 г. к жителям Украины:

...По моему указу войско Республики Польша идет вперед, вступая глубоко на земли Украины.

...польские войска уберут с территорий, которые населены украинским народом, вражеских оккупантов, против которых с оружием в руках восстал украинский народ¹².

И такой подход Пилсудского к освещению событий советско-польской войны прослеживается на протяжении всей войны и после нее. Так, после «Чуда на Висле» 20 сентября 1920 г. Пилсудский опубликовал декрет об отступлении советских войск, в котором главным фактором в победе называет:

...патриотичный запал, жертвенную самоотверженность и героические усилия польского солдата¹³.

Данная позиция маршала в контексте формирования польской государственности весьма логична. У Пилсудского в 1918 г. была возможность прийти к власти, и он ей воспользовался. Имея в руках власть, он проводил политику, основанную на своих идеологических установках. Хороша ли его политика для польского общества, справедлива ли? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Безусловно лишь то, что Юзеф Пилсудский, говоря современным языком, придерживался лозунга “Make Poland Great again”. И сильная личная власть, и агрессивная внешняя политика в ходе советско-польской войны, и игра на патриотических настроениях поляков были последовательными мерами по становлению государственности Второй Польской Республики, ее укреплению и национальному сплочению. Пилсудский сделал ставку на национальный фактор, на стремление поляков возродить Польшу, ее культуру и объединить польский народ.

Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что, несмотря на разность подходов на будущее устройство Польши, и Мархлевский, и Пил-

¹² *Piłsudski J.* Do wszystkich mieszkańców Ukrainy (dnia 26 kwietnia 1920). Warszawa.

¹³ *Piłsudski J.* Dekret dnia 20 września 1920, Warszawa.

судский видели Родину сильной и независимой. Поэтому при освещении и трактовке событий советско-польской войны они оба прежде всего ориентировались на интересы Польши, того, что будет для нее лучше и поспособствует мирной, процветающей будущности.

Мархлевский делал ставку на мирные, добрососедские отношения с Советской Россией, видел в них перспективу всестороннего развития для Польши, укрепления на международной арене и благоприятных условий для социалистического строительства.

Пилсудский же не стремился к союзу с Россией, он видел в ней угрозу как в лице большевиков, так и в лице монархистов, но и не стремился к союзу с Германией. Маршал видел Польшу сильным независимым государством, лидером в Центральной Европе, определяющим политику в целом регионе и служащим странам Западной Европы защитой от восточной угрозы в лице России. Концепция «Междуморье», выдвинутая Пилсудским, способствовала агрессивной внешней политике Второй Польской Республики, и советско-польская война стала тому прекрасным подтверждением. Когда в 1919 г. ослабленная Гражданской войной Советская Россия была готова на мир с весьма выгодными для Польши условиями, то Польша не использовала эту возможность, так как это не отвечало территориальным претензиям Пилсудского, а также мир с Советской Россией означал бы ее дипломатическое признание, на что Пилсудский пойти не мог, опасаясь реакции стран Антанты.

Литература

Черных 1990 – *Черных М.Н.* Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1990. 229 с.

References

Chernykh, M.N. (1990), *Yulian Markhlevsky o sovetsko-polskikh otnosheniyakh v 1918–1921 gg.* [Julian Marchlewski on Soviet-Polish relations in 1918–1921], Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елизавета И. Новикова, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; Leonsia21@mail.ru

Information about the author

Elizaveta I. Novikova, postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; Leonsia21@mail.ru

УДК 327(510)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-79-97

Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное

Анна В. Бояркина

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, aboyarkina@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается развитие современного внешнеполитического курса китайского лидера Си Цзиньпина – «дипломатии великой державы с китайской спецификой». Пятое поколение китайских руководителей произвело концептуальный сдвиг во внешней политике КНР. Исследованы основные и наиболее примечательные дипломатические концепции Китайской Народной Республики (КНР) в новую эпоху: концепции «дипломатия великой державы с китайской спецификой» и «новый тип отношений великих держав»; инициатива «Один пояс, один путь», концепция/идея «Сообщества единой судьбы человечества». Ведущий подход к исследованию проблемы определен идеологией «Не-Запада» (Non-Western), или незападными теориями международных отношений, национальной китайской школой в частности. Компаративный метод позволяет установить общее и различное в основных теориях внешней политики КНР с начала XXI в. по настоящее время. В статье выделяются и характеризуются основные особенности и различия в содержании этих теорий. В качестве примера рассматривается вопрос о содержании термина «новый тип отношений» в современном китайском внешнеполитическом дискурсе.

Становится очевидным, что Си Цзиньпин, реализуя дипломатию великой державы и призывая свой народ к «великому возрождению китайской нации» (中华民族伟大复兴), расширяет свое влияние во всем мире. Это не просто внешнеполитический дискурс. Китай становится более активным в построении диалога с ближайшими соседями в Азии, а также учреждает новые институты в качестве альтернативы глобальной архитектуре, возглавляемой Западом, чтобы утвердить свое господство и продемонстрировать политическую, экономическую, культурную силу.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, концепция «нового типа отношений великих держав», концепция «дипломатии великой державы с

китайской спецификой», инициатива «Один пояс, один путь», концепция «Сообщества единой судьбы человечества»

Для цитирования: Бояркина А.В. Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 79–97. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-79-97

Comprehension of “great power diplomacy with Chinese characteristics”. Similarities and differences

Anna V. Boyarkina

*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
aboyarkina@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the development of the modern foreign policy course of the Chinese leader Xi Jinping – Diplomacy of the Great Power with Chinese characteristics. The fifth generation of Chinese leaders made a concept shift in foreign policy of the People’s Republic of China. The author studies main and most remarkable Chinese diplomatic concepts investigated in the new era: concepts Diplomacy of the Great Power with Chinese characteristics, New type of great powers relations, One Belt One Road initiative, Community of shared future for mankind. The purpose of our study is to understand, to comprehend which of the key concepts under study, which is the financial support for the practical implementation of infrastructure projects; how Chinese political leadership implements them for global governance and promoting their interests in Eurasia, Latin America, Africa, and others continents. The leading approach to the study of the issue is determined by the ideology of “Non-West”, or non-Western theories of international relations, the National Chinese School in particular. The comparative method allows establishing the general and specific in the main theories of Chinese foreign policy from the beginning of the 21st century till up to the present. The article identifies and defines the basic features and differences in the content of those theories. As an example, the issue of the content of the term New type of relationship in the modern Chinese foreign policy discourse is considered.

It becomes obvious that Xi Jinping, by realizing the diplomacy of the great power and calling his people to the great rejuvenation of the Chinese nation (中华民族伟大复兴), expands its influence throughout the world. That is not just a foreign policy discourse. China is becoming more active in building a dialogue with its closest neighbors in Asia, as well as establishing

new institutions as an alternative to the Western-led global architecture, to assert its ascendancy and political, economic, cultural power.

Keywords: China, Xi Jinping, New type of great powers relations, Diplomacy of the Great Power with Chinese characteristics, One Belt and One Road Initiative, Community of shared future for mankind

For citation: Boyarkina, A.V. (2021), “Comprehension of ‘great power diplomacy with Chinese characteristics’. Similarities and differences”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 79–97, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-79-97

Введение

Актуальность исследования определена интересом международного научного сообщества к внешнеполитическим тенденциям Китая при Председателе КНР Си Цзиньпине, которые показывают стремление добиться национального благосостояния и мирового влияния при сохранении территориальной целостности и политического суверенитета. Действия нового руководства после XVIII съезда КПК в ноябре 2012 г. привлекают внимание очень многих исследователей и часто обсуждаются в остром полемическом ключе [Бергер 2013; Ломанов, Борох 2013, с. 15; Ломанов 2017; Ян Чуан 2018; Мокрецкий 2015; Мокрецкий 2019; Ян Цземьянь 2019; Xi Xiao, Men Honghua 2021]¹. После прихода к власти в 2013 г. Си Цзиньпин выдвигает комплекс внешнеполитических концепций, таких как «новый тип международных отношений», «новый тип отношений великих держав», инициатива «Один пояс, один путь», «Сообщества единой судьбы человечества», «правильного понимания справедливости и выгоды», «доброжелательности, искренности, взаимовыгодности и инклюзивности» и другие.

Проведенное исследование не сфокусировано на анализе основных дипломатических теорий КНР. На эту тему опубликовано достаточно научных работ [Ломанов, Борох 2013; Ломанов 2017; Мокрецкий 2015; Мокрецкий 2019; Ян Цземьянь 2019 и др.]. Мы проанализируем и выделим общее и особенно в ключевых теориях современного Китая: «новый тип международных отношений», «новый тип отношений великих держав», концепция «дипломатии ве-

¹ См. также: *Szczudlik J.* Towards a “New Era” in China’s great power diplomacy. The Polish Institute of International Affairs (PISM). No. 1 (161). P. 1–10 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=24225 (дата обращения 03.07.2021).

ликой державы с китайской спецификой», инициатива «Один пояс, один путь», концепция «Сообщества единой судьбы человечества».

Цель нашего исследования заключается в анализе развития этих теорий, направленных на участие КНР в реформировании механизмов глобального управления и продвижения китайских интересов в Евразии, Латинской Америке, Африке. Задачи исследования: 1) систематизировать ключевые дипломатические доктрины КНР под руководством Си Цзиньпина на современном этапе; 2) показать общее и особенное в природе внешнеполитических стратегий КНР в новую эпоху; 3) определить главную идеологическую теорию во внешнеполитической стратегии Пекина на современном этапе; 4) представить прогноз развития доктрин во внешней политике на последующие 10–20 лет.

Литературный обзор

Основные направления китайской дипломатии, концепцию «нового типа отношений» во внешнеполитических инновациях Китая анализируют профессора А.Ч. Мокрецкий, А.О. Виноградов, Л.В. Пономаренко и другие². Ян Чуан [Ян Чуан 2018], Ян Цземьянь [Ян Цземьянь 2019] рассматривают такие ключевые идеи Си Цзиньпина, как «дипломатия великой державы с китайской спецификой», инициатива «Один пояс, один путь», «Сообщество единой судьбы человечества» как важную часть будущей единой теоретической системы социализма с китайской спецификой³.

Феномен укрепления личной власти Си Цзиньпина, вопросы преемственности и новаторства, активизации его дипломатии анализируют И.Е. Денисов, А.В. Ломанов, В.Я. Портяков [2019], Ян Цземьянь, Д. Тобин и другие ученые⁴. Проблемы сотрудничества стран ЕС и Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» исследуют А.В. Цвык, А.О. Виноградов [2019]⁵. Вызовы и угрозы

² См.: [Мокрецкий 2015; Виноградов 2015; Пономаренко, Соловьева 2015].

³ См.: [Ян Цземьянь 2019].

⁴ См.: [Денисов 2017; Ломанов 2017; Портяков 2019; Ян Цземьянь 2019], см. также: *Tobin D. How Xi Jinping's "New Era" should have ended U.S. debate on Beijing's Ambitions // Center for Strategic and International Studies. 2020. May. 22 p.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csis.org/analysis/how-xi-jinpings-new-era-should-have-ended-us-debate-beijings-ambitions> (дата обращения 20 авг. 2021 г.).

⁵ См.: [Цвык 2019; Виноградов 2019].

в реализации инициативы «Один пояс, один путь» анализируют Чжу Юй, С. Кавацима, Э. Кавальски, С.Н. Каменев⁶.

Методология исследования

В любой науке важной проблемой выступает проблема метода. С начала 1950-х гг. в мировой или американской науке о международных отношениях усваиваются методы социологии, психологии, формальной логики, ряда естественных наук [Теория международных отношений... 2004, с. 47–48]. Профессор П.А. Цыганков, руководствуясь выводами Г. Моргентгау и Р. Арона и других исследователей, выделяет два подхода в изучении международных отношений – традиционный историко-описательный и операционно-прикладной, связанный с применением методов точных наук [Теория международных отношений... 2004, с. 50].

Поскольку в настоящее время приходит к концу однополярный либеральный миропорядок и происходят серьезные изменения системы политической организации мира, то в кризисе оказываются и западные теории, которые пытаются ее осмыслить. В последнее десятилетие внимание исследователей сосредоточено на незападных, преимущественно латиноамериканских, индийских, африканских ТМО [Воскресенский 2011; Acharya 2014; Лебедева 2017; Грачиков 2017; Грачиков 2019; Кочеров 2020; Конышев 2020; Чжан Шухуа, Го Цзин 2020]. Следовательно, наше обращение к преимущественно азиатским теориям международных отношений (ТМО) обусловлено следующими причинами: стремительным экономическим ростом Азиатско-Тихоокеанского региона; развитием научных исследований в Азии; кризисом западной модели политической организации мира [Лебедева 2017]. Кроме того, современные идеологи английской школы международных отношений А. Ачарья и Б. Бузан, в значительной степени объясняя и критикуя западнцентристскую позицию международных отношений, утверждают, что международные отношения меняются с течением времени.

Китайские политологи считают, что уровень теоретизации еще отстает от практической дипломатии. Это актуализирует решение центральной задачи политологической школы, которое заключается

⁶ См.: [Чжу Юй 2016; Kavalski 2018; Каменев 2018]. См. также: *Kawashima S.* The risks of One Belt, One Road for China's neighbors // *The Diplomat*. 2018. April 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2018/04/the-risks-of-one-belt-one-road-for-chinas-neighbors/> (дата обращения 07.07.2021).

в разработке национальной научной и дискурсивной системы; подготовке профессиональных кадров; улучшении системы распространения полученных результатов и их оценке; поисках новых методологических оснований изучения китайской политики [Грачиков 2019; Ян Цземьянь 2019; Ломанов 2017; Чжан Шухуа, Го Цзин 2020].

В нашей статье использованы статьи и монографии, опубликованные в России, США, КНР, Европейских и других странах, которые составляют значительный объем и содержание китайской дипломатии, а также исследования по национальной школе теории международных отношений.

Дискурс внешнеполитических концепций Си Цзиньпина в новой эпохе

Дипломатическая деятельность Си Цзиньпина началась раньше, чем он вступил на политическую арену как лидер одной из крупнейших стран в мире. С 2008 по 2012 г. в качестве заместителя Председателя КНР он посетил 40 стран и регионов мира. Наиболее важными мероприятиями такого рода можно считать визит Си Цзиньпина в США в начале 2012 г., 2017 г., в Европу в 2018, 2019 гг., визит Ли Кэцяна в Россию в апреле 2012 г.

После XVIII съезда КПК 2012 г. и прихода к власти Си Цзиньпина происходит отказ от внешнеполитического изречения Дэн Сяопина «не высовываться». Вступив в должность Председателя КНР в марте 2013 г., Си Цзиньпин сделал целый ряд важных заявлений по вопросам внешней политики КНР, что позволило аналитикам в Китае и во всем мире говорить собственно о дипломатии Си Цзиньпина [Пономаренко, Соловьева 2015, с. 32]. Он выдвигает лозунг «новая эпоха», указывая на изменение внутренней и внешней политики Китая. Это свидетельствует о «транзитном» характере дипломатии. В первые годы руководства Си Цзиньпина акцент во внешней политике смещен с экономической на политическую области. Другими словами, Китай, совмещая экономические интересы с дипломатическими, отказывается от максимизации прибыли в экономической коммуникации⁷.

Дипломатические отношения КНР после 2012 г. развиваются как никогда под руководством Си Цзиньпина. Его внешняя политика получила название «дипломатия великой державы с китайской спецификой», что подтверждает достижение стратегической цели

⁷ [Титаренко, Ломанов 2015], см. также: *Szczudlik J.* Op. cit.

по восстановлению статуса сверхдержавы. Она основана на формировании международных отношений большой страны и занимается глобальными делами на основе концепции и духа великой державы. Предпосылкой формирования концепции «дипломатии великого государства с китайской спецификой» является приобретение «китайского облика» во внешней политике КНР. Неотъемлемой частью поиска национальной специфики становится демонстрация устойчивости и предсказуемости китайской дипломатии, наличия у нее прочных ценностных устоев. В середине 2013 г. Китай предлагает «углубить путь дипломатии великой державы с китайской спецификой» [Ломанов 2017, с. 14; Ян Цземьянь 2019]. Можно полагать, что с 2014 г. Си Цзиньпин связывает современную внешнюю политику с традиционной культурой, превращая ее в «дипломатию с китайской спецификой».

На этом основании мы можем полагать, что Си Цзиньпин выделяет «дипломатию великой державы с китайской спецификой» в качестве основного и нового направления китайской внешней политики. Подчеркнем, что, руководствуясь именно этой теорией, китайский лидер значительно укрепил власть и авторитет внутри страны и за рубежом.

Следующей новой теорией в арсенале дипломатии китайского лидера является концепция «нового типа между великими державами» (“新型大国关系”), которая служит основой современной внешнеполитической стратегии Пекина. Эта ведущая концепция включает «*международные отношения нового типа*» (термин может применяться практически ко всем государствам) и «*новый тип отношений между великими державами*» или «*междержавные отношения нового типа*» (отношения между Китаем и США) [Виноградов 2015, с. 72]. Еще в докладе XVIII съезду КПК Ху Цзиньтао творчески развивает теорию «трех миров» Мао Цзэдуна, смысл которой состоит в разделении Китаем государств мира в трех направлениях, различных по своему характеру и содержанию. Во-первых, отношения с развитыми крупными странами; во-вторых, отношения с соседними или сопредельными странами; наконец, отношения с большинством развивающихся стран [Виноградов 2015; Мокрецкий 2015]⁸. Предшественницей создания «международных

⁸ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告（2012年11月8日）//中国共产党新闻。2012年11月18日。（ доклад Ху Цзиньтао XVIII съезду КПК (8 ноября 2012 г.). Информационное агентство «Новости КПК». 18 ноября 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151-11.html> (дата обращения 23.07.2021). См. также: [Виноградов 2015; Мокрецкий 2015].

отношений нового типа» также считается стратегия «партнерских отношений различных форматов» (“结伴而不结盟”), разработанная Цзян Цзэмином в конце 1990-х гг.

В отчетном докладе XVIII съезду подчеркивается, что Китай в отношениях с *развитыми странами* намерен расширять сферу сотрудничества, устраняя разногласия и «продвигая создание нового типа отношений между великими государствами, характеризующихся длительным, стабильным и здоровым развитием» (推动建立长期稳定健康发展的新型大国关系) [Виноградов 2015, с. 70]. Выступая 23 марта 2013 г. в Московском государственном институте международных отношений, Председатель КНР Си Цзиньпин призывает членов мирового сообщества совместными усилиями продвигать процесс установления международных отношений нового типа, в основе которых лежит взаимовыгодное сотрудничество всех стран, больших и малых, сильных или слабых, богатых или бедных⁹. Затем на II Международном форуме мира в университете Цинхуа в 2013 г. министр иностранных дел КНР Ван И определяет семь направлений внешнеполитической деятельности Китая, в их числе первое – это строительство отношений «нового типа между великими державами»; установление отношений с развивающимися странами на основе концепции «справедливости и выгоды» и другие установки [Мокрецкий 2015, с. 44].

Выстраивая отношения с *сопредельными странами*, Китай предлагает укреплять дружбу «с неизменной доброжелательностью, в духе партнерства» (与邻为善, 与邻为伴), «старательно добиваться того, чтобы они больше выгадывали от развития» Китая (努力使自身发展更好惠及周边国家) [Виноградов 2015, с. 70].

В отношениях с *развивающимися странами* Китай будет укреплять сплочение и сотрудничество, защищать их законные права и интересы, а также поддерживать их в увеличении представительности и права голоса в международных делах, оставаясь «навек их надежными друзьями и искренними партнерами» [Виноградов 2015, с. 70].

Подчеркнем, что строительство «нового типа отношений» применяется в китайском политическом и научном дискурсе достаточ-

⁹ 顺应时代前进潮流促进世界和平发展 – 习近平在莫斯科国际关系学院的演讲 (2013年3月23日, 莫斯科) // 中国共产党新闻. 2013年03月25日. (Следуйте за тенденциями времени и содействуйте миру и развитию во всем мире. Лекция Си Цзиньпина в МГИМО (Москва, 23 марта 2013 г.). Информационное агентство «Новости КПК». 25.03.2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0325/c40531-20902911.html> (дата обращения 22.07.2021).

но широко и гибко. Примечательно, что руководители китайского государства придают ему разное наполнение по отношению к России, США, отдельным странам ЕС и т. д. в зависимости от стороны взаимодействия. Они считают, что в нынешнем мире только США, Европа, Китай и Россия являются «четырьмя глобальными стратегическими силами»¹⁰. Однако к отношениям между Россией и КНР, Европой и КНР китайскими руководителями применяется термин «международные отношения нового типа», относящийся практически ко всем государствам [Мокрецкий 2015, с. 45].

О развитии политических отношений Китая с великими державами справедливо свидетельствует исследование 2010 г. под названием «Обзор международных отношений 1950–2005 гг.: количественное измерение отношений Китая с великими державами», опубликованное Институтом международных отношений Университета Цинхуа. Двусторонние отношения разделены на три категории: «враждебные», «не враги – не друзья», «дружелюбные». Каждая категория делится на две в зависимости от степени, всего шесть уровней и соответствующий диапазон баллов от 0 до 9 [Грачиков 2019, с. 195].

Симптоматично, что Китай не заявляет о России как о «крупном государстве» современного мира. Китайская формулировка четко указывает, что «отношения нового типа между большими государствами» в первую очередь подразумевают устранение духа конфронтации, который стороны преодолели еще в конце 1980-х гг. [Ломанов 2017, с. 11]. Россию, Европейский союз, а также все остальные страны и межгосударственные образования Китай не относит к державам [Виноградов 2015, с. 72].

Инициативу «Один пояс, один путь» («一帶一路» 倡议)¹¹ после ее обнародования председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 г. уже считают визитной карточкой Китая и главной новацией в развитии его отношений с миром. Придерживаясь основной концепции «новый тип отношений между великими державами», китайское политическое руководство во главе с Си Цзиньпином рассматривает второй по значимости во внешнеполитическом корпусе инициативу «Один пояс, один путь». Китайские политологи отмечают ее отличие от предыдущих доктрин китайских лидеров: Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао [Zeng 2020, p. 76].

¹⁰ Сближение Китая и России демонстрирует тройной стратегический эффект // Информационное агентство «Жэньминь ван». 10.02.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8531706.html> (дата обращения 19.07.2021).

¹¹ One Belt One Road Initiative, или Belt and Road Initiative, сокр. BRI.

Предтечей инициативы «Один пояс, один путь» является стратегия «выхода вовне» (“走出去”), начатая еще Цзян Цзэмином в 2000-х гг. Она подразумевает деятельность китайского бизнеса за пределами Китая [Портяков 2019]. «Один пояс, один путь» не является конкретным механизмом, но воплощает идею и формулу развития с опорой на двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества, призванные содействовать сопряжению стратегий развития стран, расположенных вдоль маршрута Шелкового пути¹². «Один пояс, один путь» представляет собой системный проект, основанный на таких принципах, как «совместные торговые отношения, совместное строительство, совместная выгода» (“共商、共建、共享”原则). Принято выделять пять ключевых элементов содержания этой стратегии, а именно: 1) политическое согласие; 2) соединение инфраструктур; 3) активизация торговли; 4) аккумуляция капитала; 5) популярность у населения [Чжу Юй 2016, с. 100–101].

Инициатива «Один пояс, один путь» после конкретизации понятия разделена на две стратегии: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». К концу 2014 г. эта новая идея сухопутных и морских путей занимает одно из центральных мест в международной политике КНР. Главная цель этой инициативы – строительство и модернизация транспортной инфраструктуры из Китая в Европу и формирование вдоль них точек экономического роста. Российские ученые отмечают, что на данном этапе «Экономический пояс Шелкового пути» – это неинституционализованный процесс развития двусторонних торгово-экономических отношений со странами Центральной Азии (ЦА), Ближнего Востока, Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) [Китай и Восточная Европа 2016, с. 5, 8].

С 2013 г. интерес к инициативе «Один пояс, один путь» проявляют многие международные финансовые организации, более 130 стран с совокупным валовым внутренним продуктом в 29 трлн долл.¹³, 86 стран уже подписали с Китаем «меморандумы о взаимопонимании» по продвижению этого мегапроекта. Особенно динамично реализуется стратегия в Южной Азии,

¹² Под понятием «Шелковый путь» автор подразумевает стратегию развития Китая, представленную проектами «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

¹³ How will the Belt and Road Initiative advance China's Interests? // Center for Strategic & International Studies. China Power Project. 2017. May 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://chinapower.csis.org/china-belt-and-road-initiative/> (дата обращения 04.06.2021).

Юго-Восточной Азии (ЮВА), Центральном-Азиатском регионе, Ближнем Востоке.

Наиболее успешными проектами в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» выступают экономические коридоры «Китай – Монголия – Россия», а также «КНР – Пакистан» (или Китайско-пакистанский экономический коридор) [Антипов 2015]. Китайское правительство призывает ускорить процесс согласования инициативы «Один пояс, один путь» с программой развития Монголии «Степной путь». Это, по мнению профессора Кучинской [Григорьева, Кучинская 2018], «способствует поиску новых точек экономического роста трех стран, стимулирует приграничное сотрудничество и повысит уровень жизни населения приграничных областей».

Опираясь на формат взаимоотношений со странами Африки и Латинской Америки, Китай реализует выгодное сотрудничество со странами Центральной и Восточной Европы, расположенных вдоль транспортных маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». В последние годы оно стало одним из наиболее приоритетных направлений внешней политики Китая в Европе. С 2013 г. позиция Европейского союза относительно его участия в геэкономическом проекте китайской стороны по-прежнему в процессе трансформации и не сформирована окончательно. Евросоюз выступает за выстраивание европейско-китайских отношений прежде всего на наднациональном уровне, а затем на уровне двусторонних отношений между государствами-членами ЕС и Китаем [Цвык 2019, с. 105–109]. Однако оказалось под угрозой действие Всеобъемлющего соглашения между ЕС и Китаем об инвестиционном сотрудничестве, переговоры о котором ведутся с 2013 г., после введения сторонами взаимных санкций весной 2021 г. [Виноградов 2019, с. 141].

Вместе с тем «слабым звеном» инициативы «Один пояс, один путь» выступает зависимость реализации уже согласованных проектов от политической ситуации в странах-реципиентах. В Шри-Ланке смена правительства привела к приостановке строительства сити-порта Коломбо, на Мальдивах, в Малайзии и Пакистане поставлено под вопрос сооружение некоторых инфраструктурных объектов: мостов, международных аэропортов и т. д.¹⁴

¹⁴ *John H., Morris S., Portelance G.* Examining the debt implications of the Belt and Road Initiative from a policy perspective // Center for Global Development. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

Однако эти страны самостоятельно выбрали такой путь финансовых инвестиций, и им следовало заказывать грамотную экспертизу оценки работы с Китаем.

Современная китайская концепция «Сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体)¹⁵ глубокими корнями уходит в прошлое. Она впитала в себя многое из традиций китайской политической культуры, в том числе из наследия Лао Цзы, Конфуция, Мэн Цзы и других мыслителей прошлого. В основе идейно-философской платформы этой концепции лежат древнекитайские системы «тянься» (天下) и «гуншэн» (共生) [Концепция Си Цзиньпина 2020, с. 181].

Строительство «Сообщества единой судьбы человечества» основано на принципах взаимного уважения всех стран и народов, отказа от менталитета «холодной войны» и политики гегемонизма, преодоления разногласий через межцивилизационный диалог и консультации. Реализация этой концепции демонстрирует уверенную позицию Пекина по решению таких вопросов, как борьба с COVID-19, сокращение бедности, развитие торговли и строительство международной инфраструктуры, усовершенствование цифровых платежных систем, продвижение технологий 5G и т. д. В этой связи отметим, что как развивающаяся страна Китай стремится не допускать лидерства США по вопросам конкуренции в вышеперечисленных областях, в которых китайская сторона имеет преимущество.

В то же время, по мнению профессора китайского происхождения из Университета Ланкастера (Великобритания) Цзэн Цзиньхана, концепция «нового типа отношений между великими державами», инициатива «Один пояс, один путь» и концепция «Сообщество единой судьбы человечества» не являются стратегическими планами Китая, отражающими определенные геополитические цели Пекина или самого Си Цзиньпина [Zeng 2020]. В этой связи мы можем отчасти согласиться с автором, что эти концепции носят характер неясный, размытый, для западных представителей сложный. Подобная политика лозунгов – неотъемлемая часть политической культуры Китая, которая значительно влияет на механизм имплементации теорий. Исследования «нового типа отношений великих держав», инициатива «Один пояс, один путь» и «Сообщество единой судьбы человечества» постепенно внедряют-

¹⁵ Принятые варианты перевода «сообщества единой судьбы человечества» на английский язык – a community of shared destiny for mankind, community with a shared future for mankind, a community of common destiny (CCD).

ся и служат глобальным и многофункциональным механизмом для взаимодействия с международными партнерами Китая.

На наш взгляд, с 2013 г. Китай пытается внедрить новые стандарты международных отношений, и это свидетельствует о том, что Си Цзиньпин стремится добиться изменений в глобальной системе, в которой доминирует Запад. КНР смело продвигает свои ценности и защищает принципы во всем мире. Активная дипломатия КНР скорее является ответом на наступление и агрессию некоторых стран Запада во главе с США. Уже можно привести примеры того, что Си Цзиньпин эффективно реализует свои идеи.

Итак, что объединяет и делает особенными ключевые концепции в дипломатической практике Си Цзиньпина?

Общее. Во-первых, все эти стратегии нацелены на реализацию национальной идеи «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации. Во-вторых, учение К. Маркса является важнейшим источником этих дипломатических теорий, в особенности идея «китаизации» Маркса, основанная на историческом и диалектическом материализме. В-третьих, дипломатия Си Цзиньпина тесно связана с основными интересами страны, и соответствующие теории обладают характеристиками китайской цивилизации. В-четвертых, этот внешнеполитический комплекс опирается на преимущество китайской цивилизации, выраженную в устойчивых философско-культурных концептах «Великое единение» (世界大同), «Поднебесная – одна семья» (天下一家) и многих других древних постулатах. В-пятых, концепции «международных отношений нового типа» и «дипломатии великой державы с китайской спецификой», инициатива «Один пояс, один путь» и идея «Сообщества единой судьбы человечества» не описываются столь же четко и ясно в официальных документах. В них присутствует много общих и декларативных, порой размытых выражений (strategy, project, program, agenda) [Денисов, Адамова 2017, с. 85].

Особенное. Во-первых, взаимосвязь инициативы «Один пояс, один путь» и теории «Сообщества единой судьбы человечества». Об их важности в современном внешнеполитическом курсе страны свидетельствует закрепление двух концепций в Программной части Устава ЦК КПК и Конституции. «Один пояс, один путь» как практическая платформа воплощения строительства «Сообщества единой судьбы человечества» направлена на обеспечение благоприятной глобальной среды для роста торговли через укрепление транспортных связей. Примечательно, что пандемия COVID-19 выявила риски и недостатки глобальной взаимосвязанности, что не может не сказаться на развитии этой китайской мегастратегии. Кроме того, мы согласны с мнением российских и китайских экспертов, что

большинство внешнеполитических и внешнеэкономических действий китайского государства на международной арене направлены на поддержку реализации «Одного пояса, одного пути». Во-вторых, как всеобъемлющая интеграционная идея комбинации всех других ключевых концепций внешней политики теория «Сообщество единой судьбы человечества» является наиболее символически значимой идеей Си Цзиньпина. Эта концепция отражает видение Китаем нового миропорядка, в котором он должен играть более важную роль. В-третьих, инициативе «Один пояс, один путь» отводится главное место в строительстве «Сообщества единой судьбы человечества» и концепции «международных отношений нового типа».

Мы полагаем, что ведущей теорией в арсенале «дипломатии великой державы с китайской спецификой» является «новый тип отношений великих держав», в его рамках идея «Сообщества единой судьбы человечества» является символом политической культуры, более понятной и адаптированной для западного мира. Инициативе «Один пояс, один путь» отводится место финансовой и инвестиционной платформы «Сообщества единой судьбы человечества».

Прогноз. В настоящее время открыта новая страница китайской дипломатии, которая подчинена неизменной стратегической внешнеполитической цели Китая – восстановлению статуса великой державы. Это означает, что Китай стремится добиться изменений в глобальной системе, в которой доминирует Запад. В этой связи, на наш взгляд, необходимо отслеживать малейшие изменения во внешнеполитическом дискурсе¹⁶. Мы полагаем, что юго-восточные страны рассчитывают на возвращение США в регион как гарант стабильности вокруг территориальных споров, что якобы несет угрозу и вызывает необходимость сдерживания Китая. Кроме того, в дипломатии по отношению к развивающемуся миру возрастет влияние на глобальные цепочки поставок, в большей степени за счет ее вооруженных сил и с точки зрения ее глобальных инвестиций.

На фоне пандемии COVID-19, обострившей разногласия между США и Китаем по углублению изоляции китайских высокотехнологичных компаний, ухудшается динамика взаимодействия стран ЕС и КНР. Борьба Китая за Европу, играющая важнейшую роль для китайско-американского противостояния, будет продолжаться. Концепция «нового типа американо-китайских отноше-

¹⁶ *Yang Lizhong, Chen Dingding.* Is China's COVID-19 diplomacy working in Southeast Asia? // *The Diplomat.* 2021. February 20 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2021/02/is-chinas-covid-19-diplomacy-working-in-southeast-asia/> (дата обращения 10.06.2021).

ний» является важным пунктом внешней политики Си Цзиньпина и Дж. Байдена, но для администрации американского президента они вряд ли являются именно теми двусторонними отношениями, которые необходимо улучшать в первую очередь.

Литература

- Антипов 2015 – *Антипов К.В.* Экономический коридор «КНР – Пакистан» открывает Шелковый путь на запад // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. 2015. Т. 20. № 20. С. 260–272.
- Бергер 2013 – *Бергер Я.М.* К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 3–18.
- Виноградов 2019 – *Виноградов А.О.* КНР – страны Европейского союза // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (1). С. 139–142.
- Виноградов 2015 – *Виноградов А.О.* Новый тип отношений и новый Шелковый путь: К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. 2015. Т. 20. № 20. С. 69–87.
- Воскресенский 2011 – *Воскресенский А.Д.* Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 44–69.
- Грачиков 2017 – *Грачиков Е.Н.* Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание // Мировая политика. 2017. № 1. С. 47–65. DOI: 10.7256/2409-8671.2017.1.21534
- Грачиков 2019 – *Грачиков Е.Н.* Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187–200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200
- Григорьева, Кучинская 2018 – *Григорьева К.В., Кучинская Т.Н.* Региональное измерение экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: Сб. Восточного центра. 2018. № 21. С. 8–12.
- Денисов, Адамова 2017 – *Денисов И.Е., Адамова Д.Л.* Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. 2017. Т. 22. № 22. С. 76–90.
- Денисов 2017 – *Денисов И.Е.* Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10. № 5. С. 83–98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98
- Каменев 2018 – *Каменев С.Н.* Китайско-пакистанский экономический коридор и вопросы региональной безопасности // Восточная аналитика. 2018. № 3. С. 67–81.

- Китай и Восточная Европа 2016 – Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / Отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 70 с.
- Концепция Си Цзиньпина 2020 – Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения / В.Ф. Печерица, А.В. Бояркина. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. 224 с.
- Коньшев 2020 – *Коньшев В.Н.* Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис: Политические исследования. 2020. № 4. С. 94–111.
- Кочеров 2020 – *Кочеров О.С.* «Грядущая философия» международных отношений и апофатическая демократия Фреда Даллмайра // Полис: Политические исследования. 2020. № 6. С. 163–172. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.12
- Лебедева 2017 – *Лебедева М.М.* Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 246–256. DOI: 10.22363/231306602017172246256
- Ломанов 2017 – *Ломанов А.В.* Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8–18.
- Ломанов, Борох 2013 – *Ломанов А.В., Борох О.Н.* Первые шаги нового руководства Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 15–32.
- Мокрецкий 2019 – *Мокрецкий А.Ч.* Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // Международная жизнь. № 3. 2019. С. 70–82.
- Мокрецкий 2015 – *Мокрецкий А.Ч.* Основные направления китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 44–59.
- Пономаренко, Соловьева 2015 – *Пономаренко Л.В., Соловьева Т.М.* КНР – Африка: новые ориентиры взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 32–42.
- Портяков 2019 – *Портяков В.Я.* О современной внешней политике КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 13–21.
- Теория международных отношений 2004 – *Цыганков П.А.* Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004. 590 с.
- Титаренко, Ломанов 2015 – *Титаренко М.Л., Ломанов А.В.* Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 17–28.
- Цвык 2019 – *Цвык А.В.* «Один пояс, один путь»: взгляд из Европы // Современная Европа. 2019. № 1 (87). С. 104–113.
- Чжан Шухуа, Го Цзин 2020 – *Чжан Шухуа, Го Цзин, Гаоянь Цююй.* Развитие национальной школы политологии в Китае // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 11. С. 84–95.
- Чжу Юй 2016 – *Чжу Юй.* «Один пояс, один путь» и китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 100–106.
- Ян Цземьянь 2019 – *Ян Цземьянь.* Китайская теория дипломатии и безопасности в новую эпоху // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 56–68. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10016

- Acharya 2014 – *Acharya A.* Global International Relations (IR) and Regional Worlds. A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. P. 647–659. DOI: 10.1111/isqu.12171
- Kavalski 2018 – *Kavalski E.* Chinese Concepts and Relational International Politics // *All Azimuth a Journal of Foreign Policy and Peace*. 2018. Vol. 7, no. 1. P. 87–102.
- Xi Men 2020 – *Xi Xiao, Men Honghua.* Chinese diplomacy in the New Era. Springer Singapore, 2021. 26 p.
- Zeng 2020 – *Zeng Jinghan.* Slogan politics: understanding Chinese foreign policy concepts. Singapore: Springer Singapore: Imprint: Palgrave Macmillan, 2020. P. 76.
- Ян Чуан 2018 – 外交学：理论与实践（下） / 杨闯等著. 北京：世界知识出版社，2018. 页码730. (Дипломатия: теория и практика. Ч. 2 / Под ред. Ян Чуан. Пекин : Шицзе Чжиши, 2018. 730 с.).

References

- Acharya, A. (2014), “Global international relations (IR) and regional worlds. A new agenda for international studies”, *International Studies Quarterly*, vol. 58, pp. 647–659, DOI: 10.1111/isqu.12171
- Antipov, K.V. (2015), “The China-Pakistan economic corridor opens the Silk Road to the West”, *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremenost'*, vol. 20, pp. 260–272.
- Berger, Ya.M. (2013), “Towards the Results of the 18th Congress of the CPC. Continuity and renewal of the course”, *Problemy Dal'nego Vostoka*, vol. 1, pp. 3–18.
- Denisov, I.E. (2017), “Chinese foreign policy under Xi Jinping. Continuity and innovation”, *Kontury global'nyh transformacij*, vol. 10, no. 5, pp. 83–98, DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98
- Denisov, I.E. and Adamova, D.L. (2017), “Xi Jinping's foreign policy formulas. Key features and problems of interpretation”, *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremenost'*, vol. 22, no. 22, pp. 76–90.
- Grachikov, E.N. (2017), “Chinese School of international relations: the right to methodological self-consciousness”, *Mirovaja politika*, vol. 1, pp. 47–65, DOI: 10.7256/2409-8671.2017.1.21534
- Grachikov, E.N. (2019), “Formation of the Chinese school of international relations. Analytical approaches and research methods”, *Vestnik RUDN. Serija: Mezhduнародные отношения*, vol. 19, no. 2, pp. 187–200, DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200
- Grigor'eva, K.V. and Kuchinskaja, T.N. (2018), “Regional dimension of the China-Mongolia-Russia economic corridor within the framework of China's One Belt and One Road Initiative”, *Rossija i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstija: Sbornik Vostochnogo centra* [Russia and China. Issues of strategic interaction. Oriental Center collection], vol. 21, pp. 8–12.

- Kamenev, S.N. (2018), "Sino-Pakistani economic corridor and regional security issues", *Vostochnaja analitika*, vol. 3, pp. 67–81.
- Kavalski, E. (2018), "Chinese concepts and relational international politics", *All Azi-muth. A Journal of Foreign Policy and Peace*, vol. 7, no. 1, pp. 87–102.
- Kocherov, O.S. (2020), "A 'philosophy to come' in international relations: Fred Dall-mayr's apophatic democracy", *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 163–172, DOI: 10.17976/jpps/2020.06.12
- Konyshchev, V.N. (2020), "Neoclassical realism in the theory of international relations", *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 4, pp. 94–111, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07>
- Lebedeva, M.M. (2017), "Non-Western international relations theory. Myth or reality?", *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, vol. 17, no. 2, pp. 246–256, DOI: 10.22363/231306602017172246256
- Lomanov, A.V. (2017), "New Chinese foreign policy concepts", *Azija i Afrika segodnja*, no. 12, pp. 8–18.
- Lomanov, A.V. and Borokh, O.N. (2013), "The first steps of the new leadership of China", *Problemy Dal'nego Vostoka*, vol. 3, pp. 15–32.
- Miheev, V. and Shvydko, V. (eds.) (2016), *Kitaj i Vostochnaja Evropa: zven'ja novogo Shelkovogo puti* [China and Eastern Europe: links of the New Silk road], Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 70 p.
- Mokretskii, A.Ch. (2019), "Chinese diplomacy in the era of Xi Jinping", *Mezhdunarodnaja zhizn'*, no. 3, pp. 29–48.
- Mokretskii, A.Ch. (2015), "The main directions of Chinese diplomacy", *Problemy Dal'nego Vostoka*, vol. 1, pp. 44–59.
- Pecheritsa, V.F. and Boyarkina, A.V. (2020), *Koncepcija Si Czin'pina «soobshhestva edinoj sud'by chelovechestva»: ot idei do prakticheskogo voploshhenija* [Xi Jinping's concept of Community of shared future for mankind. From idea to practical implementation], Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
- Ponomarenko, I.V. and Solov'eva, T.M. (2015), "China – Africa. New directions of cooperation", *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, vol. 1, pp. 32–42.
- Portyakov, V.Ya. (2019), "On the modern foreign policy of the PRC", *Problemy Dal'nego Vostoka*, vol. 1, pp. 13–21.
- Titarenko, M.L. and Lomanov, A.V. (2015), "Political and cultural aspects of China's great power strategy", *Problemy Dal'nego Vostoka*, vol. 3, pp. 17–28.
- Tsyvk, A.V. (2019), "One Belt, One Road. A view from Europe", *Sovremennaja Evropa*, vol. 1, no. 87, pp. 104–113.
- Tsygankov, P.A. (2004), *Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij: Uchebnoe posobie* [Theory of International Relations. Training book], Gardariki, Moscow, Russia.
- Vinogradov, A.O. (2015), "A new type of relationship and a New Silk Road. On China's Foreign Policy Innovation", *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*, vol. 20, pp. 69–87.

- Vinogradov, A.O. (2019), “PRC – countries of European Union”, *Problemy Dal'nego Vostoka*, vol. 1, pp. 139–142.
- Voskresenskii, A.D. (2011), “General patterns, regional specificity and the concept of Non-Western democracy”, *Sravnitel'naja politika*, vol. 3, pp. 44–69.
- Zhang, Shuhua, Go, Jing, Gao, Yan and Qiu, Yu. (2020), “Development of the national school of political science in China”, *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, vol. 64, no. 11, pp. 84–95.
- Zhu, Yu. (2016), “One Belt, One Road and Sino-Russian trade and economic cooperation”, *Problemy Dal'nego Vostoka*, vol. 2, pp. 100–106.
- Xi, Xiao and Men, Honghua. (2021), *Chinese Diplomacy in the New Era*, Springer, Singapore.
- Yang, Jiemian (2019), “China’s diplomatic and security theories in the new era”, *Sravnitel'naja politika*, vol. 10, no. 2, pp. 56–68, DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10016
- Zeng, Jinghan (2020), *Slogan politics. Understanding Chinese foreign policy concepts*, Palgrave Macmillan, Singapore,
- 外交学：理论与实践（下） / 杨闯等著. – 北京：世界知识出版社，2018. 页码730.
(Yang, Chuang (ed) (2018), *Diplomacy. Theory and practice*, vol. 2, Beijing, China, Shijie Zhishi).

Информация об авторе

Анна В. Бояркина, кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; 690922, Россия, Владивосток, о. Русский, полуостров Аякс, д. 10; aboyarkina@gmail.com

Information about the author

Anna V. Boyarkina, Cand. of Sci. (Politics), associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; bld. 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922; aboyarkina@gmail.com

УДК 321(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-98-110

«Проектирование»
советского политического прошлого
во властном дискурсе РФ

Владимир С. Авдонин

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Москва, Россия,
avdoninola@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в дискурсе российской власти о советском политическом прошлом за последние три десятилетия. Выделяется специфика этого дискурса применительно к трем периодам – 1990-е, 2000-е, 2010-е гг., которые также условно персонифицируются как «ельцинское», «путинское 1 и медведевское» и «путинское 2» десятилетия. При этом сам этот дискурс рассматривается как средство легитимации политического режима соответствующего периода. В «ельцинский» период интенсивные негативные характеристики советского прошлого служат легитимации реформаторского режима, направленного на уход от советской модели и ориентирующегося на другие принципы (экономические и политические свободы, правовое государство, сотрудничество с Западом). В следующее десятилетие «советское» перестает трактоваться властью однозначно негативно и вытесняется в область исторического нарратива, где ему пытаются найти место в легитимирующем дискурсе о «нашем великом прошлом». Особенностью этого исторического нарратива является его «коллажность» (поверхностная и произвольная «склейка» разнородных фрагментов прошлого). С начала 2010-х гг. (период третьего и четвертого президентских сроков Путина) властный дискурс о советском прошлом служит легитимации авторитарных тенденций политического режима. В нем стигматизируется идеологический характер советской системы, а «идеологии» в ней противопоставляется «национальная идентичность», которой среди прочего приписываются свойства государственного лоялизма. В актуальной политике это открывает путь к воспроизводству советских идеологических практик, дискурсивно перекодированных в духе «государственной идентичности».

Ключевые слова: советское прошлое, политический дискурс, исторический нарратив, легитимация, политический режим, идеология, идентичность, лояльность

© Авдонин В.С., 2021

Для цитирования: Авдонин В.С. «Проектирование» советского политического прошлого во властном дискурсе РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 98–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-98-110

“Designing” the Soviet political past in the authoritative discourse of the Russian Federation

Vladimir S. Avdonin

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
avdoninvla@mail.ru*

Abstract. The article considers the changes in the discourse of the Russian authorities about the Soviet political past over the past three decades. The specificity of this discourse is highlighted in relation to three periods – the 1990s, 2000s, 2010s, which are also conditionally personified as “Yeltsin’s”, “Putin’s 1 and Medvedev’s” and “Putin’s 2” decades. At the same time, the discourse itself is viewed as a means of legitimizing the political regime of the corresponding period. In the “Yeltsin’s” period, the intense negative characteristics of the Soviet past serve to legitimize the reformist regime aimed at moving away from the Soviet model and focusing on other principles (economic and political freedoms, the rule of law, cooperation with the West). In the next decade, the “Soviet” is no longer unambiguously negatively interpreted by the authorities and is pushed into the area of historical narrative, where they are trying to find a place for it in the legitimizing discourse about “our great past”. A feature of that historical narrative is its “collage” (superficial and arbitrary “gluing” of heterogeneous fragments of the past). Since the beginning of the 2010s (during the third and fourth presidential terms of Putin), the authoritative discourse about the Soviet past serves to legitimize the authoritarian tendencies of the political regime. It stigmatizes the ideological character of the Soviet system, and contrasts “ideology” with “national identity,” which, among other things, is attributed to the properties of state loyalism. In current politics, it opens the way for the reproduction of Soviet ideological practices, discursively recoded in the spirit of “state identity”.

Keywords: Soviet past, political discourse, historical narrative, legitimization, political regime, ideology, identity, loyalty

For citation: Avdonin, V.S. (2021), “ ‘Designing’ the Soviet political past in the authoritative discourse of the Russian Federation”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 98–110, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-98-110

В политологических исследованиях внимание к историческому прошлому часто рассматривается в контексте вопросов об укреплении легитимности власти, об использовании исторического опыта в политической практике, а также в связи с формированием национальной, государственной или социальной (групповой) идентичности [Символическая политика 2012].

Для большинства постсоветских и посткоммунистических стран, переживших резкую и глубокую смену политических режимов, важной частью политики становится также проблема отношения к тому недавнему прошлому (советскому и социалистическому), которое в политическом плане было признано несостоятельным. Многие страны, так или иначе, сталкиваются с этой проблемой и стараются ее решить, прибегая к разным стратегиям. В одних случаях это может быть усиление критики прошлого в стремлении к его преодолению, в других – это попытки «забыть» прошлое, стараясь не вспоминать о нем, в третьих – это попытки «адаптировать» прошлое к новым условиям и использовать его в актуальной политике. Не исключены, разумеется, и различные смешанные варианты. При этом выбор того или иного варианта отношения к этому прошлому зависит от многих политических, экономических, социальных, культурных факторов, а сама «мемориальная» составляющая становится важным ресурсом и фактором формирования политического курса внутри страны и на международной арене.

Для изучения этого исторического фактора в политике существенное значение имеет исследование дискурса политических акторов по тематике недавнего исторического прошлого, которое помогает лучше понять и оценить их стратегии и цели в использовании этого ресурса в актуальной политике.

В исследованиях, посвященных российскому властному дискурсу, отмечается, что отношение в нем к темам советского прошлого за прошедшие тридцать лет заметно менялось. В некоторых работах¹ это фиксируется даже чисто количественно. Проводятся, например, подсчеты упоминаний о советском прошлом в официальных выступлениях (особенно в посланиях Федеральному собранию) российских президентов в разные годы, их темы, характер оценок, контексты. Эти данные показывают, что президент Ельцин, например, заметно чаще говорил о советском прошлом,

¹ См., например: Как изменилась риторика Путина? Проект русской службы BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/resources/idt-8b36561c-1f51-4aa2-a2c5-5fab4d1b797e> (дата обращения 15.11.2020), а также [Мартьянов 2007; Малинова 2015; Галямина 2016] и др.

чем Путин во время первых двух президентских сроков и Медведев в период своего президентства. Но после 2012 г., во время третьего срока, у Путина количество упоминаний «советского» вновь заметно увеличивается. Анализировались также темы и оценки упоминаний о советском прошлом. Так, в дискурсе Ельцина большинство упомянутых советских тем получали негативные характеристики, а у Путина первых сроков и Медведева советских тем было не только меньше, но и оценки их были не так однозначны. Наконец, в дискурсе Путина третьего и четвертого сроков советской тематики становится не только больше, но и оценки ее приобретают вполне определенный дифференцированный характер (т. е. одни темы оцениваются однозначно позитивно, другие – негативно).

В целом исследования дискурса российской власти о советском прошлом позволяют выделить в нем три периода, которые во временном отношении можно условно соотносить с тремя постсоветскими десятилетиями – 1990-е гг., 2000-е, 2010-е. Их можно также персонифицировать, соотнося с президентскими сроками и имея в виду соответственно «ельцинское» десятилетие (1990-е), «путинское» (первых сроков) и «медведевское» (2000-е) и «путинское 2» (условно 2010-е). Каждый период отличается спецификой президентского дискурса о советском прошлом, за которым стоят изменения в его интерпретации, его роли в символической политике власти и в характере политического режима. В то же время в этом дискурсе можно обнаружить и некоторые общие моменты, которые прослеживаются для всех периодов.

Ельцинский период (1990-е гг.)

В этот период обращение к советскому прошлому в дискурсе президента было наиболее активным. И это неудивительно. Советское прошлое было еще очень близко и активно влияло на актуальную политику. Ельцин использовал преимущественно негативные интерпретации советского периода для укрепления легитимности своего режима и политического курса радикальных экономических и политических реформ.

Президент часто дает советскому периоду обобщенные политические характеристики, называя «коммунистическим экспериментом», «тоталитарной системой», «сверхжесткой мобилизационной моделью развития», «политическим режимом, не соответствовавшим требованиям времени», «правившим с помощью насилия и об-

мана» и т. д.² Также Ельцин не раз подчеркивает его неспособность к самореформированию. Попытки реформирования в нем неизменно заканчивались неудачами, лишь подтверждая *«исторический тупик»* созданной системы. Позднесоветское время он оценивает, давая негативные характеристики, прежде всего, неэффективной и расточительной экономической системе СССР, ее неспособности обеспечить благосостояние народа и ликвидировать отставание от передовых стран.

В области внешней политики Ельцин особенно подчеркивает закрытый характер советской системы, ее недоверие и подозрительность в отношении международного сотрудничества, а также враждебность и нацеленность на *«изнурительное»* и *«опасное противостояние»* с внешним миром. Декларируя отказ от этих черт советской внешней политики, Ельцин в то же время признает значимость особого международного статуса СССР как великой державы. Он указывает на задачу России стать *«полноценным правопреемником СССР на международной арене»*, особо акцентируя ответственность России за предотвращение конфликтов на постсоветском пространстве и за поддержание стратегической стабильности в мире.

Период перестройки Ельцин оценивает негативно в основном в плане *«метаний»* в экономической политике, поставившей страну на грань экономической катастрофы. Политические процессы перестройки (демократизация и гласность) он в целом оценивает положительно (*«идейное раскрепощение общества»*), но отмечает, что они дали неоднозначные результаты *«на фоне опустевших прилавков»* и *«царства талонов и бартера»*. Кризис и распад *«партийных и репрессивных скреп и старых “приводных ремней” власти»* привел к утрате централизованного управления. Становление самостоятельных институтов власти в республиках (особенно в РСФСР) он оценивает в целом положительно, как ответ на системный развал централизованной экономики и кризис политического управления в центре. Это не исключало *«путь к сохранению Советского Союза на принципиально новой основе»*, но путч ГКЧП как *«отчаянная попытка реставрации старых властных структур»* привел к *«исчезновению каких-либо возможностей сохранения СССР»*. Роспуск СССР и создание СНГ Ельцин расценивает как предотвращение *«неуправляемого распада»* и *«военных столкновений при попытках*

² Ельцин Б.Н. Послание Федеральному Собранию РФ. 1996. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html (дата обращения 11.03.2021).

сохранения Союза силой», что привело бы «к более страшным последствиям, чем в Югославии»³.

Таким образом, оценивая советский период в основном как «тупиковое» и «приговоренное историей» прошлое, Ельцин видит в нем помеху развитию страны. Движение вперед он связывает не с адаптацией советской системы, а с другими ориентирами (правовым государством, децентрализацией, экономическими и политическими свободами, международным сотрудничеством). Движение России вперед (от советской системы) он считал главной (и достигнутой) задачей своей политики. Даже в прощальном заявлении о своей отставке он не преминул упомянуть главное им сделанное – то, что «Россия никогда не вернется в прошлое»⁴.

2000-е гг.: Путинский (первых двух сроков) и медведевский периоды

В 2000-е упоминаний о советском прошлом в официальном дискурсе власти становится существенно меньше. Советская тематика как бы перестает интересовать властных акторов и вытесняется из повестки. Хотя отдельные жесты и высказывания, например возвращение музыки советского гимна в состав государственных символов или заявления о распаде СССР как о «геополитической катастрофе», вызывали оживленную реакцию.

Дискурсивный уход от «советского» в «нулевые» годы в основном можно объяснить двумя обстоятельствами. С одной стороны, осторожностью, стремлением к стабилизации режима и нежеланием поднимать еще горячие и раскалывающие общество темы, а с другой – переносом акцентов в строительстве легитимности нового формирующегося политического режима. В отличие от Ельцина, который укреплял свою легитимность, во многом опираясь на критику советского прошлого, Путин при формировании своего режима избрал для подобной роли прежде всего «1990-е годы». В своих выступлениях Путин не раз выделял «90-е годы» как некий негативный и во многом разрушительный период в жизни страны⁵.

³ Там же.

⁴ Ельцин Б.Н. Заявление. 31.12.1999. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/1999/12/31/0003_type82634_119554.shtml (дата обращения 15.03.2021).

⁵ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения 15.11.2020) и др.

В дальнейшем мем «*лихие 90-е*» прочно вошел не только во властный и пропагандистский, но и в общественный дискурс, а критика этого периода стала важным фактором дискурсивной легитимации путинского режима [Малинова 2018].

В отношении советского периода дискурс власти менялся в направлении его исторического «отдаления». Как отмечали исследователи, в дискурсе власти о «советском *прошлом*» акцент был сделан на втором слове [Россия в поисках 2016, с. 217]. В своем дискурсе и символической политике власть как бы подчеркивала, что «советское» стало «прошлым» и отношение к нему уже не требует столь активного и политизированного обращения с ним в текущей политике.

Дискурсивный перевод «советского» в прошлое открывал путь к его включению в общее пространство исторического дискурса власти о «*великом историческом прошлом России*», который в период первых президентских сроков Путина начал активно формироваться. Это означало выборочное использование отдельных символических элементов из разных эпох прошлого в целях конструирования единого исторического нарратива.

В выступлениях президента среди советских тем наиболее часто стали упоминаться победа в Великой Отечественной войне, достижения культуры и науки советского периода, а также (в негативном смысле) распад СССР. Эти фрагменты наделялись соответствующими смыслами, позволявшими включать их в единый исторический нарратив. Такую форму построения властного исторического дискурса в 2000-х ряд исследователей назвали «*коллажной*» или «*склеенной*» [Малинова, 2015; Sherlock 2016]. Она означала «*коллаж*» («*склейку*») разнородных и даже противоположных смыслов разных дискурсов исторического прошлого (досоветского и советского) без их глубокой исторической проработки и содержательной реинтерпретации.

Эклектическое собирание разнородных смыслов было характерно, например, для появившейся в период второго срока президентства Путина концепции «*суверенной демократии*», которая пыталась объединить концептуально разнородные дискурсы демократии и национально-государственного суверенитета⁶. В период своего президентства Медведев привнес в дискурс власти еще большую фрагментацию и коллажность, пытаясь соединить в политической риторике путинскую «стабилизацию» и выдвинутую

⁶ Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. URL: <https://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148> (дата обращения 15.11.2020).

им в политическую повестку «модернизацию». Во властном дискурсе об историческом прошлом это вызвало определенные сдвиги, включив в него как «*сильное государство*» и «*великие победы*», так и «*модернизации*» прошлого. В отношении советского времени был временно акцентирован его модернизационный смысл. Определяя СССР как «*крупнейший модернизационный проект XX века*», хотя и завершившийся неудачно, Медведев старался легитимировать планы собственной политики модернизаций⁷.

Второй путинский этап (2010-е)

Начало 2010-х гг. и особенно возвращение на пост Президента России Владимира Путина в 2012 г. знаменовало собой начало нового этапа в историческом дискурсе российской власти, включая и презентацию в нем советского прошлого. Властный дискурс в этот период применялся также в более консолидированном, авторитарном и персоналистском политическом контексте, чем раньше.

Важнейшей чертой этого дискурса была ретроспективизация (обращение к опыту истории), которая проявлялась во многих программных текстах. В статье «Россия: национальный вопрос» Путин, например, непосредственно связывает актуальное строительство российской государственности с опытом «исторической России» и ее «единым культурным кодом»⁸. О том же он говорит и в так называемой «Валдайской речи»⁹.

Характер этой риторики исследователи определяют по-разному. Ряд авторов подчеркивают в ней дискурсивный поворот к архаике и анти-модерну, характерных для идеологических схем российской политики XIX – начала XX в. (от николаевской триады «самодержавие – православие – народность» [Hill, Gaddy 2015] до идеологии славянофилов и евразийцев [Eltchaninoff 2018]) и даже еще более архаичной идеологии Московского государства (XVI–XVII вв.) [Абалов, Иноземцев 2020].

Для советского прошлого это означало, что оно встраивалось в исторический дискурс «тысячелетней истории» и ее «духовных

⁷ Медведев Д.А. Россия, вперед! URL: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения 15.11.2020).

⁸ Путин В. Россия: национальный вопрос. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения 15.11.2020).

⁹ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения 15.11.2020).

скреп», традиций и «культурных кодов», подвергаясь соответствующей идейной переработке. На дискурсивном уровне эта задача решалась через критику «идеологии» в советском прошлом и символическое «замещение» ее другим концептуальным содержанием, определяемым *«культурным кодом народа»*, *«государственной идентичностью»* и *«патриотизмом»*. Последним среди прочего дискурсивно атрибутировались глубинные лоялистские свойства – приверженность сильному государству, его суверенитету и готовность идти ради этого на любые жертвы.

С точки зрения методологии критического дискурс-анализа и когнитивной лингвистики [Йоргенсен, Филипс 2008; Chilton 2004; Hart 2015; Methods 2015] средствами этой концептуальной перекодировки советского прошлого выступали структурные реконфигурации концептов, отрицательный фрейминг и обратная перспективизация в ментальном пространстве. С их помощью «советская идеология» дискурсивно вытеснялась из восприятий советского прошлого. А в качестве альтернативы там теми же средствами, но с позитивной коннотацией, закреплялся как более общий и фундаментальный лоялистский концепт «русской идентичности».

В результате этого конструирования проектировалась фрагментация восприятия советского политического прошлого. В нем выделялись правильные периоды, определяемые «идентичностью», и неправильные, определяемые «идеологией». К первым относились Великая Отечественная война и победа, советские достижения в труде, науке, культуре, спорте, а ко вторым – революция и гражданская война, репрессии (как отзвук гражданской войны), перестройка, парад суверенитетов, развал СССР.

Внешнеполитическое наследие СССР в этот период в дискурсе Путина в целом имеет позитивные коннотации. Он изредка упоминает неудачи и слабости советской внешней политики (например, война в Афганистане, разорительная гонка вооружений и др.), но никогда их не акцентирует. Он позитивно презентует советское наследие прежде всего по двум темам: как условие для кооперации на постсоветском пространстве, создающее определенные конкурентные преимущества; как условие относительно устойчивой bipolarности всей мировой системы. Утратив военно-политическую мощь СССР, мировая система стала менее стабильной, поэтому ее восстановление в некоторой новой форме под эгидой России делает мир более стабильным.

Особая тема – наследие победы СССР над фашизмом. Здесь дискурс Путина формирует образ наследника героев, не просто сохранивших стабильность мировой системы, но спасших мир от экзистенциального зла, сохранивших само его существование.

В качестве еще одной темы Путин иногда использует и «прогрессистскую» трактовку советского наследия, имея в виду его влияние на мировой социальный прогресс в XX веке (социальное равноправие, равенство доходов, социальное обеспечение трудящихся и др.).

Советское политическое прошлое, определяемое «*патриотической идентичностью*», включалось не только в исторический нарратив о «*великом прошлом*», но и в тесно связанный с ним через интердискурсивность актуальный политический дискурс. В нем оно получало статус «правильного» прошлого, что способствовало легитимации и восстановлению в актуальной политике действующего режима прежних советских практик идеологического воспитания и контроля, представленных в нем как «*политика гражданской идентичности*». Анализ программ этой политики в области культуры, образования, патриотического воспитания, информации и др., одобренных Путиным, позволяет видеть в них множество сходств с практиками идеологической работы и патриотического воспитания в позднем СССР¹⁰.

В целом исследование дискурса власти в этот период показало, что замена в советском прошлом «идеологии» на дискурсивно противоположную «патриотическую идентичность» является риторической конструкцией по перекодировке и переносу позднесоветских идеологических практик в контекст действующего политического режима для укрепления его легитимности.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Оценка наследия СССР в риторике основных политических акторов современной России» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-00709.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “The Legacy of the USSR in the Rhetoric of the Main Political Actors of Modern Russia”, no. 20-011-00709.

¹⁰ Программа патриотического воспитания граждан РФ на 2016–2020 гг. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420327349> (дата обращения 15.11.2020); Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47324> (дата обращения 15.11.2020).

Литература

- Абалов, Иноземцев 2020 – *Абалов А., Иноземцев В.* Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер, 2020. 426 с.
- Галямина 2016 – *Галямина Ю.Е.* Мы – они: Как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность // Политическая наука. 2016. № 3. С. 152–167.
- Йоргенсен, Филлипс 2008 – *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 624 с.
- Малинова 2015 – *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
- Малинова 2018 – *Малинова О.Ю.* Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 8. С. 45–69.
- Мартьянов 2007 – *Мартьянов В.С.* Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий президента РФ // ПОЛИТЭКС. 2007. № 1. С. 152–179.
- Россия в поисках 2016 – Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
- Символическая политика 2012 – Символическая политика: сборник научных трудов. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. 334 с.
- Chilton 2004 – *Chilton P.* Analysing political discourse. Theory and practice. L.; N.Y.: Routledge, 2004. 226 p.
- Eltchaninoff 2018 – *Eltchaninoff M.* Inside the mind of Vladimir Putin. L.: Oxford Univ. Press., 2018. 288 p.
- Hart 2015 – *Hart C.* Discourse // Handbook of cognitive linguistics / Ed. by E. Dabrowska, D. Divjak. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 322–345.
- Hill, Gaddy 2015 – *Hill F., Gaddy C.G.* Mr. Putin: operative in the Kremlin. Washington: Brookings Institution Press, 2015. 534 p.
- Methods 2015 – Methods of critical discourse studies / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. L.; N.Y.: Sage, 2015. 272 p.
- Sherlock 2016 – *Sherlock T.* Russian politics and the Soviet past. Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // Communist and Post-communist studies. 2016. Vol. 49. Issue 1. P. 45–59.

References

- Abalov, A. and Inozemcev, V. (2020), *Beskonechnaya imperiya: Rossiya v poiskah sebya* [Infinite Empire: Russia in search of itself], Alpina Publisher, Moscow, Russia.
- Chilton, P. (2004), *Analyzing political discourse. Theory and practice*, Routledge, London, New York, UK, USA.
- Eltchaninoff, M. (2018), *Inside the Mind of Vladimir Putin*, Oxford Univ. Press., London, UK.
- Galyamina, Yu.E. (2016), Мы – они: Как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность [We – them. How identity is constructed in Vladimir Putin's discourse in different years], *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 152–167.
- Hart, C. (2015), “Discourse”, in Dabrowska, E. and Divjak, D. (eds.), *Handbook of cognitive linguistics*, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, Germany, USA, pp. 322–345.
- Hill, F. and Gaddy, C.G. (2015), *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*, Brookings Institution Press, Washington, USA.
- Jorgensen, M.V. and Fillips, L.J. (eds.) (2008), *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method], Gumanitarnyi centr, Kharkov, Ukraine.
- Malinova, O.Yu. (2015), *Aktualnoe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Relevant past. Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity], *Politicheskaya enciklopediya*, Moscow, Russia.
- Malinova, O.Yu. (2018), “Justifying the political course of the 2000s and constructing the myth about ‘the hard nineties’ in the Vladimir Putin’s discourse”, *Politicheskaya nauka*, no. 8, pp. 45–69.
- Martyanov, V.S. (2007), “V.V.Putin’s ideology. Conceptualizing the messages of the President of the Russian Federation”, *POLITEKS*, no. 1, pp. 152–179.
- Martyanov, V.S. and Fishman, L.G. (ed.) (2016), *Rossiya v poiskah ideologij: transformaciya cennostnyh reguljatorov sovremennyh obshchestv* [Russia in search of ideologies. The transformation of value regulators of modern societies], *Politicheskaya enciklopediya*, Moscow, Russia.
- Sherlock, T. (2016), “Russian politics and the Soviet past. Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin”, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, issue 1, pp. 45–59.
- Simvolicheskaya politika, Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs* (2012) [Symbolic politics, issue1: Constructing perceptions of the Past as a power resource], INION RAN, Moscow, Russia.
- Wodak, R. and Meyer, M. (eds) (2015), *Methods of critical discourse studies*, Sage, London, New York, UK, USA.

Информация об авторе

Владимир С. Авдонин, доктор политических наук, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; avdoninvla@mail.ru

Information about the author

Vladimir S. Avdonin, Dr. of Sci. (Political Science), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 51/21, Nahimov Av., Moscow, Russia, 117997; avdoninvla@mail.ru

УДК 322(612)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-111-120

Роль ислама в политическом курсе М. Каддафи

Екатерина С. Высочина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vysochinaekaterina@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи власти и религии в Ливии. В ней описаны процесс трансформации ислама под влиянием режима Каддафи в формы политического ислама и исламизма впоследствии, а также связь режима Джамахирии с религиозными группировками.

Ключевые слова: ислам, Ливия, Каддафи, политический ислам, исламизм

Для цитирования: Высочина Е.С. Роль ислама в политическом курсе М. Каддафи // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 111–120. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-111-120

The role of Islam in the political course of M. Gaddafi

Ekaterina S. Vysochina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vysochinaekaterina@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the review of the relationship between power and religion in Libya. The article describes the process of transformation of Islam under the influence of the official regime of Muammar Gaddafi in Libya into the forms of political Islam and Islamism. The relations of the official regime of the Jamahiriya with religious groups at different stages of the development of the state are defined.

Keywords: Islam, Libya, Gaddafi, political Islam, Islamism

For citation: Vysochina, E.V. (2021), "The role of Islam in the political course of M. Gaddafi", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 111–120, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-111-120

© Высочина Е.С., 2021

Великая Социалистическая народная Ливийская Арабская Джамахирия провозглашала уникальность своего государственного строя – Джамахирии – государства народных масс. Национальным праздником в этой стране являлось 1 сентября – День революции 1969 г. (день военного переворота, в результате которого Каддафи пришел к власти в стране, свергнув короля Идриса Ас-Сенуси). Конституция в государстве официально отсутствовала, в основу его политического устройства были положены идеи «Третьей мировой теории» лидера ливийской революции – Муаммара Каддафи, которые изложены в его «Зеленой книге». В свою очередь, «Зеленая книга» в главе «Закон общества» содержит информацию о том, что «подлинным Законом общества является либо обычай, либо религия. Всякая попытка установить Закон общества, минуя эти исходные отправные моменты, неправомерна и нелогична. Конституция не является Законом общества. Конституция – это основной, установленный человеком закон. Этот закон должен иметь источник, который оправдывал бы его существование» [Каддафи 1979, с. 6]. Однако важно заметить, что в данном случае упоминается именно слово «религия», а не «ислам».

Высшей целью Джамахирии являлось достижение социалистического общества, основанного на религиозных и демократических традициях ливийского народа [Бобоев 2001, с. 18]. В рамках этого политического курса был проведен ряд коренных реформ. Среди них: национализация нефтяной промышленности, иностранных банков и компаний, повышение минимума зарплаты, введение бесплатного образования и медицинского обслуживания, ограничение частной собственности на недвижимость.

После свержения королевского режима в 1969 г. лидер ливийской революции взял за основу своей политической деятельности «Национальную хартию» Насера, однако вскоре понял, что данный политический сценарий не подходит для его страны. Тогда Каддафи начал изучать известнейшие труды мировых и арабских ученых и философов для выработки собственной политики. Очевидна была и его отсылка к религии как в его действиях и заявлениях, так и в законодательных документах, которые он выпускал. Муаммар Каддафи вовсе не сужал свои политические планы и моральные устремления до массивной популяризации панарабской идеологии и пропаганды внешнеполитической независимости от европейского влияния. Как ранее упоминалось, лидер революции 1969 г. в Ливии имел смелые и отчасти справедливые амбиции стать коренным реформатором уклада жизни в подвластной ему стране, начиная от социальной и культурной сфер жизни и заканчивая экономикой и внешней политикой. Для реализации фундаментальных идей выс-

шего ливийского руководства религиозный фактор стал одним из ключевых факторов для воздействия на разрозненное и неоднородное ливийское общество, включавшее в себя представителей более чем 100 различных племенных образований.

Одно из первых заявлений временного правительства (Совета революционного командования (СРК) – высшего органа власти Ливийской Арабской Республики с 1 сентября 1969 г.) было посвящено тому, что «СРК глубоко убежден в свободе религии, в моральных ценностях, содержащихся в Коране, и обещает защищать их» [Егорин 2011, с. 14]. Так, правительство берет на себя как роль защитника исламской религии, так и контроль за соблюдением религиозных норм, описанных в священной книге мусульман, в повседневной жизни граждан страны. Полковник Каддафи также считает важным уделить внимание роли религии в «Зеленой книге», своем основном политическом труде, условно игравшем роль конституции страны: «...Каждый народ должен иметь свою религию...» [Каддафи 1979, с. 14]. Хотя в данном контексте нет прямых отсылок к исламу, есть четкое указание на то, что социум не может существовать без наличия религиозной основы. За сорок два года правления Каддафи ислам приобрел важнейшую роль идеологической составляющей в принятии как внутри, так и внешнеполитических решений руководством страны. Поэтому видится вполне справедливым вывод о том, что лидер ливийской революции прибегал к тому, что в современном мире называют термином «политический ислам».

Одной из внутренних политических установок Каддафи было то, что ислам за время его политического лидерства должен был еще более надежно укрепиться на позициях основы социальной жизни страны и ее граждан, общей моральной установки для всего населения Ливии. Этот настрой отразился на законодательстве страны, еще в ранние годы правления полковника на официальном уровне были введены довольно жесткие ограничения, касающиеся общественной и бытовой жизни граждан. Яркими примерами, иллюстрирующими эти запреты, можно считать подкрепленное буквой закона воспрещение спиртного и азартных игровых заведений на всей территории страны. Однако этим не ограничились, также были введены запреты на изучение зарубежных языков в начальных и средних классах школ, более того, и на использование латинского алфавита [Krasno, Pides 2015, p. 217]. Политический ислам, будучи для Каддафи ценным инструментом управления, не мог обойти стороной одну из жизнеобеспечивающих для любого государства отраслей – военную. В начале 1970-х гг. в целях арабизации и политического освоения Сахеля – региона в Северной

Африке южнее Сахары, был создан «Исламский легион». В нем проходили военное обучение жители данной территории, довольно пестрые по этнической принадлежности, именно ислам должен был стать для них фундаментальным элементом объединения.

Знаменательным годом с точки зрения становления ислама как рычага политического управления Ливией стал 1973 год, когда в городе Себха был дан старт культурной революции. В рамках начала всеобъемлющего культурного обновления страны был подписан и принят в оборот ряд официальных документов, в которых была закреплена роль религии. Необходимо выделить ключевые положения данных документов, касающиеся роли религии. В первую очередь, все существующие законы должны были иметь в своей основе шариат, политические движения любого толка, противоречащего официально провозглашенному, не имели права на существование. Также официально признавалась поддержка и продвижение исламской мысли, а на любые неисламские идеи, особенно пришедшие из зарубежных стран, накладывалось жесткое табу [Obeidi 2002, p. 89].

Так, ислам окончательно укрепился в официальном правовом поле Ливии, а действия, совершенные против норм шариата, могли быть рассмотрены как противозаконные.

Сам полковник Каддафи как лидер Ливийской революции, безусловно, имел безукоризненную репутацию правоверного мусульманина. Более того, подчиненный и опьяненный его харизмой ливийский народ восторгался каждый раз, когда становилось известно об очередном выезде Каддафи в пустыню для уединенного прения с Богом, чаще всего это происходило накануне принятия каких-либо важных политических решений. Каддафи не стеснялся вступать в споры с улемами, так как отлично владел знанием Корана и сунны, эти его победы широко транслировались и говорили народу о том, что авторитет и влияние их лидера, подкрепленные знанием религиозной литературы, превосходят даже опыт религиозной элиты [Булаев 2017, с. 82]. Каддафи верил в общечеловеческий масштаб ислама и всячески содействовал его еще большему развитию. К числу же мусульман он относил всех, кто уверовал в Единого бога и его посланников. Именно поэтому он считал иудеев и христиан полноценными приверженцами ислама, что сильно сказывалось на отношении к ним в Ливии, за время правления Каддафи не было ни одного громкого прецедента, связанного с ущемлением прав представителей других конфессий. Хотя, возможно, что сведения о подобных случаях были тщательно скрыты от внешнего мира, учитывая информационную изолированность страны. Стоит сделать оговорку, что в палестино-изра-

ильском конфликте Каддафи был непреклонен и всячески поддерживал сторону своих арабских братьев. Также в ключе арабского национализма Каддафи говорил, что и африканские языческие вероисповедания являются частью ислама.

Каддафи считал, что Коран – единственный источник религиозных догм и, ссылаясь на это, он говорил, что хадж должны совершать не только мусульмане, но и все люди, что Мекка должна быть открыта для всего человечества, а не только для приверженцев ислама. Укрепляя свои позиции среди военных, он ввел специальный отпуск для служащих для совершения хаджа. Каддафи ввел в Ливии календарь, который начинался со дня смерти пророка Мухаммеда. Несмотря на свою приверженность религии, он был далеко не фанатиком. В первую очередь он считал себя гражданином своей страны и только потом членом общины. Также официально он был категорически против привнесения религии в политику, потому что считал, что повсеместно религию использовали как предлог для войн, разрушений. Кроме того, Каддафи выступал против религиозной дискриминации, потому что это нарушало права человека.

Такое отношение к религии вызывало негативную реакцию у последователей традиционного ислама. М. Каддафи был тем, для кого мирские блага уходили на второй план перед идеей. Главная идея его теории состоит в необходимости установить «подлинное народовластие», которое избавит человечество от всех проблем [Булаев 2017, с. 83]. Глядя на западные державы, Каддафи говорил о том, что Запад идет не по учению Христа¹. Дабы уберечь от ложного вектора своих африканских братьев, на международной арене он активно выступал за арабское единство и создание Африканского союза, основанного, в том числе, на религиозном единстве. Африку он видел как богатую нефтью жертву, раздираемую могучими соперниками, поэтому такой союз виделся необходимым для защиты независимости, интересов и ресурсов стран третьего мира. По «третьей мировой теории», существует два фактора, определяющих течение мирового прогресса, первый – национальность, второй – религия.

По мнению полковника, роль религии настолько значительна, что она может расколоть единую, состоявшуюся нацию, но в то же время ее силы будет достаточно, чтобы сплотить целые страны. Однако полковник понимал опасность данной идеи, и роль религии

¹ *Подцероб А.Б.* Каддафи, каким я его знал // *Международная жизнь*. 2012. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/742> (дата обращения 25.06.2021).

никогда не была абсолютной на фоне мощного в его стране племенного фактора и силы первичного обладателя власти – народа.

В постулатах «третьей мировой теории» Каддафи, безусловно, присутствует сильное влияние ислама. Говоря об этом, необходимо упомянуть жесткое подавление любых партийных политических образований, в том числе и «Братьев-мусульман». Осуждая терроризм, сторонники «третьей теории» не меньше осуждали и породившие его явления: гнет, жестокость, насилие, несправедливость, унижение и т. д. Касательно джихада, он признавался в качестве самой крайней меры, призванной уберечь правоверных от внешних нападков сионистов и империалистов-захватчиков. При этом призыв к священной войне признается только в случае, если он исходит от самого народа, а произойти это может только лишь при адекватной работе народных комитетов, как этого и требует «третья мировая теория» полковника Каддафи. Так джихад утрачивает значение войны и агрессивного нападения и приобретает, скорее, значение защиты от внешнего врага.

Радикальной перестройке подверглась политическая жизнь страны, и в этих переменах наблюдаются черты, отсылающие к исламу. Система прямого народовластия в своем идеальном состоянии с полным контролем людей над внешней и внутренней деятельностью государства берет свое начало из привычной в арабском мире уммы – общины, имеющей религиозную основу объединения своих членов. Заключение уммы считалось безоговорочно верным и не подлежало оспариванию. Каддафи в данном ключе часто цитировал строки Корана, а именно 38 аят 42 суры, гласящий: «Вы должны держать совет друг с другом». Внутренней политике Каддафи были присущи черты социализма, радикальной демократии, которая приобрела уникальную и единственную во всем мире политическую форму – Джамахирия. Ислам выступал в этом фундаментом общественных взаимоотношений. В то же время, как уже упоминалось ранее, отношение к оппозиции, часто также имеющей исламско-политический характер, всегда было безусловно жестким. Это иллюстрирует история двух ныне влиятельных в Ливии политических сил – движения «Братья-мусульмане» и Ливийской исламской группы.

Свержение полковником Каддафи сенуситского короля Идриса, поддерживавшего ливийских «Братьев-мусульман», означало для них конец легальной деятельности в стране и начало мощной волны политических гонений. «Братья-мусульмане» ушли за пределы страны и продолжали деятельность в своей организации лишь за границей. Но и это не всегда спасало их от расправы. Так, в 1989 г. спецслужбы Ливии раскрыли заговор «Братьев-

мусульман», в итоге этой операции 150 членов организации были заключены в тюрьму [Freidrich Ebert Foundation 2015].

Однако невозможно отрицать общности политических замыслов Каддафи и «Братьев», среди них: объединение всех арабских ближневосточных государств, уничтожение Израиля, противостояние «неверным» и западному колониализму, перестройка общественных отношений в исламском мире. Но общность целей не подразумевала идентичности методов и средств их достижений. Основным различием идеи Каддафи и «Братьев» была приверженность первого к идеям панарабизма, а вторых – к идеям панисламизма.

Более агрессивная и военизированная оппозиция, Ливийское исламское движение, представители которого были обнаружены в ходе подготовки провалившегося покушения на полковника, также были признаны «еретиками», и на них тоже открылись серьезные гонения. Часто прибегая к благородной цели, состоящей в защите ислама, режим Каддафи был беспощаден к любым оппонентам, делавших попытки выступать с религиозных позиций.

Религиозный отпечаток наложился и на внешнюю политику Ливии. В 1970–1980-е гг. Ливия оказывала финансовую поддержку религиозным движениям по всему миру. Помимо денежных средств, страна под руководством Каддафи также предоставляла оружие и тренировочные базы для иностранных религиозных организаций, угодных режиму и провозглашающих себя исламскими. Среди таковых: Канакское мусульманское движение Малайзии, «Исламский освободительный фронт Моро», действовавший на южных Филиппинах [Simons 1993, p. 105], Нация Ислама и движение черных мусульман (США) [Arnold 1998, с. 95], Фронт освобождения Эритреи и ряд других. Наиболее ярким примером военного выступления Ливии под исламскими лозунгами можно считать вооруженный конфликт с Чадом. Под сильным влиянием политической концепции «исламского социализма» Каддафи находился «Объединенный революционный фронт» государства Сьерра-Леоне². Муаммар Каддафи сотрудничал и с признанным в ряде стран террористическим угандийским режимом диктатора Иди Амина. Для него ислам также выступал объединяющим идеологическим элементом борьбы за национальную свободу.

До того момента, пока госаппарат, революционные комитеты и спецслужбы играли свою роль в контроле над ситуацией в стране и в умах граждан, внутривластная обстановка в Ливии была

² *Gastil R.D.* Freedom in the World. The annual survey of political rights & civil liberties 1996–1997 // Freedom House Survey Team. Collection / Ed. by R. Kaplan, G. Szamuely. N.Y., 1997. P. 73.

благополучной. Особое значение в этом плане имела, хоть и окрашенная в «зеленые» тона, но пропаганда «третьей мировой теории», что создавало у низов иллюзию народовластия. Тем не менее даже задолго до гражданской войны и свержения Каддафи в 2011 г. религиозно-идейное волнение чувствовалось в обществе, с этим пришла и возможность активности представителей религиозных группировок. Это обуславливается, в том числе, ориентированным на религию, традиционным образом жизни, который вели ливийцы.

Так в Ливии образовалась плодородная почва для исламизма, на распространение которого оказали влияние также и внешние факторы:

- резкое повсеместное вторжение западного образа жизни, подавление традиционной культуры на фоне еще не забытых событий колониальных войн делают ислам символом чувства национального единства, патриотизма, любви и верности Родине;
- экономические трудности, истоками которых принято считать санкции, введенные США против Ливии;
- разочарование в системе «социалистической» Джамахирии при частичном неприятии капитализма. Все это привело к образованию идеологического и политического вакуума, который заполнили исламисты;
- сильная ориентация на СССР, после распада которого на время усложнились поставки оружия спецслужбам Ливии, а также пропал баланс мировых полюсов, стала еще сильнее после трагедии в Локерби, закрепив за Ливией статус изгоя;
- бомбардировки США и поддерживающих их линию стран политически отверженных представителей ближневосточного региона, в состав которых входит Иран, Ирак, Судан и Ливия. Жертвами данных налетов стали десятки тысяч мирных мусульман, что вызвало моментальную ответную реакцию и привело к снятию моральных запретов на насилие, которое выступило единственным действенным методом сопротивления [Подцероб 2009, с. 105];
- отсутствие внешней силы в поддержку государственного строя и несостоятельность армии действовавшего режима дают исламистам возможность существовать на территории страны.

В заключение необходимо сказать, что мусульманская религия в Ливии всегда имела большое значение, при сенуситах она стала государствообразующим фактором, при Каддафи – основой революционного движения, после свержения полковника – сильнейшей пропагандистским методом для террористов.

Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-31-27001.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-31-27001.

Литература

- Бобоев 2001 – *Бобоев Ш.М.* Джамахирия – государство масс народа! М.: Глобус, 2001. 136 с.
- Булаев 2017 – *Булаев О.О.* Ислам в политике ливийского лидера Муаммара Каддафи (1970–1980-е гг.) // *Локус*. 2017. № 2. С. 81–84.
- Егорин 2011 – *Егорин А.З.* Неизвестный Каддафи: братский вождь. М., 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/52661> (дата обращения 25.10.2019).
- Каддафи 1979 – *Каддафи М.* Зеленая книга. Триполи, 1979. 159 с.
- Подцероб 2009 – *Подцероб А.Б.* Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба. М.: ИВ РАН, 2009. 211 с.
- Arnold 1998 – *Arnold G.* The Maverick state. Gaddafi and the New World order [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/24907281?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 25.10.2019).
- Friedrich Ebert Foundation 2015 – Islamist movements in Libya. Chances and challenges of political power [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fes.org.ma/comm/pdf/FES%20Libya%20English%20DEF.pdf> (дата обращения 25.10.2019).
- Krasno, Pides 2015 – *Krasno J., La Pides S.* Personality, political leadership, and decision making. A global perspective. Santa-Barbara, CA, 2015. 449 p.
- Simons 1993 – *Simons G.S.* Libya. The struggle for survival. N.Y., 1993. 396 p.
- Obeidi 2002 – *Obeidi Amal S.M.* Political culture in Libya. UK: Routledge, 2005. 292 p.

References

- Arnold, G. (1998), *The Maverick state. Gaddafi and the New World Order*, available at: https://www.jstor.org/stable/24907281?seq=1#page_scan_tab_contents (Accessed 25.10.2019).
- Boboyev, Sh.M. (2001), *Jamahiriyā – gosudarstvo mass naroda!* [Jamahiriyā – state of people's masses!], Globus, Moscow, Russia.

- Bulayev, O.O. (2017), "Islam in politics of Libyan leader Muammar Qaddafi (1970s – 1980s)", *Locus*, no. 2, pp. 81–84.
- Islamist Movements in Libya. Chances and challenges of political power. Freidrich Ebert Foundation, available at: <http://www.fes.org.ma/common/pdf/FES%20Libya%20English%20DEF.pdf> (Accessed 25.10.2019).
- Krasno J. and La Pides, S. (2015), *Personality, political leadership, and decision making. A global perspective*, Santa-Barbara, CA, USA.
- Obeidi Amal, S.M. (2002), *Political culture in Libya*, Routledge, UK.
- Podsterob, A.B. (2009), *Islam vo vnutrennej i vneshnej politike stran Magriba* [Islam in domestic and foreign policy of Maghreb states], Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.
- Qaddafi, M. (1979), *Zelenaya kniga* [Green book], Tripoli, Libya.
- Simons, G.S. (1993), *Libya. The struggle for survival*, N.Y., USA.
- Yegorin, A.Z. (2011), *Neizvestniy Kaddafi: bratstiy vozhd* [Unknown Qaddafi: brotherly leader], available at: <https://biography.wikireading.ru/52661> (Accessed 25.10.2019).

Информация об авторе

Екатерина С. Высочина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vysochinaekaterina@gmail.com

Information about the author

Ekaterina S. Vysochina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; vysochinaekaterina@gmail.com

Институциональный аспект
государственно-конфессиональных отношений
современной Украины

Сергей П. Донцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dontsev@gmail.com*

Аннотация. В статье проведен анализ эволюции и структуры институциональной составляющей государственно-конфессиональных отношений современной Украины. Показаны предпосылки формирования государственного органа по делам религий на Украине, связанные со спецификой работы Совета по делам религий при республиканском Совете Министров. Анализируются особенности функционирования государственного органа по делам религий в качестве отдельного самостоятельного института, а также в более низком статусе в формате департамента, находящегося в структуре профильного министерства. Показана зависимость статуса государственного органа по делам религий и его функциональных полномочий от приоритетов в сфере религиозной политики президентов Украины и этапов обострения межконфессиональных противоречий. Особое внимание уделено анализу образованной в 2019 г. Государственной службы по этнополитике и свободе совести. Анализируются цели, задачи, сервисные и регулятивные функции, полномочия данной Службы, перспективы ее деполитизации. Делается вывод о том, что модель государственно-конфессиональных отношений на Украине все еще остается не сформированной и переживает очередной этап возвращения к формату существования специализированного института, курирующего религиозную сферу, который не сможет быть свободен от влияния политических факторов.

Ключевые слова: Совет по делам религий, Государственный комитет Украины по делам религий, Государственный комитет по делам национальностей и религий Украины, Государственная служба по этнополитике и свободе совести, государственно-конфессиональные отношения, религиозная политика

Для цитирования: Донцев С.П. Институциональный аспект государственно-конфессиональных отношений современной Украины // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 121–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-121-133

Institutional aspect of state-religious relations in modern Ukraine

Sergei P. Dontsev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dontsev@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the evolution and structure of the institutional component of state-religious relations in modern Ukraine. The article shows the prerequisites for the formation of the Government Agency for Religious Affairs in Ukraine, which are related to the specifics of the work of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the Ukrainian SSR. The article analyzes the features of the functioning of the Government Agency for Religious Affairs as a separate institution, as well as in the lower format of a department in the structure of a specialized ministry. The article shows the dependence of the status of the Government Agency for Religious Affairs and its functional powers on the priorities in the sphere of religious policy of the Presidents of Ukraine and the stages of aggravation of inter-confessional contradictions. Special attention is paid to the analysis of the State Service of Ukraine for Ethnopolitics and Freedom of Conscience, formed in 2019. The article analyzes the goals, objectives, service and regulatory functions and powers of that Service, and the prospects for its depoliticizing. It is concluded that the model of state-confessional relations in Ukraine is still not formed and is going through another stage of returning to the format of the existence of a specialized institution in charge of the religious sphere, which will not be free from the influence of political factors.

Keywords: The Council for Religious Affairs, the State Committee for Religious Affairs of Ukraine, the State Committee for Nationalities and Religions of Ukraine, the State Service of Ukraine for Ethnopolitics and Freedom of Conscience, state-religious relations, religious policy

For citation: Dontsev, S.P. (2021), "Institutional aspect of state-religious relations in modern Ukraine", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 121–133, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-121-133

Введение

Начиная с момента обретения независимости религия остается важным фактором украинской политики. Религиозные организации стали значимыми социальными институтами, религиозный фактор стал активно использоваться в политической борьбе, активно был

задействован в процессах строительства нации, в политической мобилизации и социализации населения. Однако управление государственно-конфессиональными отношениями на Украине далеко от совершенства. Одной из ключевых проблем в этой области являются постоянные изменения их институциональных оснований. Можно сказать, что модель этих отношений так и остается до конца не сформированной, институты находятся в состоянии перманентной трансформации, меняя свое содержание и функции. Об указанной проблеме свидетельствует хотя бы тот факт, что за 30 лет независимости Украины восемь раз изменялось название государственного органа по делам религий, менялись его функциональные полномочия и возможности влиять на разработку и формирование государственной политики в сфере взаимодействия с религиозными организациями.

Настоящая публикация посвящена анализу ключевого аспекта институционализации государственно-конфессиональных отношений на Украине, связанного с формированием и эволюцией государственного органа по делам религий. Его наличие предусмотрено ст. 30 действующего с 1991 г. Закона «О свободе совести и религиозных организаций», в котором говорится о наличии Центрального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере религии, там же перечисляются и основные направления его работы¹.

Отдельные аспекты институциональной составляющей государственно-конфессиональных отношений на Украине затрагивались в работах С. Здиорука [Здіорук 2005], С. Деркача [Деркач 2009], А. Киридона [Киридон 2011] и др. Непосредственному изучению предпосылок формирования и работы специализированного государственного органа, регулирующего религиозную сферу, посвящены ряд работ украинских исследователей: Л. Владиченко [Владиченко 2007, 2010], О. Киричук [Киричук 2007], У. Хаваривского [Хаварівський 2010]. Однако большинство работ при этом посвящено изучению преимущественно исторических предпосылок его формирования, его правового статуса, структуры и вытекающих из этого полномочий, при этом остаются не до конца изученными вопросы влияния политического контекста на работу этого органа. Также пока остается неизученным последний этап эволюции этого органа, связанный с формированием Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести.

¹ Закон України «Про свободу совісті та релігійні організації» // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1991. № 25. Ст. 283 [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/987-12?lang=ru#Text> (дата обращения 20.05.2021).

Предпосылки формирования и эволюция государственного органа по делам религий

Реальные полномочия и возможности государственного органа по делам религий влиять на государственную религиозную политику существенно изменялись. И здесь многое зависело от соотношения политических сил, которые определяли направления государственной политики в сфере культуры, идеологии, строительства нации, политики памяти и т. д. Ключевыми акторами здесь являлись президенты Украины, которые могли использовать религиозный фактор в своих избирательных кампаниях, собственной легитимации, поддержке своих внутри- и внешнеполитических инициатив и, соответственно, на основе своего видения принципов управления государственно-конфессиональными отношениями реализовывать те или иные трансформации в институциональной сфере.

Важной спецификой институционализации государственно-конфессиональных отношений на Украине является факт не ликвидации, а постепенной трансформации советских институтов управления религиозной сферой. Как известно, предпринятый Сталиным во время Великой Отечественной войны разворот в отношении религии потребовал создания соответствующих институтов – Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР [Шкаровский 1999], которые в 1965 г. были объединены в Совет по делам религий при Совете Министров, но при этом он тесно взаимодействовал и с идеологическим отделом ЦК КПСС, и с КГБ СССР. Вопросам религии на Украине в работе Совета уделялось особое внимание: в 1966 г. был создан аппарат Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Украинской ССР, а в 1974 г. в УССР был образован собственный самостоятельный Совет по делам религий при республиканском Совете Министров. Характерно, что до начала 1990-х гг. только в двух союзных республиках существовали отдельные Советы (второй был образован в Армянской ССР). Аналогичный Совет в РСФСР, созданный в начале 1990-х гг., просуществовал около года и был ликвидирован. В целом и Союзный совет, и республиканские Советы к началу 90-х годов стремительно теряли свои контролирующие и распорядительные функции, которые замещались исключительно надзорными функциями, связанными с контролем за соблюдением советского законодательства (вехой здесь стало принятие нового Положения о союзном Совете 26 апреля 1991 г.). Однако если Со-

юзный совет и Совет РСФСР в конце 1991 г. были ликвидированы и в России государственно-конфессиональные отношения стали строиться в отсутствие единого органа, отвечающего за государственную политику в религиозной сфере, то на Украине ситуация оказалась принципиально иной – Совет продолжил свою работу и в последующем, меняя названия и полномочия, переходя из подчинения одного ведомства в другое, тем не менее сохранился в качестве основного института обеспечивающего реализацию государственной политики в религиозной сфере.

Возможно, одной из основных причин сохранения Совета были более тесные взаимосвязи между партийными и религиозными элитами (в первую очередь со священноначалием украинского экзархата РПЦ), у которых были общие интересы и задачи, связанные с противодействием возрождению греко-католической церкви в западных областях Украины и автокефалистскими движениями внутри украинского православия. Как отмечает И. Белякова, и Союзный совет, и партийные элиты на местах считали необходимым усиливать Православную Церковь на Украине для противодействия греко-католикам (особенно в Западных областях Украины) [Белякова 2011, с. 299–300].

Подобный тактический союз мог сохраняться и в период перехода Украины к независимости, но, главное, что он сформировал устойчивую традицию курирования, а порой и прямого вмешательства власти в сугубо религиозную сферу, в непосредственную деятельность религиозных организаций. И если в России вслед за демонтажем союзных институтов управления религией и не успевших полноценно сформироваться аналогичных республиканских страна вошла в состояние практически не управляемого свободного религиозного рынка с постепенным формированием фактически «с нуля» институциональной инфраструктуры государственно-конфессиональных взаимодействий [Донцев 2008, с. 35–63], то на Украине первичная, сохранившаяся с советского периода, институциональная структура не подвергалась демонтажу и заложила возможности использования религиозного фактора государственной властью.

Острое обострение межконфессиональных противостояний в первое десятилетие независимости Украины, участниками которых стали ведущие христианские конфессии: Греко-католическая церковь (ГКЦ), Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), появившаяся в результате раскола Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и сохранившая единство с РПЦ Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП) [Петрушко 1998; Фролов

2011] – способствовали тому, что на Совет стали возлагаться, помимо регистрации религиозных объединений и мониторинга религиозной сферы, также и посреднические функции по налаживанию межрелигиозной коммуникации. Кроме того, в условиях острых имущественных конфликтов между противоборствующими сторонами по поводу культовых сооружений возрастала роль посредника, арбитра со стороны государства, от лица которого выступал Совет, что только увеличивало его субъектность в государственно-конфессиональных отношениях. После же того, как президентом Украины Л. Кравчуком был впервые сформулирован государственный курс на поддержку движения по созданию единой поместной украинской церкви, именно центральный государственный орган по делам религии стал его реализовывать. Соответственно, когда этот сюжет актуализировался (во время президентства Л. Кравчука, В. Ющенко, П. Порошенко), данный орган, как бы он ни назывался и в чьем бы административном подчинении ни находился, начинал реализовывать данные функции и его полномочия расширялись, когда же этот курс ослабевал (во время президентства Л. Кучмы, В. Януковича), то и полномочия его сужались.

На рубеже XX – начала XXI в. орган имел различные названия и варианты ведомственного подчинения (периоды функционирования данного органа под различными названиями, см. таблицу). По поводу дат, указанных в таблице, необходимо дать пояснения, что после формальной ликвидации того или иного института или передачи его полномочий иному ведомству процесс реорганизации мог затягиваться на достаточно долгий период. Например, после ликвидации Государственного комитета по делам национальностей и религий Украины в 2010 г. и передачи его функций Министерству культуры Украины соответствующий департамент в структуре министерства был образован только через год. Как видно из таблицы, фактически было два варианта существования государственного органа по делам религии – в качестве отдельного самостоятельного института (под названиями Совет по делам религий, Государственный комитет Украины по делам религий, Государственный комитет по делам национальностей и религий Украины, Государственная служба по этнополитике и свободе совести, а также чуть более года в формате отдельного Министерства по делам национальностей, миграции и культов) и в более низком статусе – в формате департамента, находящегося в структуре министерства более широкого профиля: юстиции или культуры.

Государственная служба Украины по этнополитике и свободе совести

Представляется необходимым более детально остановиться на последних значимых изменениях в институциональной структуре государственно-конфессиональных отношений, которые произошли летом 2019 г., когда Кабмин Украины одобрил проект постановления «Об образовании Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести»². Ранее, 16 мая 2019 г., Всеукраинский совет Церквей и религиозных организаций Украины на совещании с вице-премьером П. Розенко обсудили и одобрили инициативу по его созданию, т. е. согласие крупнейших религиозных организаций было получено. Таким образом, вновь был сформирован отдельный, центральный орган исполнительной власти, полномочия которого связаны с вопросами регулирования религиозной сферы. Координацию работы новой Государственной службы осуществляет Кабинет министров через министра культуры. С осени 2020 г. Службе переданы профильные функции Министерства культуры и информационной политики Украины. В структуре Службы создано четыре отдела, один из которых отвечает за сотрудничество с религиозными сообществами. На первом этапе, в 2020 и 2021 гг., будет работать только центральный офис Службы, но затем будут создаваться и региональные представительства для реализации государственной политики на региональном уровне³. Сам конкурс на замещение должности главы Госслужбы оказался исключительно политизированным и получил широкий резонанс в СМИ. За каждым из финалистов видели определенные группы, однако победителем стала достаточно нейтральная фигура – Е. Богдан, постоянно подчеркивающая отсутствие каких-либо обязательств ни перед одной группой влияния и отказывающаяся публично говорить о своих религиозных убеждениях. Хотя, безусловно, об абсолютной политической нейтральности в украинском контексте речи не может быть (и это признает руководитель службы⁴) в силу

² Уряд схвалив утворення Державної служби України з етнополітики та свободи совісті / Кабінет Міністрів України (kmu.gov.ua). URL: <https://www.kmu.gov.ua/news/uryad-shvaliv-utvorennya-derzhavnoyi-sluzhbi-ukrayini-z-etnopolitiki-ta-svobodi-sovisti> (дата обращения 20.05.2021).

³ Государственная служба Украины по этнополитике и свободе совести // Статус и функции [Электронный ресурс]. URL: <https://dess.gov.ua/status-and-functions/> (дата обращения 20.05.2021).

⁴ Бути суб'єктом змін, а не спостерігачем: перше інтерв'ю з Оленою Богдан після перемоги в конкурсі на голову Держетнополітики / Релігійно-

конституционного закрепления евроатлантического курса Украины, предполагающего определенную ценностную составляющую. Тем не менее о деполитизации данного органа говорилось немало. Однако показателен комментарий занимавшего в тот момент должность главы Департамента по делам религий и национальностей Минкульта Украины А. Юраша, который активно содействовал созданию нового органа, рассчитывая занять в нем руководящую позицию (о чем свидетельствует его попытка участвовать в конкурсе на должность). Так, называя нахождение института, выполняющего функции регулятора государственно-конфессиональных отношений, в составе Минкульта «вавилонским пленом», ссылаясь на резолюцию Совета Европы 2013 г., рекомендующую возобновить деятельность подобного органа, отмечая, что все религиозные организации – члены ВСЦИРО – поддержали данную инициативу, чиновник тем не менее отметил что УМЦ МП пыталась остановить этот процесс, что «логика православных, которые и дальше хотят оставаться в подчинении Москвы», исходит из того, что раз в России нет аналогичного органа и его функции де-факто выполняет РПЦ, то и на Украине не должно быть структур, являющихся «гарантом и символом государственной политики беспристрастности и реальной религиозной свободы!»⁵. Не менее показателен и комментарий министра культуры и информационной политики Е. Нищука на официальном государственном портале Украины, который, в очередной раз обвинив Россию в попытке использовать религиозный фактор в разрушении территориальной целостности государства, «раздувании конфликтов» и формировании «линий раскола между различными этническими и религиозными сообществами», выразил убеждение, что новая Государственная служба станет эффективным инструментом государственного регулирования в сферах межнациональных отношений и свободы совести»⁶. Явно политизированные коммен-

Інформаційна Служба України [Електронний ресурс]. URL: https://risu.ua/buti-sub-yeptom-zmin-a-ne-sposterigachem-pershe-interv-yu-z-olenoyu-bogdan-pislya-peremogi-v-konkursi-na-golovu-derzhzhetnopolitiki_n102777 (дата обращения 20.05.2021).

⁵ Andrii Yurashison Facebook. 18.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=115711839646476&id=100036229807988 (дата обращения 20.05.2021).

⁶ Уряд схвалив утворення Державної служби України з етнополітики та свободи совісті / Кабінет Міністрів України [Электронный ресурс]. URL: www.kmu.gov.ua/news/uryad-shvaliv-utvorenyya-derzhavnoyi-sluzhbi-ukrayini-z-etnopolitiki-ta-svobodi-sovisti (дата обращения 20.05.2021).

тарию двух ведущих государственных чиновников, отвечающих за формирование и реализацию государственной политики в сфере религии, идут вразрез с декларируемым тезисом о неполитическом характере вновь создаваемой службы.

Признавая, что работа государственных служб в сфере религии зависит от политических пертурбаций, которые влекут кадровые изменения, тем не менее была поставлена задача вывести эти службы из-под такой уязвимости, зависимости от политического влияния, деполитизировать эту службу. Как заявила Е. Богдан, идея заключается в создании стабильных экспертных центральных органов исполнительной власти, которые реализуют политику, в то время как профильное министерство возьмет на себя удар политических решений и их лоббирование⁷. Что же изменилось в новом институте по сравнению с предыдущими? Во-первых, было задекларировано разделение институтов, формирующих и реализующих политику в сфере религии. Служба является органом исполнительной власти, который обеспечивает именно реализацию государственной политики в сфере религии. Это его основная задача. За формирование же политики отвечают в меру своих компетенций президент, Верховная Рада, Кабинет Министров в целом и Министерство культуры и информационной политики. В то же время у службы остается возможность влиять на формирование государственной религиозной политики. Ей предоставлено право вносить на рассмотрение Министра культуры и информационной политики предложения по формированию государственной политики в данной сфере⁸.

Что же касается полномочий службы, то среди них выделяются мониторинговая, аналитическая, медиационная и просветительская, а также функции регистрации религиозных объединений и функция, связанная с выдачей разрешения на миссионерскую деятельность иностранных граждан. Политическое значение может проявлять функция медиации, т. е. формирование площадки для диалога между противостоящими друг другу религиозными организациями. Однако наибольший конфликтный потенциал и политическое значение в современных условиях приобретают

⁷ Очільниця Держагентства з етнополітики та свободи совісті Олена Богдан: «Наш конкурс дуже політизували» // LB.ua [Электронный ресурс]. URL: https://lb.ua/society/2020/03/05/451799_ochilnitsya_derzhsluzhbi_z_etnopolitiki.html (дата обращения 20.05.2021).

⁸ Государственная служба Украины по этнополитике и свободе совести // О службе [Электронный ресурс]. URL: <https://dessa.gov.ua/status-and-functions/> (дата обращения 20.05.2021).

функции регистрации и перерегистрации религиозных объединений. Да, задумано серьезное упрощение данной процедуры. Руководитель Службы делает акцент на «прозрачности и понятности критериев, адекватности сроков рассмотрения, если община подала надлежащие документы», подчеркиваются именно сервисные функции службы⁹, но вопрос перехода общин православных церквей из одной юрисдикции в другую сегодня также предельно политизирован и конфликтен, особенно в ситуациях, когда часть прихода желает перехода в новообразованную Православную церковь Украины (ПЦУ), а часть – нет. Если в сегодняшних условиях государство заинтересовано в выдавливании РПЦ МП из общественного пространства Украины и готово поддерживать ПЦУ, то создание специального органа, который способствует упрощению этого перехода, играющего на руку одной из религиозных организаций, позволяет рассматривать его как потенциально политически ангажированный. В этих условиях полномочия органа регистрации требуют от него предельной объективности. Будет ли он выполнять исключительно сервисную функцию, как декларируется, или с его помощью будет осуществляться давление на религиозные общины и обеспечиваться преференция тем из них, что поддерживаются государством – этот вопрос остается открытым. В любом случае новая институциональная трансформация государственно-конфессиональных отношений на Украине свидетельствует, что их модель все еще остается несформированной и переживает очередной этап возвращения к формату существования отдельного специализированного института, курирующего религиозную сферу.

⁹ Бути суб'єктом змін, а не спостерігачем: перше інтерв'ю з Оленою Богдан після перемоги в конкурсі на голову Держетнополітики // Релігійно-інформаційна служба України [Електронний ресурс]. URL: https://risu.ua/buti-sub-yektom-zmin-a-ne-sposterigachem-pershe-interv-yu-z-olenoyu-bogdan-pislya-peremogi-v-konkursi-na-golovu-derzhethnopolitiki_n102777 (дата обращения 20.05.2021).

Эволюция государственного органа
по делам религии Украины

<i>Название государственного органа</i>	<i>Период работы</i>
Совет по делам религий при Кабинете Министров УССР	1974 – 02.03.1992
Совет по делам религий при Кабинете Министров Украины	02.03.1992 – 25.07.1994
Министерство Украины по делам национальностей, миграции и культов	25.07.1994 – 11.10.1995
Государственный комитет Украины по делам религий	11.10.1995 – 20.04.2005
Государственный департамент по делам религий Министерства юстиции Украины	26.05.2005 – 08.11.2006
Государственный комитет по делам национальностей и религий Украины	08.11.2006 – 09.12.2010
Министерство культуры Украины (Департамент по делам религий и национальностей)	09.12.2010 – 12.06.2019
Государственная служба Украины по этнополитике и свободе совести	12.06.2019 – по настоящее время

Литература

- Белякова 2011 – *Белякова Н.А.* Религиозная политика в западных республиках позднего СССР: центр и регионы (на примере Украины) // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 291–313.
- Владиченко 2010 – *Владиченко Л.* Державний орган у справах релігій в Україні періоду Радянського Союзу (1919–1991) // Історія релігій в Україні: науковий щорічник. Львів: Львівський музей історії релігії; вид-во «Логос», 2010. Кн. 1. С. 246–254.
- Владиченко 2007 – *Владиченко Л.Д.* Етапи розвитку державного органу у справах релігій в Україні (XX–XXI ст.) // Пріоритети державної політики в галузі свободи совісті: шляхи реалізації: Зб. наук. матеріалів / Редкол.: В. Андрущенко ін. Київ: Вид-во «Світ знань», 2007. С. 47–58.
- Деркач 2009 – *Деркач А.Л.* Государственно-церковные отношения. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2009. 320 с.

- Донцев 2008 – *Донцев С.П.* Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ, 2014. 230 с.
- Здіорук 2005 – *Здіорук С.* Суспільно-релігійні відносини: виклики Україні XXI століття. Київ: Знання України, 2005. 552 с.
- Киридон 2011 – *Киридон А.М.* Держава – Церква – Суспільство: інверсна трансформація в Україні. Київ: КСУ, 2011. 216 с.
- Киричук 2007 – *Киричук О.* Організація системи державного управління релігійними справами в Україні протягом 2005–2006 років // Історія релігій в Україні: Наук. щорічн. Львів: Логос, 2007. Кн. 2. С. 394–404.
- Петрушко* 1998 – *Петрушко В.И.* Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период: 1989–1997. М.: Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-т, 1998. 254 с.
- Фролов 2011 – *Фролов К.А.* Украина: выбор веры, выбор судьбы: Двадцать лет независимости Украины – двадцать лет борьбы за единство Русской Церкви. СПб.: Алетея, 2011. 231 с.
- Хаварівський 2010 – *Хаварівський У.* Державний орган у справах релігій (1991–2010 рр.) // Історія релігій в Україні: науковий щорічник / Упоряд. О. Киричук, М. Омельчук, І. Орлевич. Львів: Львівський музей історії релігії; вид-во «Логос», 2010. Кн. 2. С. 200–210.
- Шкаровский 1999 – *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. 400 с.

References

- Belyakova, N.A. (2011), “Religious Policy in the Western Republics of the Late USSR: the Center and regions (on the example of Ukraine)”, *Peterburgskie issledovaniya*, no. 3, pp. 291–313.
- Derkach, A.L. (2009), *Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya* [State-Church relations], Izdatel'skij otдел Ukrainskoj Pravoslavnoj Cerkvi, Kiev, Ukraine.
- Dontsev, S.P. (2014), *Russkaya pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo na rubezhe XX–XXI vv.: problemy vzaimodejstviya* [The Russian Orthodox Church and the state at the turn of the 20th–21st centuries. Issues of interaction], RGGU, Moscow, Russia.
- Frolov, K.A. (2011), *Ukraina: vybor very, vybor sud'by. Dvadcat' let nezavisimosti Ukrainy – dvadcat' let bor'by za edinstvo Russkoj Cerkvi* [Ukraine. The choice of faith, the choice of fate. Twenty years of Ukraine's independence – twenty years of struggle for the unity of the Russian Church], *Aletejya*, Saint-Petersburg, Russia.
- Khavariivskii, U. (2010), “Government agency for religious affairs (1991–2010)”, in *Istoriia religii v Ukraini: naukovyi shchorichnik, kniga 2*, [History of religions in Ukraine. Scientific yearbook. Book 2] Lohos, Lviv, Ukraine.
- Kyrydon, A.M. (2011), *Derzhava – Tserkva – Suspilstvo: inwersna transformatsiia v Ukraini* [State – Church – Society: inverse transformation in Ukraine], KСУ, Kiev, Ukraine.

- Kyrychuk, O. (2007), "Organization of the system of state management of religious affairs in Ukraine during 2005–2006", in *Istoriia religii v Ukraini: naukovyi shchorichnik, kniga 2*, [History of religions in Ukraine. Scientific yearbook. Book 2] Lohos, Lviv, Ukraine.
- Petrushko, V.I. (1998), Avtokefalisticheskie raskoly na Ukraine v postsovetskij period 1989–1997* [Autocephalous schisms in Ukraine in the post-Soviet period 1989–1997], *Pravoslavnyi Svyato-Tihonovskii bogoslovskii institut*, Moscow, Russia.
- Shkarovskii, M.V. (1999), *Russkaya pravoslavnaya cerkov' pri Staline i Hrushcheve: gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 gg.* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: State-Church relations in the USSR in 1939–1964], *Krutickoe Patriarshee podvor'e*, Moscow, Russia.
- Vladychenko, L. (2010), "Government agency for religious affairs in Ukraine of the Soviet Union period (1919–1991)", in *Istoriia religii v Ukraini: naukovyi shchorichnyk, kniga 1* [History of religions in Ukraine. Scientific yearbook. Book 1], Lohos, Lviv, Ukraine.
- Vladychenko, L.D. (2007), "Stages of development of the government agency for religious affairs in Ukraine (20th–21st centuries)", in *Priorytety derzhavnoi polityky v haluzi svobody sovisti: shliakhy realizatsii: Zbornik naukovykh materialiv* [The priorities of the sovereign policy in the hacks of freedom of conscience. Ways of implementation. Collection of scientific materials], *Svit znan*, Kiev, Ukraine.
- Zdiuruk, S. (2005), *Suspilno-relihiini vidnosyny: vyklyky Ukraini XXI stolittia* [Socio-religious relations: challenges of Ukraine of the 21st century], *Znannia Ukrainy*. Kiev, Ukraine.

Информация об авторе

Сергей П. Донцев, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dontsev@gmail.com

Information about the author

Sergei P. Dontsev, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dontsev@gmail.com

Политика Латвии в отношении образования на русском языке

Кирилл А. Зверев

*Костромской государственной университет,
Кострома, Россия, zverew.kir@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается развитие русскоязычного школьного образования в независимой Латвии с 1992 по 2020 г., а также процесс реформирования данной системы официальными властями. На момент провозглашения независимости и выхода из состава СССР в Латвии сложилась билингвальная система образования, позволявшая пройти обучение всех уровней (от детского сада до техникума и университета) как на латышском, так и на русском языках. Приход к власти в 1990-е гг. националистических кругов и восприятие советского периода как периода «оккупации» сделал невозможным сохранение русскоязычной школы в неизменном виде. Преобразования не заставили себя долго ждать – уже в 1995 г. были приняты поправки к закону об основной школе и гимназии, провозглашавшие необходимость введения в школах для национальных меньшинств нескольких предметов с преподаванием на латышском языке. Наиболее крупные реформы были осуществлены в 2004 г., когда старшее звено русскоязычных школ (10–12-й классы) было обязано обучаться в пропорции 60/40 – не менее 60% предметов на латышском языке, не более 40% – на русском. Второй комплекс реформ начал реализовываться в 2017 г., когда старшая школа (национальных меньшинств) целиком перешла на латышский язык обучения, а средняя школа – лишь частично. Латвийские власти объясняют необходимость данных реформ стремлением повысить уровень знания государственного языка среди национальных меньшинств, в первую очередь русскоязычных. Реформа продолжается и будет завершена лишь в 2021 г. Данная статья является первой попыткой осмысления реформы русской школы Латвии с учетом последних преобразований. В работе используются статистические данные общественных организаций и Министерства образования Латвии, а также источники на латышском языке, которые вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: русскоязычное население Латвии, русскоязычное образование, реформирование образования, школы национальных меньшинств

Для цитирования: Зверев К.А. Политика Латвии в отношении образования на русском языке // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 134–146. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-134-146

Latvian policy regarding Russian-language education

Kirill A. Zverev

*Kostroma State University, Kostroma, Russia,
zverew.kir@yandex.ru*

Abstract: The article considers the development of Russian-language school education in independent Latvia from 1992 to 2020, as well as the process of reforming the system by official authorities. At the time of declaration of independence and withdrawal from the USSR, a bilingual education system which was formed in Latvia, made it possible to get education at all levels (from kindergarten to technical school and university) in both Latvian and Russian languages. The rise to power in the 1990s of nationalist politicians and the perception of the Soviet period as a period of “occupation”, made it impossible to keep the Russian-speaking school unchanged. The transformations were not long in coming – already in 1995 amendments to the law on the primary school and gymnasium were adopted, proclaiming the need to introduce several subjects teaching in the Latvian language in schools for national minorities. The largest reforms were carried out in 2004, when high school link in Russian-language schools (grades 10–12) was required to study in a 60/40 ratio – at least 60% of subjects in Latvian and no more than 40% in Russian. The second set of reforms began to be implemented in 2017, when the high school (of national minorities) completely switched to the Latvian language of instruction, and the secondary school was only partly switched to the Latvian language. The Latvian authorities explain the need for these reforms by the desire to increase the level of knowledge of the state language among national minorities, primarily Russian-speaking. The reform continues and will be completed only in 2021. The article is the first attempt at understanding the reform of the Russian school of Latvia with taking into account the latest transformations. The work uses statistical data from public organizations and the Ministry of Education of Latvia, as well as sources in the Latvian language, which are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Russian-speaking population of Latvia, Russian-language education, reformation of education, schools of national minorities

For citation: Zverev, K.A. (2021), “Latvian policy regarding Russian-language education”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 3, pp. 134–146, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-134-146

Система образования является одной из основ любого государства, так как именно она отвечает за формирование личности гражданина и общества в целом. От уровня и качества знаний зависит отношение человека к тем или иным изменениям в стране и мире, а также конкурентоспособность на рынке труда. В стремлении повысить данную конкурентоспособность правительства практически всех стран непрерывно реформируют свою систему образования на протяжении последних десятилетий. Эти изменения затрагивают и интересы наших соотечественников, постоянно проживающих за рубежом. Так, на постсоветском пространстве практически повсеместно возобладала тенденция по переводу русскоязычного образования на национальные языки – по данному пути пошли государства Средней Азии, Грузия, Украина, но одной из первых – Латвия. Тем интереснее рассмотреть латвийский опыт реформирования русскоязычного образования, его цели, задачи и итоги. Дополнительную актуальность данной теме дает тот факт, что в нынешнем 2020 г. латвийская реформа русской школы подходит к своему логическому завершению – а именно впервые государственные экзамены в 9-х классах школ национальных меньшинств, а также обучение в 10–12-х классах будут проводиться исключительно на латышском языке.

В Латвии проживает наиболее многочисленное в прибалтийских республиках русскоязычное меньшинство, составлявшее на 1989 г. до 45% всего населения¹, поэтому с советских времен здесь существовала билингвальная система образования, позволявшая пройти обучение всех уровней (от детского сада до техникума и университета) как на латышском, так и на русском языках. Но с выходом Латвии из состава СССР и курсом на построение национального государства встал вопрос о целесообразности сохранения данной системы. Приход к власти в 1990-е гг. националистических кругов и восприятие советского периода как «оккупации», а местного русскоязычного населения – как «пришлых колонистов», призванных изменить этический состав Латвии [Зверев 2020, с. 163–177], сделал невозможным сохранение русскоязычной школы в неизменном виде. Преобразования не заставили себя долго ждать – уже в 1995 г. были приняты поправки к закону об основной школе и гимназии², провозглашавшие необходимость введения в школах для национальных меньшинств как минимум двух предме-

¹ *Latvijas tauta Pēc 2000. gada tautskaites* (Народ Латвии после переписи 2000 г.) // *Latvijas Vēstnesis*. 2002. Nr. 65.

² *Grozījumi Latvijas Republikas Izglītības likumā* (Поправки к Закону об образовании Латвийской Республики) // *Latvijas Vēstnesis*. 1995. Nr. 123.

тов с преподаванием на латышском языке в основной школе и не менее трех – в средней. Однако никакой речи об отказе от образования на русском языке не шло.

Новый же закон об образовании, принятый Сеймом в 1998 г.³, уже предусматривал полный переход на латышский язык обучения в старшем звене школы (10-й, 11-й, 12-й классы), а также на 1-х курсах в учреждениях среднего профессионального образования. Данные изменения должны были вступить в силу с 1 сентября 2004 г. Мотивировалась реформа необходимостью повышения уровня знаний латышского языка у иноязычных учеников, а значит, и их конкурентоспособности на рынке труда. Ведь, согласно исследованиям, в 1989 г. лишь 23% представителей национальных меньшинств владели латышским языком, в 2000 г. – уже 53%⁴.

Однако нелатыши восприняли реформу как ассимилятивную по своей сути, направленную на постепенное свертывание системы русскоязычного образования. Практически сразу, как стало известно о новой редакции закона об образовании, начались акции протеста со стороны учителей, родителей, общественности [Лейшкалне 2005, с. 86–90]. Была создана общественная организация «Штаб защиты Русских школ Латвии», выступившая главной координирующей силой противников реформы. Российская Федерация и ПАСЕ выразили обеспокоенность действиями официальной Риги⁵. Но в целом какого-либо международного давления на Латвию оказано не было. Западные государства в канун масштабного евроатлантического расширения 2004 г. (Латвия, как и другие государства Восточной Европы, стала членом ЕС и НАТО именно в 2004 г.)

³ Izglītības likums (Закон об образовании) // Latvijas Vēstnesis. 1998. Nr. 343/344.

⁴ Программа освоения латышского языка // Сайт Министерства Иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshestva-v-latvii/programma-osvoeniya-latyshskogo-yazyka> (дата обращения 22.05.2020).

⁵ Обращение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Сейму Латвийской Республики» от 4 декабря 1998 г. // Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102056813&page=1&rdk=0&link_id=1#10 (дата обращения 23.05.2020); Перечень основных претензий и рекомендаций международных организаций и НПО к Латвии по правам национальных меньшинств (справочная информация) // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/492850 (дата обращения 23.05.2020).

предпочли не вмешиваться во внутренние дела Латвии и выработали известный консенсус по отношению к националистическому курсу Прибалтийских республик [Зверев 2020, с. 163–177]. Кроме того, аналогичные преобразования в этот же самый момент планировались и в соседней Эстонии [Зверев 2014, с. 112–115]. Сама же образовательная реформа фактически расколола латвийское общество по национальному признаку. Согласно социологическим исследованиям, реформу поддерживали 77% латышей, 26% русских и 35% представителей других национальностей⁶.

По мере приближения к установленным реформой срокам стало очевидно, что русскоязычные школы не готовы к полному переходу на латышский язык обучения (в 10–12-х классах)⁷. Главными проблемами оказалось отсутствие необходимых методических пособий, а также недостаточный уровень владения государственным языком как среди учителей, так и среди учеников школ национальных меньшинств. Более масштабными стали и акции протеста [Лейшкалне 2005, с. 86–90]. В результате Кабинету Министров пришлось пойти на компромисс и продлить переходный период еще на три года – до 1 сентября 2007 г.⁸ Была выработана новая модель – 60/40, т. е. 60% предметов должны преподаваться на латышском языке и 40% предметов на русском, которая и реализовывалась в новой редакции закона об образовании⁹ с 10-го класса старшей школы. К преподаванию в пропорции 60/40 все школы национальных меньшинств приступили с 1 сентября 2004 г. Подчеркиваем, что реформа коснулась исключительно старшего звена, в основной школе (до 9-го класса) на данном этапе перевода на латышский язык обучения не происходило. При этом сторонниками данного компромиссного подхода в преподавании на латышском и русском языках – 60/40 – к 2004 г. были лишь 18% учителей, 11% учеников и 7% родителей учащихся школ

⁶ Ethnopolitical tension in Latvia: looking for the conflict solution / Ed. by V. Zepa, I. Šūpule, E. Kļave. Riga: Baltic Institute of Social Sciences, 2005. P. 41.

⁷ Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / Под ред. В.В. Полещука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 64–66.

⁸ Grozījums Ministru kabineta 2000. gada 5. decembra noteikumos Nr. 463 “Noteikumi par valsts vispārējās vidējās izglītības standartu” (Поправка к Постановлению Кабинета министров № 463 от 5 декабря 2000 г. «Положение о государственном общем стандарте среднего образования») // Latvijas Vēstnesis. 2003. Nr. 74.

⁹ Grozījumi Izglītības likumā (Поправки к Закону об образовании) // Latvijas Vēstnesis. 2004. Nr. 24.

национальных меньшинств¹⁰. Накануне осуществления реформы, в 2004 г., были проведены социологические исследования и мониторинги, показавшие, что лишь 18% педагогов школ национальных меньшинств могут свободно говорить на латышском. 41% учителей считали, что школьникам не под силу успешно обучаться в средней школе на латышском языке. Полностью готовы к переходу к системе 60/40 – 16% школ. 46% директоров, 51% учителей, 38% родителей и 15% учеников считали, что их школа не сможет перейти с 1 сентября 2004 г. на латышский язык обучения [Бухвалов, Плинер 2008, с. 48]. Однако эти данные не повлияли на намерение латвийских властей претворить реформу в жизнь в указанные сроки.

Тем не менее правительство и Сейм четко дали понять, что пропорция 60/40 – это временное явление, конечной целью в будущем является полный перевод русскоязычного образования на латышский язык обучения [Зверев 2020, с. 163–177]. Продолжившиеся протесты, иск общественных организаций и русскоязычных депутатов Сейма в Конституционный суд Латвии с требованием отмены реформы как противоречащей Основному закону страны не привели к каким-либо изменениям¹¹. Однако, по нашему мнению, столь высокий общественный резонанс все-таки замедлил данную реформу и вынудил местный политический истеблишмент действовать более осторожно. Кроме того, в соседней Эстонии, где задумывалась аналогичная реформа русскоязычной школы, власти, видя рост недовольства в Латвии, были вынуждены также продлить переходный период до 2011 г. [Зверев 2014, с. 112–115].

Как видно из табл. 1, с момента восстановления независимости латвийское правительство стабильно увеличивало количество школ с латышским языком обучения и, наоборот, сокращало число русскоязычных школ, мотивируя это малокомплектностью последних [Полещук 2009, с. 67–68]. Однако, обращаясь к этой же таблице, можно заметить, что к 2007 г. сократилось не только число нела-

¹⁰ Опрос: школьники, родители и учителя против реформы образования // rus.DELFI.lv. 2004. 30 августа. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/opros-shkolniki-roditeli-i-uchitelya-protiv-reformy-obrazovaniya.d?id=8936513&all=true> (дата обращения 22.05.2020).

¹¹ Latvijas Republikas Satversmes tiesa Spriedums vārdā 2005. gada 13. Maijā Nr. 2004-18-0106 (Постановление Конституционного суда Латвийской Республики от 13 мая 2005 г. Lietā Nr. 2004-18-0106) // Сайт Конституционного суда Латвийской Республики. URL: http://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2016/02/2004-18-0106_Spriedums.pdf (дата обращения 23.05.2020).

тышских учеников, но и обучающихся на государственном языке, при этом количество латышских школ осталось неизменно высоким, т. е. официальная Рига всеми силами стремилась сохранить малокомплектные школы с преподаванием на государственном языке. Тем временем представители национальных меньшинств – в первую очередь русскоязычные жители, проживавшие в населенных пунктах, где закрывались школы нац. меньшинств – не имея альтернативы, вынужден были отдавать своих детей в школы с латышским языком обучения [Полещук 2009, с. 67–68].

Мнение экспертов и педагогов, призывавших более осторожно подходить к реформе и делать ставку именно на билингвальные программы обучения [Лейшкалне 2005, с. 86–90], не было услышано. Все это дает основание говорить о реформе как исключительно политическом шаге, лишь опосредовано связанном с декларируемой целью повышения знания латышского языка. На данный аспект в своих работах указывают латвийские исследователи Гунна Лейшкалне, Яков Плинер, Валерий Бухвалов, Вадим Полещук и др. [Лейшкалне 2005, с. 86–90]. Перевод русскоязычных школ на государственный язык обучения не был должным образом подготовлен, отсутствовало обоснование необходимости придерживаться пропорции 60/40, а не какой-либо другой [Бухвалов, Плинер 2008, с. 24–41]. Кроме того, претворялись в жизнь данные преобразования правым кабинетом министров, где ведущую роль играли именно националистические партии.

Результаты реформы 2004 г. оказались двоякими. С одной стороны, уровень знания латышского языка среди выпускников русскоязычных школ, бесспорно, повысился. Если в 1996 г. лишь 49% учащихся школ национальных меньшинств оценивали свои знания латышского как хорошие, то к 2010 г. таковых набралось уже 73%. При этом отношение к реформе образования среди школьников-нелатышей тоже улучшилось – если в 2004 г. ее поддерживали 15%, то в 2010 г. – уже 35% обучающихся¹². С другой стороны, снизился уровень знаний по ключевым учебным дисциплинам [Бухвалов, Плинер 2008, с. 64–104]. Так, по математике средние оценки выпускников школ с преподаванием на языках меньшинств в 2004 г. были на 4% ниже оценки выпускников школ с преподаванием на латышском языке, в 2005 г. – на 5%, в 2006 г. – на 8,1%, в 2007 г. – на 9,4% ниже. В то же время разница в оценке по

¹² Исследование: русские школьники хотят учиться по-латышски // rus.DELFI.lv. 2011. 16 февраля. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-russkie-shkolniki-hotyat-uchitsya-po-latyshski.d?id=36865757> (дата обращения 24.05.2020).

Таблица 1

Число школ и учеников в соответствии с языком обучения
[Полюшук 2009, с. 67]

Учебный год	Школы – язык обучения			Общее количество школ	Учащиеся – язык обучения			Общее количество учащихся	% обучающихся на латышском
	Латышский	Русский	Смешанный*		Другой	Латышский	Русский		
1991/1992	585	219	178	985	183 266	154 736	208	338 210	54,19
1992/1993	623	223	179	1029	181 875	146 457	328	328 660	55,34
1993/1994	652	216	175	1043	191 517	143 904	461	335 882	57,02
1994/1995	679	209	176	1071	199 146	138 002	727	337 875	58,94
1995/1996	699	207	182	1094	209 947	136 740	854	347 541	60,41
1996/1997	719	205	182	1112	219 684	133 882	908	354 474	61,97
1997/1998	728	200	176	1110	228 059	130 912	1043	360 014	63,35
1998/1999	728	195	145	1074	226 166	120 866	1173	348 205	64,95
1999/2000	727	189	133	1057	230 239	114 469	1344	347 052	66,34
2000/2001	724	178	128	1037	232 859	110 629	1334	344 852	67,53
2001/2002	725	175	122	1029	232 239	103 350	1352	336 941	68,93
2002/2003	720	166	124	1017	227 552	96 554	1397	325 503	69,91
2003/2004	729	159	115	1009	219 975	91 209	1305	312 489	70,39
2004/2005	724	155	108	993	214 855	84 559	1253	300 667	71,46
2005/2006	727	152	97	983	205 189	77 471	1206	283 947	72,26
2006/2007	727	148	92	974	194 230	70 683	1116	266 111	72,99
2007/2008	722	141	88	958	181 107	65 402	1432	250 941	72,17

*Смешанный – применение латышского и русского языков обучения.

английскому языку была стабильной – на 6,5–7,5% ниже. По истории результаты выпускников русскоязычных школ в 2004 г. были хуже на 10%, а в 2007 г. – на 20,8% [Полецук 2009, с. 70]. Однако официальная Рига данные исследования игнорирует и приводит иные цифры, не свидетельствующие о каком-либо значимом снижении уровня знаний школьников-нелатышей¹³. Мы же в данной статье придерживаемся мнения, что реформа привела к снижению уровня знаний учащихся школ национальных меньшинств, так как располагаем данными из соседней Эстонии, где аналогичная реформа имела место быть, хотя и проводилась более осторожно [Зверев 2014, с. 112–115].

Разумеется, претворяя в жизнь данную образовательную реформу, латвийские власти стремились именно к решению языкового вопроса – повышение уровня знаний государственного языка, пусть и ценой снижения качества знаний. Однако русскоязычное население в целом восприняло вышеозначенную реформу как ассимилятивную по своей сути, направленную на латышизацию нетитульного населения¹⁴. С данным утверждением сложно не согласиться. Так как мы видим, что преобразования в сфере просвещения к 2010-м гг. достигли декларируемой цели – повышения уровня знаний латышского языка. Но официальная Рига продолжила наращивать преподавание на государственном языке в школах национальных меньшинств.

Новый виток реформ школ национальных меньшинств в Латвии был инициирован осенью 2017 г., когда министр образования и науки Карлис Шадурскис (он же являлся главным идеологом реформы 2004 г.) объявил о необходимости увеличения количества предметов, преподаваемых на латышском. Соответствующие поправки к закону об образовании были приняты Сеймом Латвии уже 23 марта 2018 г.¹⁵ Фактически сущность данных поправок можно охарактеризовать в виде табл. 2.

¹³ См.: Образование национальных меньшинств // Сайт Министерства иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integracija-obshestva-v-latvii/obrazovanie-nacionalnyh-menshinstv> (дата обращения 30.05.2020).

¹⁴ *Малашонок А.* Национальная школа и национальный вопрос // rus.DELFI.lv. 2011. 10 марта. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/versions/aleksandra-malashonok-nacionalnaya-shkola-i-nacionalnyj-vopros.d?id=37298343> (дата обращения 24 мая 2020 г.); *Плинер Я.Г.* Мы не Иваны, не помнящие родства // rus.DELFI.lv. 2012. 8 февраля. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/versions/yakov-pliner-my-ne-ivany-ne-pomnyaschie-rodstva.d?id=42115592> (дата обращения 24.05.2020).

¹⁵ *Grozījumi Izglītības likumā (Поправки к Закону об образовании) // Latvijas Vēstnesis. 2018. Nr. 65.*

Таблица 2

Поэтапный переход школ национальных меньшинств Латвии на латышский язык обучения¹⁶

Классы	Требования к языку обучения в школах до поправок 2018 г.		
	Государственные школы	Частные школы	Во всех школах
1–6	Нет ограничений	Нет ограничений	Не менее 50% на латышском языке (с сентября 2019 г.)
7–9	Нет ограничений	Нет ограничений	Не менее 80% на латышском языке (с сентября 2019 г. в 7-х классах, с сентября 2020 г. в 8-х и с сентября 2021 г. в 9-х)
10–12	Не менее 60% на латышском языке	Нет ограничений	На латышском языке (с сентября 2020 г. в 10–11-х классах и с сентября 2021 г. в 12-х)

К 2021 г., когда планируется вступление в силу всех положений реформы, в Латвии невозможно будет получить даже начальное образование на русском языке, даже в частных школах (до сих пор реформы в наименьшей степени затрагивали частные учебные заведения). Разумеется, и до 2018 г. в начальном и среднем звене школ национальных меньшинств практиковалось преподавание различных предметов на латышском, чтобы подготовить учащихся к дальнейшему обучению на государственном языке в 10–12-х классах, колледжах, вузах¹⁷. Однако столь жестких норм по количеству предметов на негосударственном языке до настоящего времени не существовало.

Бескомпромиссная позиция Кабинета министров Латвии привела к новому всплеску протестной активности. Кроме того, русскоязычные депутаты Сейма подали иск в Конституционный суд Латвии о противоречии реформы Основному закону страны. Одна-

¹⁶ Новейшие реформы // Сайт Министерства иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshhestva-v-latvii/novejshie-reformy> (дата обращения 30.05.2020).

¹⁷ См.: Глухих-Полещук А. Новая школьная реформа в Латвии: Можно ли сохранить русские школы? // rus.DELFI.ee. 2011. 10 марта. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/abroad/novaya-shkolnaya-reforma-v-latvii-mozhno-li-sohranit-russkie-shkoly?id=79914026> (дата обращения 29.05.2020).

ко иск был отклонен. Суд признал поправки к закону об образовании от 2018 г. соответствующими конституции, мотивировав свое решение в том числе «особыми обстоятельствами, вытекающими из продолжительной оккупации страны» (Советским Союзом)¹⁸, т. е. фактически суд оперировал к так называемой концепции оккупации Латвии, являющейся основой местной государственной исторической политики [Зверев 2020, с. 163–177].

Крайне негативно на возможность реализации данной реформы отреагировала Российская Федерация. Соответствующее заявление приняла Государственная Дума¹⁹, обратившись в ООН, ПАСЕ, ОБСЕ и другие международные организации с требованием оказать давление на официальную Ригу и защитить право местного русскоязычного населения на образование на родном языке. Однако какого-либо международного резонанса, как и в 2004 г., латвийская реформа образования не вызвала.

На момент написания данной статьи реформа по переводу школ национальных меньшинств на латышский язык обучения осуществляется в плановом режиме и, скорее всего, будет реализована согласно первоначальному замыслу. Большая часть жителей Латвии, а именно – 61%, поддерживает данные преобразования²⁰. Отдельного социологического исследования о степени поддержки реформы теми, на кого она направлена – т. е. представителями национальных меньшинств, на данный момент не проводилось. Однако, учитывая долю в населении Латвии представителей нетитульных наций (38% от всего населения на 2011 г.²¹) и сопоставляя

¹⁸ Цит. по: Latvijas Republikas Satversmes tiesa Spriedums vārdā 2019. gada 23. Aprīli lietā Nr. 2018-12-01 (Постановление Конституционного суда Латвийской Республики от 23 апреля 2019 г. Nr. 2018-12-01). С. 57 // Сайт Конституционного суда Латвийской Республики. URL: https://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2018/07/2018-12-01_Spriedums.pdf (дата обращения 29.05.2020).

¹⁹ Заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О недопустимости ликвидации школьного образования на языках национальных меньшинств Латвии» // Сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/428978-7> (дата обращения 30.05.2020).

²⁰ Глухих-Полещук А. Новая школьная реформа в Латвии...

²¹ 2011. gada tautas skaitīšanas Latvijā galvenie rezultāti (Основные итоги переписи населения Латвии 2011 г.) // Centrālā vēlēšanu komisija (Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии) URL: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publikacijas/nr_13_2011gada_tautas_skaitisanas_rezultati_isuma_12_00_lv.pdf (дата обращения 30.05.2020).

вышеозначенные цифры, можно предположить, что данная реформа у них не встречает сочувствия.

Подводя итог, можно констатировать, что реформирование школ национальных меньшинств в Латвии направлено в первую очередь именно на русскоязычную часть населения и преследует политические цели. Уже первый этап реформ конца 1990 – начала 2000-х гг. привел к повышению уровня знаний латышского языка среди учащихся нетитульной национальности и тем самым выполнил свою задачу. Второй же этап преобразований, инициированный в 2017 г., является, по нашему мнению, исключительно ассимилятивным и проводится в русле местной государственной политики памяти. Ведь официальная Рига не оставила альтернативы национальным меньшинствам обучаться на негосударственном языке даже в частных школах. Утрата возможности получать базовое образование на родном языке – это сильнейший удар по русскоязычной диаспоре Латвии. Крайне сложно сохранить свою национальную идентичность, не получая знаний на родном языке. Кроме того, ни одна диаспора не сможет оставаться консолидированной и дееспособной, не воспроизводя себя, не имея хорошо образованную прослойку. Мы придерживаемся мнения, что в случае перевода школ национальных меньшинств Латвии на государственный язык обучения процесс маргинализации и размывания местного русскоязычного меньшинства многократно усилится и приведет к его частичной ассимиляции.

Литература

- Бухвалов, Плинер 2008 – *Бухвалов В.А., Плинер Я.Г.* Реформа школ нацменьшинств в Латвии: анализ, оценка, перспективы. Рига: Фонд Татьяны Жданок «Русской школе», Совет по образованию и культуре при ЗаПЧЕЛ, 2008. 71 с.
- Зверев 2020 – *Зверев К.А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 163–177.
- Зверев 2014 – *Зверев К.А.* Политика Эстонской Республики в отношении школьного образования на русском языке (1992–2007) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 112–115.
- Лейшкалне 2005 – *Лейшкалне Г.К.* Русскоязычное население Латвии: проблемы интеграции в общество // Социологические исследования. 2005. № 9 (257). С. 86–90.
- Полещук 2009 – Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / Под ред. В.В. Полещука. М., 2009. 243 с.

References

- Bukhvalov, V.A. and Pliner, Ya.G. (2008), *Reforma shkol natsmenshinstv v Latvii: analiz, otsenka, perspektivy*. [Reform of school of national minorities in Latvia. Analysis, evaluation, perspectives], Tatiana Zhdanok Foundation “Russian Schools”, Riga, Latvia.
- Zverev, K.A. (2020), “State History policy in modern Latvia”, *Problemy natsionalnoy strategii*, 2020, vol. 58, no. 1, pp. 163–177.
- Zverev, K.A. (2014), “Policy of Estonian Republic on Russian language-based school education in 1992–2007”, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2014, no. 4, vol. 1, pp. 112–115.
- Leyshkalne, G.K. (2005), “Russian-speaking community in Latvia. Issues of integration into society”, *Sociological Research*, 2005, vol. 257, no. 9, pp. 86–90.
- Poleshchuk, V.V. (2009), *Problemy prav natsional'nykh men'shinstv Latvii i Estonii* [Issues of the rights of national minorities in Latvia and Estonia], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Кирилл А. Зверев, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия; 156005, Россия, Кострома, ул. Дзержинского, д. 17; zwerew.kir@yandex.ru

Information about the author

Kirill A. Zverev, Cand. of Sci. (History), Kostroma State University, Kostroma, Russia; bld. 17, Dzerzhinsky St., Kostroma, Russia, 156005; zwerew.kir@yandex.ru

«Мягкая сила»
во внешней политике Султаната Оман

Елена С. Мелкумян

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

g.kosach@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается внешняя политика Омана и инструменты «мягкой силы», которые эта страна использует для успешной реализации своих национальных целей в международных отношениях. Автор анализирует специфические черты внешнеполитической деятельности Султаната Оман, акцентируя внимание на том, что страна предпочитает опираться на «мягкую силу», избегая, по возможности, использования «жесткой силы». История этой страны стала причиной такого выбора, определив во многом миролюбивый характер его внешней политики. Государство сознательно стремится сохранить связи со своими традиционными внешнеполитическими партнерами, отказываясь от участия в каких-либо военных операциях против этих государств или оказанию дипломатического или экономического давления на них. Автор приводит многочисленные примеры, которые подтверждают эту характерную особенность внешней политики султаната.

В статье также рассматривается такой широко применяемый ресурс «мягкой силы» Омана, как посредническая деятельность. Выступая в качестве медиатора в разрешении спорных проблем или же для создания необходимых условий для начала переговоров между конфликтующими сторонами, султанат стремится к достижению региональной стабильности.

Ключевые слова: Оман, «мягкая сила», внешняя политика, посредничество, дипломатия, миролюбие, «жесткая сила»

Для цитирования: Мелкумян Е.С. «Мягкая сила» во внешней политике Султаната Оман // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 147–159. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-147-159

“Soft Power” in Sultanate of Oman’s foreign policy

Elena S. Melkumian

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia,
g.kosach@mail.ru*

Abstract. The article considers the foreign policy of Oman and its instruments of “soft power”, which that country is using for successful realization of its national goals in the international relations. The author is analyzing special characteristics of Oman’s foreign policy, paying attention to the fact that the country in its foreign activity primary bases on “soft power” avoiding as possible the use of “hard power”. The history of the country was the cause such a choice and determined peaceful character of its foreign policy. The state is trying to conserve the friendly relations with its traditional foreign partners, refusing to participate in military operations against them or economic or diplomatic pressure on them. The author gives a lot of cases, which confirming that special feature of the foreign policy of the Sultanate.

The author is also considers so widely used resource of “soft power” of Oman as mediation. By mediating in resolving disputes or in helping to organize the negotiations between conflicting sides the Sultanate is trying to achieve regional stability.

Keywords: Oman, “soft power”, foreign policy, mediation, diplomacy, peacefulness, “hard power”

For citation: Melkumian, E.S. (2021), “‘Soft Power’ in Sultanate of Oman’s foreign policy”, RSUH/RGGU *Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 147–159, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-147-159

Введение

Султанат Оман – государство, расположенное в зоне Персидского залива. Оно не располагает большими ресурсами нефти и газа, не занимает ведущего положения в регионе и не стремится к тому, чтобы изменить сложившуюся ситуацию и стать влиятельным центром региональной политики. Однако Оман смог сохранить свой внешнеполитический курс, который в ряде случаев резко отличается от политики соседних арабских государств, которые являются партнерами Омана в Совете сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) – региональной организации, объединившей

шесть монархических государств, относящихся к зоне Персидского залива. Опора Омана на «мягкую силу» позволила ему занять определенную нишу в региональном политическом пространстве и избежать обострения отношений со своими партнерами.

«Мягкая сила»

Понятия «мягкая» и «жесткая» сила были введены в научный оборот американским политологом Джозефом Найем в 1990 г. Впервые эта концепция была изложена им в монографии “Round to Lead: the Changing Nature of American Power” [Nye 1990]. Джозеф Най опубликовал целый ряд работ, в которых развивал этот концепт. Одно из определений звучит следующим образом: «Если традиционная “жесткая сила” государства опирается на военную и экономическую мощь, то ресурсами “мягкой силы” является культура этой страны, ее политические ценности, идеология и реализуемая внешняя политика» [Nye 2004].

Концепция «мягкой силы» получила развитие в трудах многих зарубежных и отечественных авторов. Ее применение во внешней политике различных стран также было исследовано в целом ряде работ¹.

Анализ внешней политики Омана с опорой на концепцию «мягкой» силы дает нам возможность более углубленного понимания особенностей этой политики и тех факторов, которые определили внешнеполитический выбор этого государства.

Хотелось бы сделать еще одно предварительное замечание. Подход к использованию терминов «мягкая» и «жесткая» сила не всегда соответствует тому, что вкладывал в них Дж. Най. Эти термины применяются весьма произвольно, и их интерпретация порой кардинальным образом отличается от первоначально заложенного в них смысла. В данной статье «мягкая сила» рассматривается в соответствии с ее изложением в работах Дж. Ная.

Оман традиционно предпочитал использовать «мягкую силу» в своей внешнеполитической деятельности, что определялось особенностями его политической культуры. Ее характерными чертами являются стремление к мирному решению конфликтных ситуаций,

¹ *Ahadi A.* Public diplomacy in Middle East. A comparative analysis of the US and Iran // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2013. Vol. 4. No. 1, Spring. P. 105–128; *Blarel N.* India’s “Soft Power”. From potential to reality? // *India. The next superpower? IDEAS Special Report*. London: London School of Economics, 2012.

готовность к диалогу и достижению договоренностей на основе взаимных компромиссов и уступок.

Дипломатия. Оман опирается на дипломатию с целью упрочить свое положение в глобальном и региональном пространстве. Весь XX век в Омане султаны поддерживали связи только с Великобританией и Индией. Оман не был связан с Великобританией договором о протекторате, но фактически находился от нее в зависимости, получая финансовую и военную поддержку. Индия была традиционным торговым партнером султаната.

До 1970 г. в султанате имелось только два представительства иностранных государств – Великобритании и Индии. Страна была фактически изолирована от внешнего мира, что объяснялось стремлением ее правителей ограничить пагубное влияние Запада на ее жителей. Расширение связей с различными странами стало приоритетной задачей Омана после прихода к власти в 1970 г. султана Кабуса бин Саида Аль Саида. Первыми странами, которые признали новую власть в Омане, стали Великобритания, Саудовская Аравия и Кувейт.

Впервые созданная в Омане дипломатическая служба стала устанавливать отношения с зарубежными странами. В октябре 1970 г. Оман посетил эмир Абу-Даби, будущий президент ОАЭ Зайед бин Султан Аль Нахайян. Однако процесс установления контактов с арабским миром странами оказался непростым. В марте 1971 г. 55 сессия ЛАГ не удовлетворила просьбу Омана о приеме его в члены этой организации и перенесла рассмотрение этого вопроса на сентябрь того же года. Оман подвергся критике со стороны так называемых «прогрессивных антиимпериалистических» арабских государств за его тесные связи с Великобританией. Однако 29 сентября 1971 г. Оман был принят в члены ЛАГ. 7 октября того же года Оман стал полноправным членом ООН.

Постепенно расширялось число стран, признавших Оман. Среди первых неарабских государств были Индия, Пакистан и Япония. В 1972 г. султанат вступил в Организацию Исламская Конференция (ОИК) – в настоящее время Организация исламского сотрудничества, подтвердив тем самым исламский характер своего государства. В 1973 г. Султанат Оман стал членом Движения неприсоединения, как и большинство развивающихся стран в тот период.

Оман развивал отношения и с другими странами мира, в частности с теми, которые были исторически связаны с Оманом. Одним из таких направлений стало участие Омана в деятельности Ассоциации государств бассейна Индийского океана, которая была оформлена в марте 1997 г. и целью которой было провозглашено

расширение торговых связи между странами-участницами, как и привлечение новых инвестиций в их экономику. Оман вместе с Индией, Мавританией, Южной Африкой, Австралией, Сингапуром и Кенией два года готовил почву для создания этой организации. Давние связи с Индией сыграли свою роль в том, что Оман принял активное участие в этом процессе, надеясь на экономические выгоды, которые он сможет извлечь из этого партнерства.

Оман стремился укреплять отношения со своими соседями – государствами региона Персидского залива. Он был одним из тех стран, которые были заинтересованы в создании региональной организации в составе всех монархических государств Залива с целью обеспечения региональной безопасности.

Султанат поддержал проект Кувейта, который был обнародован в 1976 г. и который предусматривал укрепление сотрудничества между шестью монархическими государствами региона Персидского залива. Их политическая и историческая близость делала их объединение возможным. На базе этого проекта в мае 1981 г. был создан Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), членом которого стал и Султанат Оман.

Одним из главных направлений внешнеполитической деятельности страны стало укрепление отношений с ведущими странами Запада. Отношения с США имели для Омана особое значение, так как их укрепление позволяло ему рассчитывать на дипломатическую поддержку одной из сверхдержав того времени. Они имели давнюю историю. Впервые американский корабль зашел в оманский порт в 1790 г. В 1833 г. был подписан Договор о дружбе и торговле. В декабре 1958 г. был заключен новый Договор о дружбе, экономических отношениях и консульских правах. Оман направил своего официального представителя в США в 1840 г., а американское консульство в Маскате существовало с 1880 по 1915 г. Двусторонние связи долгое время не поддерживались, и посольство США было открыто только в 1972 г. В 1974 г. султан Кабус совершил свой официальный визит в Вашингтон².

В 1980 г. был заключен военный договор с США. На основе этого договора американская сторона могла использовать военные объекты на оманской территории. После ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. США приняли «доктрину Картера», которая предусматривала создание сил быстрого развертывания

² Oman. Politics, security, and US policy. Congressional Research service. Updated October 2019. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS21534.pdf>. (дата обращения 18.12.2019); Oman 98/99. Sultanate of Oman. Ministry of Information. 1999. P. 51.

и размещения вооружения в нестабильных регионах. Оман стал опорным пунктом военного присутствия США в регионе Персидского залива.

Война в провинции Дофар, где с 1965 по 1975 г. действовали антиправительственные силы, которые боролись с властью султана, опираясь на марксистскую идеологию, стала серьезной угрозой национальной безопасности Омана. Поддержка дофарских повстанцев Советским Союзом и другими социалистическими странами, а также их союзниками в арабском мире, прежде всего НДРЙ, объясняла позицию Омана, направленную на сближение с Соединенными Штатами, поскольку султанат считал, что только США смогут противодействовать советской угрозе в регионе.

Помимо США, Оман сохранил дружественные отношения и с Великобританией, которая продолжала занимать прочные позиции в его вооруженных силах. Кроме того, Великобритания оставалась главным поставщиком вооружения для Омана.

В 80-е, 90-е гг. XX в. шло планомерное расширение дипломатических связей. К концу 1990-х годов султанат установил дипломатические отношения со 134 странами³.

В начале 1980-х гг. Оман пошел на урегулирование отношений с Народно-Демократической республикой Йемен (НДРЙ), которые находились в кризисном состоянии из-за поддержки, оказанной этой страной повстанцам Дофара, выступавшим против правящего оманского режима. Нормализация отношений с Южным Йеменом привела к снижению помощи левым движениям, в том числе повстанцам Дофара, базировавшимся на территории НДРЙ, со стороны Советского Союза. Это открыло дорогу для установления в 1985 г. дипломатических отношений между Оманом и Советским Союзом.

К 2020 г. Оман имел свои представительства в 18 европейских странах, 24 – азиатских и 12 – африканских. Кроме того, были открыты оманские посольства в США, Канаде, Австралии, Бразилии⁴.

Миролюбие. Стремление к поиску мирных путей разрешения спорных ситуаций и отказ от резкого обострения отношений с другими странами отличает внешнеполитический курс этой страны. Оман не осудил заключение Египтом в 1979 г. Кэмп-дэвидских соглашений и мирного договора между Египтом и Израилем и не прервал с Египтом дипломатических отношений. Позиция Омана

³ Oman 98/99. Sultanate of Oman. Ministry of Information. 1999. P. 51.

⁴ Султанат Умман. Визарат аль-хариджийя (Султанат Оман. Министерство иностранных дел). URL: <https://www.mofa.gov.om/> (дата обращения 20.12.2019).

заклучалась в том, что шаг Египта – это шаг в сторону мира, который он готов был приветствовать.

Оман также отказался участвовать в коллективных санкциях против саддадовского режима, заключившего соглашения с Израилем. Они были приняты на Багдадском саммите арабских стран и подтверждены на совещании министров иностранных дел, экономики и финансов арабских стран в ноябре 1979 г. [Александров 1989, с. 577].

2 августа 1990 г. Ирак совершил агрессию против Кувейта. Оман, как и все члены ССАГЗ, осудил эту агрессию и поддержал Кувейт. Оманские вооруженные силы приняли участие в военной операции по освобождению Кувейта. Однако Оман, в отличие от других государств-членов этой организации, не разорвал дипломатические отношения с Ираком. Его позиция заключалась в том, что Ирак остается братской арабской страной, народ которой нуждается в поддержке соседних государств.

В период, когда Ирак находился в режиме международных санкций (1991–2003 г.), Оман начал развивать с ним контакты, прежде всего в области торговли. В марте 1998 г. Оман посетили две иракские делегации, что подтвердило готовность к возобновлению взаимных отношений. Однако в ходе этих визитов оманские официальные лица подчеркивали необходимость выполнения Ираком в полном объеме требований, содержащихся в резолюциях Совета Безопасности ООН.

В последующие годы Оман занимал умеренную позицию в отношении Ирака. Он не был сторонником проведения военной операции по свержению режима Саддама Хусейна в марте 2003 г., но и не протестовал, когда 20 марта 2003 г. коалиционные силы во главе с США начали ее проведение. Его нейтральная политика в этот период позволила ему сохранить традиционный характер отношений со своими основными партнерами, как в арабском мире, так и с США и европейскими государствами. Оманское правительство поддержало политический процесс в Ираке, и его позиция, озвученная Министерством иностранных дел страны, заключалась в том, что «все влиятельные общины в иракском обществе должны совместно прилагать усилия, направленные на достижение безопасности, и готовиться к восстановлению государственных институтов Ирака и иракской экономики»⁵. Позиция по отношению к Ираку отражала стремление Омана не обострять региональную ситуацию.

⁵ The Iraqi Situation. Sultanate of Oman. Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mofa.gov.om/mofanew/index.asp?id=2> (дата обращения 15.12.2020).

Подобные же соображения лежали в основе его особых отношений с Ираном, основанных на том, что шах Ирана оказал помощь Оману в его борьбе с повстанцами Дофара, направив туда в 1972 г. иранские войска, что стало решающим фактором, определившим победу султаната. Кроме того, обе страны связывают взаимные экономические интересы и вопросы обеспечения безопасности.

Государства ССАГЗ рассматривали Иран в качестве своего стратегического противника. В документах организации его обвиняли в нарушении региональной безопасности и стабильности и вмешательстве во внутренние дела арабских государств, таких как Сирия, Йемен, Ирак, Ливан, Бахрейн. Кроме того, по мнению лидеров этих стран, Иран оказывал поддержку антиправительственным экстремистским группировкам, прежде всего в Бахрейне и Саудовской Аравии. Оман не отрицал этих обвинений, но выступал за проведение с Ираном переговоров. По заявлению министра иностранных дел султаната Юсефа бен Алави, «государства Залива имеют стратегические цели в стабилизации ситуации, что ясно для нас всех. Иранцы – наши соседи, ясно, что все хотят решить проблемы Ближнего Востока, что станет началом мирного пути развития региона, хватит нам войн и противостояния, необходимо, чтобы будущие поколения благоденствовали в условиях региональной стабильности»⁶. Он поддерживал нормальные отношения со своим соседом, воздерживаясь от каких-либо мер давления на него. В январе 2016 г. Оман был единственной страной ССАГЗ, которая не понизила уровень своего дипломатического представительства с Ираном как знак солидарности с Саудовской Аравией, разорвавшей отношения с этой страной.

Еще одним примером миролюбивой политики султаната было его стремление урегулировать все спорные территориальные проблемы с соседними странами, в первую очередь с партнерами по ССАГЗ. В марте 1990 г. Оман подписал соглашение с Саудовской Аравией о демаркации границ. В ноябре 1992 г. в Эр-Рияде состоялась церемония подписания окончательного соглашения о пограничных картах. Копии карт были переданы на хранение в штаб-квартиру ЛАГ в Каире в ноябре 1995 г.

В июне 1995 г. Оман пошел и на окончательную демаркацию границ с Йеменом в соответствии с подписанным в 1992 г. двусто-

⁶ Бен Алави ли Аш-Шарк Аль-Аусат: аль-иттифак маслаха муштарака ва янакис аля истикрар аль-минтака (Бен Алави Аш-Шарк Аль-Аусат: согласие – общий интерес, оно скажется на стабильности региона). Аш-Шарк Аль-Аусат. 26 ноября 2013. URL: <http://www.aawsat.com/print.asp?did=751657&issueno=12782> (дата обращения 20.04.2018).

ронным соглашением. В 1997 г. состоялась церемония передачи карт с обозначением границ между двумя странами в ЛАГ. Оман также выразил готовность принять компромиссное решение в урегулировании территориальных разногласий с эмиратом Шарджа, входящим в ОАЭ, для того чтобы заключить соглашение о разграничении границ с этим государством. Связи с ОАЭ имели особое значение для Омана, так как многие оманцы работали в этой стране, прежде всего в армии этого федеративного государства. Кроме того, между обеими странами существовали тесные экономические связи, основанные на взаимных интересах.

Демаркация границ с ОАЭ стала завершающим этапом по демаркации сухопутных границ султаната. Он был заинтересован в обеспечении своей национальной безопасности для проведения тех широкомасштабных реформ, которые были им намечены.

Стремление Омана к урегулированию конфликтов мирным путем было продемонстрировано им в отношении арабо-израильского конфликта. Он стал участником многосторонних переговоров с Израилем, проходивших в 1992–1996 гг. В Омане в апреле 1994 г. проходили переговоры рабочей группы по водному вопросу. Их результатом стало создание Ближневосточного исследовательского центра по опреснению воды, который располагался в Омане. В декабре 1994 г. Оман стал первой арабской страной, которую посетил с официальным визитом премьер-министр Израиля Ицхак Рабин. В апреле 1996 г. в этой стране побывал и премьер-министр Шимон Перес. В 1995 г. Оман открыл торговое представительство Израиля. В ответ было открыто оманское торговое представительство в Израиле.

Торговые представительства в арабских государствах были закрыты в сентябре 2000 г., когда в Израиле была начата вторая палестинская интифада. Как заявил Юсеф бен Алави, исполнявший обязанности министра иностранных дел Омана, во время беседы со своим израильским коллегой на конференции в Дохе в сентябре 2000 г., «израильское торговое представительство в Омане будет закрыто до заключения соглашения о создании палестинского государства»⁷.

В октябре 2018 г. премьер-министра Израиля Биньямин Нетаньяху посетил Оман с официальным визитом. Он провел встречу с султаном Кабусом бен Саидом. Обсуждались пути урегулирования арабо-израильского конфликта. Оман, по всей вероятности,

⁷ Oman. Politics, security, and US policy – Congressional Research Service. Updated October 17, 2019. P. 13. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS21534.pdf> (дата обращения 20.12.2020).

выступает в качестве посредника в налаживании связей между Израилем и арабским миром, что подтверждает состоявшийся накануне визит председателя ПНА Махмуда Аббаса в Оман.

Оман не участвовал в военных операциях, которые в последние годы проводятся арабскими государствами региона. Несмотря на то что султан вступил в антитеррористическую коалицию под эгидой США, созданную для борьбы с Исламским государством, его военные формирования не были отправлены для участия в военных действиях. Он также не поддерживал действия оппозиционных группировок в Сирии, как его партнеры по ССАГЗ.

Посредническая деятельность. Посредническая деятельность является одной из характерных черт внешней политики этого государства. Оман неоднократно выступал в роли миротворца. Во время ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) он прилагал усилия к заключению соглашения о прекращении огня между противоборствующими сторонами.

Посредничество Омана содействовало освобождению в июне 1988 г. советских военнопленных, захваченных во время афганской войны, которые содержались в Пакистане [Денисов 2000, с. 171].

В период нахождения Ирака в режиме международных санкций после иракской агрессии в отношении Кувейта в 1990 г. Оман оказывал содействие продвижению переговоров о частичном ослаблении нефтяного эмбарго, акцентируя гуманитарные аспекты иракской проблемы [Денисов 2000, с. 110].

Одной из наиболее известных посреднических акций Омана стало начало переговоров между Ираном и США по поводу иранской ядерной программы. В ноябре 2014 г. госсекретарь США Джон Керри встретился с министром иностранных дел Ирана Мохаммедом Джавад Зарифом в Маскате для того, чтобы ускорить начало переговоров по иранскому ядерному досье. Следующий раунд переговоров между Ираном и США страны «шестерки» прошли в Омане, в результате которых в июле 2015 г. в Женеве был подписан Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД). После выхода США в мае 2018 г. из этого договора Оман вновь стал востребован в качестве посредника. В мае 2019 г. госсекретарь США Помпео обсуждал с султаном Кабусом проблему роста напряженности между Ираном и США и помощь Омана в ее деэскалации⁸.

⁸ Юсеф бен Алави: нукриб виджат ан-назр бейна Иран ва Ас-Саудийя ва ат-тарафан юраххибан (Юсеф бен Алави: мы сближаем точки зрения между Ираном и Саудовской Аравией, и они приветствуют это). Аш-Шарк Аль-Аусат. 9 ноября 2014. URL: <http://www.aawsat.com/print.218306> (дата обращения 08.07.2015).

Для того чтобы снизить напряженность в отношениях между США и Ираном, Оман использовал свои контакты для того, чтобы добиться освобождения арестованных граждан той и другой страны. Он выступил медиатором в деле освобождения иранцев, задержанных американцами в 1987–1988 гг. во время ирано-иракской войны. В 2010 г. он помог освободить трех американских хакеров, удерживавшихся Ираном, а в 2013 г. – иранского ученого, арестованного в США по обвинению в том, что он пытался добыть ядерное оборудование⁹.

Оман неоднократно пытался наладить отношения между Саудовской Аравией и Ираном, активизировав свои усилия после того, как иранским президентом стал Хасан Рухани – противник консерваторов, выступавший за выход страны из международной изоляции. Министр иностранных дел Омана Юсеф бен Алави заявлял о своем стремлении сблизить точки зрения между двумя региональными державами¹⁰.

Во время Катарского кризиса, начатого в июне 2017 г., когда Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ, к которым примкнул и Египет, не только разорвали дипломатические отношения с Катаром, но и ввели против него экономические санкции, Оман прилагал усилия к примирению сторон.

Заключение

Султан Кабус, который был творцом внешнеполитического курса Султаната Оман, следующим образом охарактеризовал внешнюю политику своей страны: «Она строится на прочных основах, которые остаются неизменными: это деятельность, направленная на поддержание безопасности, мира и счастья всего человечества»¹¹.

10 января 2020 г. султан Кабус скончался, и на престол вступил Хейсам бин Тарик Аль Саид, который заявил о том, что он будет придерживаться тех же принципов во внешней политике, что и его предшественник. Он подчеркнул, что продолжит курс, направленный на мирное разрешение региональных конфликтов, выступая в качестве посредника и уклоняясь от прямого военного участия в них¹².

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

Для Омана, который проводит постепенную модернизацию страны, его внешняя политика должна обеспечивать стабильность – как главного условия для продолжения реформ. Для этого ему необходимо делать упор на дипломатическую деятельность и поддержание дружеских отношений с широким кругом государств, т. е. опираться на «мягкую силу».

Приверженность дипломатическим методам, готовность идти на компромиссы и диалог преопределили роль Омана в качестве медиатора, деятельность которого способствует в сближении точек зрения между конфликтующими сторонами и началу переговорного процесса.

Таким образом, Оман продолжит опираться на «мягкую силу» в своей внешней политике, так как на протяжении всего периода почти пятидесятилетнего нахождения у власти султана Кабуса подобный внешнеполитический курс доказал свою успешность.

Литература

- Александров 1989 – Александров И.А. Оман // Новейшая история арабских стран. М.: Наука, 1989. 638 с.
- Денисов 2000 – Денисов Н.А. Становление государства Оман в период правления султана Кабуса (70–90-е гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. 238 с.
- Nye 1990 – Nye J.S. Bound to lead: the changing nature of American power. N.Y., 1990. 336 p.
- Nye 2004 – Nye J.S. “Soft Power”. The means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.

References

- Aleksandrov, I.A. (1989), “Oman”, *Noveishaya istoriya arabskikh stran* [Modern history of Arab countries], Nauka, Moscow, Russia.
- Denisov, N.A. (2000), “*Stanovlenie gosudarstva Oman v period pravleniya sultana Kabusa (70s – 90s)*” [Formation of Omani State in the period of Sultan Kabus’ reign (70s – 90s)]. Ph.D. Thesis (History), Institute of Oriental studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.
- Nye, J.S. (1990), Round to lead: the changing nature of American power, New York, USA.
- Nye, J.S. (2004), “Soft Power”. The means to success in world politics, Public Affairs, New York, USA.

Информация об авторе

Елена С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл. д. 6;

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; g.kosach@mail.ru

Information about the author

Elena S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanity, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld. 12, Rojdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; g.kosach@mail.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 23.09.2021.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 8,7. Усл. печ. л. 10,0.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1423

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru